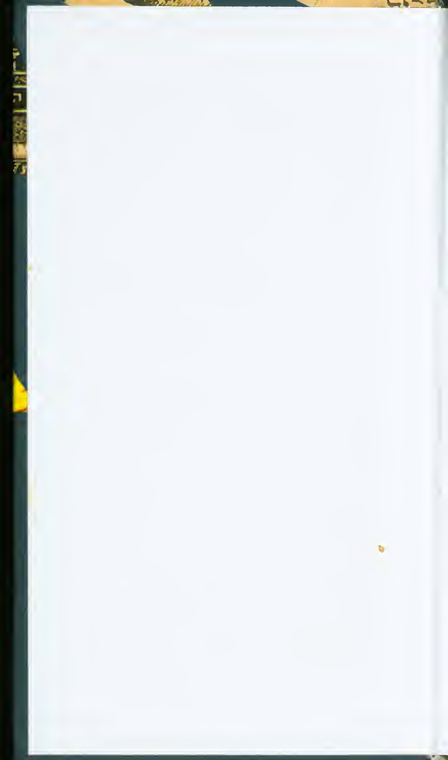
Мелвин Коннер

ЕВРЕЙ ТЕЛЕСНЫЙ

ЧЕЙСОВСКАЯ КОЛЛ

Издание этой книги посвящается

Эле Яковлевичу и Инне Юрьевне Долинер

с искренними пожеланиями крепкого здоровья, успехов и процветания во всем.

Да благославит Всевышний их и их детей во всех начинаниях и трудах.

Давид Розенсон и Фонд Ави Хай

This Book Is Published in Honor of

Elya and Inna Doliner

With sincere wishes for continued good health, prosperity, and success.

May G-d bless them and their children in all of their endeavors and may they continue to be proud, active Jews and supporters of Jewish life in the former Soviet Union.

David Rozenson and The AVI CHAI Foundation

Melvin Konner

THE JEWISH BODY

Мелвин Коннер

ЕВРЕЙ ТЕЛЕСНЫЙ

Перевод с английского
Е. Левина

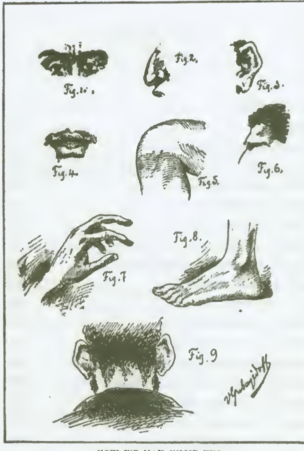
при поддержке
Фонда Ави Хай
Москва 2012

УДК 39(=411.16)+611
ББК63.3(0=евр)+28.71
К 64

Оформление серии А. Бондаренко

ISBN 978-5-7516-1011-1 («Текст»)
ISBN 978-5-9953-0161-5 («Книжники»)

ОГЛАВЛЕНИЕ

HOW WE MAY KNOW HIM.

Fig. 1. Restless suspicious eyes.
Fig. 2. Curved nose and nostrils.
Fig. 3. Ill-shapen ears of great size like those of a bat.
Fig. 4. Thick lips and sharp rat's teeth.
Fig. 5. Round knees.
Fig. 6. Low brow.
Fig. 7. Long clammy fingers.
Fig. 8. Flat feet.
Fig 9. Repulsive rear view.

Характерные признаки евреев,
таблица из брошюры XIX века

ПРЕДИСЛОВИЕ

Перед нами иллюстрация, воспроизведеная в книге, название которой звучит так: «Жид! Документальная история антисемитизма в Америке» («Kike! A Documentary History of Anti-Semitism in America»). Эти рисунки впервые были опубликованы в книге «Подлинник мистера Джекобса» («The Original of Mr. Jakobs»), автор которой скрылся под именем «Anon», «Неизвестный».

На страницах книги представлены в виде таблицы выполненные пером девять небольших рисунков, изображающих различные части тела человека. Таблица называется «Как мы можем их опознать?», а в ее описании сказано следующее:

«Рис. 1. Беспокойные подозрительные глаза. Рис. 2. Кривой нос и ноздри. Рис. 3. Большие уши неправильной формы, как у летучей мыши. Рис. 4. Толстые губы, острые крысиные зубы. Рис. 5. Круглые колени. Рис. 6. Низкие брови. Рис. 7. Длинные, влажные пальцы. Рис. 8. Плоская ступня. Рис. 9. Отталкивающий вид сзади».

Второй рисунок представляет собой классический еврейский нос в профиль; на четвертом рисунке изображены крысиные зубки между мясистыми губами; седьмой рисунок больше похож на клешню, чем на человеческую кисть; на девятом рисунке изображен затылок неприятного субъекта с большими ушами и волосатой шеей.

Завершая описание таблицы, следует заметить, что нацистский взгляд на еврейскую анатомию был существенно более тонким и наукообразным. Однако расовая теория нацистов возникла на полвека позже, и ее создатели принадлежали к наиболее цивилизованной европейской нации, не чета отсталым американцам. Впрочем, хотя нацисты и могли воспользоваться европейскими и американскими разработками XIX века, корни этой теории лежат гораздо глубже; исследовать их появление и развитие — одна из задач этой книги.

Однако мы не собираемся концентрировать свое внимание только на том, как видели еврейское тело наши враги. С древнейших времен у евреев существовали вполне определенные представления о собственном теле. За три тысячи лет, которые прошли с тех пор, как евреи осознали себя народом, эти представления, а также практики, связанные с ними, несколько раз радикально менялись. Одни представления были связаны с законами, регулирующими сексуальные отношения; другие — возникли в результате интернализации уничижительных образов, созданных окружающими; третьи — стали результатом непосредственной реакции на эти «внешние», навязанные еврейскому народу стереотипы. Наконец, некоторые представления возникли в результате многовекового сопоставления-противопоставления еврейского тела и Тела (или бестелесности) еврейского Бога.

Евреев называли народом Книги, однако их также называли народом тела[1], а в важнейших еврейских книгах на протяжении веков активно обсуждались различные вопросы, связанные с телом: как можно и как нельзя его видоизменять; как заботиться о теле; как воспроизводить его; как удовлетворять насущные потребности организма; как благодарить и благословлять Бога за многочисленные телесные отправления и как поступать с телом, когда эти отправления прекратятся.

Еврейская Библия содержит множество установлений, касающихся тела, а двадцать веков их равви-

нистических толкований многократно преумножили свод таких законов. За это время еврейское тело, бывшее прежде сильным и воинственным, значительно ослабело и одрябло, но затем пришло время, когда оно вновь обрело и силу и воинственность. И это преображение тела имело важнейшие последствия для дальнейшей судьбы всего еврейского народа.

На судьбу евреев оказала огромное влияние их настойчивая убежденность в том, что Бог бестелесен. Вместе с тем отказ наделить Бога телом был теснейшим образом связан с представлениями о собственном теле. Средневековые мистические труды раввинов-каббалистов приписывали Богу некое подобие тела, и ученые до сих пор спорят о том, что конкретно они подразумевали в своих трудах.

Яаков получил имя «Израиль» (Исраэль), поскольку «и сказал: не Яаков отныне имя тебе будет, а Исраэль, ибо ты боролся с Богом и с людьми, и победил» (Бытие, 32:28), хотя и охромел после этой схватки. С тех пор народ Книги также называют богоборцем. Правда, в последнее столетие многие еврейские писатели интересовались борьбой с Богом куда меньше, чем противоборством человека с самим собой и его противостоянием окружающему миру. Их представления о еврейском теле: иногда веселые и ироничные, иногда грубые и гротескные — повлияли на сознание десятков тысяч еврейских и нееврейских читателей.

Задача этой книги — не только исследовать историю радикальных, по сути магических, трансформаций еврейского тела, но и попытаться понять, как еврейское тело и еврейские представления о нем повлияли на еврейскую мысль и вклад евреев в мировую цивилизацию. Кроме того, со всей осторожностью мы попробуем рассмотреть, каким образом многовековая телесная изоляция, которой евреи — к лучшему или к худшему — во многом обязаны своим представлениям о собственном теле, повлияла на особенности еврейской генетики.

Все эти темы объединяет следующее утверждение: мир сделал евреев слабыми, настолько физи-

чески слабыми, что даже сами они поверили в то, что единственная доступная им сила — это мощь их разума. Этой мощи и силы им действительно было не занимать, и они использовали ее, оттачивая свои представления о Боге и человеке, мужчине и женщине, сексе и любви, трагическом и комическом, создав в итоге изысканную систему позитивных отвлеченных понятий. Вместе с тем они не доверяли ничему телесному, так что даже собственное тело казалось им одновременно грязным и смешным. Смех приносил облегчение, равно как и радости сексуальных отношений (как именно это происходило, об этом мы поговорим позже). Таким же утешением для многих, посвятивших жизнь ее изучению, служила Тора.

Однако два важнейших события в истории XX века (первое, наиболее трагическое событие из всех, которые когда-либо случались с евреями, и второе, напротив, — самое прекрасное) заставили навсегда позабыть о еврейской слабости. Ее место заняла уникальная физическая мощь, поскольку лучшие силы еврейского разума пришли на помощь новой физической силе, выросшей из крови и пепла шести миллионов погибших. Этот союз породил государство Израиль и его армию. Несмотря на превосходящие силы врагов, он победил и будет побеждать дальше.

Когда я был маленьким, мой любимый раввин, Бернард Берзон[2], произносил пламенные речи о Торе, этике, соблюдении заповедей и государстве Израиль. Одна из них, вошедшая в книгу «Хорошее начало» («Good Beginning»), была посвящена библейскому рассказу о том, как Моше, охваченный первым порывом солидарности со своим народом, убивает египетского надсмотрщика. Раввин говорил о *галуте* — рассеянии, которое началось столетия спустя и длилось почти два тысячелетия:

«За многие века рассеяния и изгнания еврей приобрел рабскую, галутную психологию, в основе которой лежал страх. Подобно своим предкам в Египте, он склонялся под бичами и оскорблениями злодеев,

терпя унижение и теряя человеческое достоинство. Он покорно принимал удары и пощечины от каждого наглеца, не пытаясь ответить обидчику. Задолго до Ганди и Неру еврей придерживался политики непротивления злу. Он стал бесхребетным и слабым и больше всего боялся дать сдачи. Тот, кто вырос в Европе, подтвердит, что обычно ситуация выглядела так. Когда хулиганы-антисемиты угрожали кому-либо из нас, мы спасались бегством, молили о пощаде или закрывали лицо руками, чтобы немного смягчить удар».

В нашей синагоге было немало людей, готовых подтвердить этот горестный факт. Я и сам слышал много подобных историй. Однако в ту субботу раввин продолжил:

«Наше поколение стало свидетелем возрождения еврейской храбрости. Благодарение Богу, наши сыновья и дочери, живущие в Израиле, научились использовать силу против наших врагов... Благословен кулак каждого из этих героев! Да продолжат они бороться и бить всякого, кто хочет уничтожить Израиль!»

В течение восемнадцати веков евреи прибегали только к силе разума; это привело к беззащитности евреев, презрению к ним, изоляции, погромам и, наконец, к массовому уничтожения народа Книги в масштабах, неведомых истории. Традиционные еврейские ценности: Бог, закон, обычай, учеба, любовь, секс, семья, литература и юмор — прошли в ворота Освенцима и были признаны неполноценными. Бог не ответил на мольбу жертв Катастрофы, Тора не смогла объяснить их страдания, чувство юмора разбил шквал огня. Голод и болезни сделали несущественными сексуальные отношения; замужних женщин расстреливали за беременность, объявленную преступлением. Среди уничтоженных оказалось полтора миллиона еврейских детей, которых не смогла спасти любовь их отцов и матерей.

Таким образом, стало ясно, что еврею на нашей планете нельзя выжить, делая ставку только на силу

разума. Необходим был иной союз — союз тела и разума, доводов рассудка и физической силы, учения и борьбы, гения и, что делать, разумно организованного насилия. Для евреев этот мир был, есть и останется очень опасным местом. Мы пробовали делать ставку на слабость. (Боже, как долго и старательно мы ставили на эту карту!) Но сегодня мы знаем лучше всех живущих на земле народов: истина в силе!

ПРОЛОГ

Я рос в пятидесятые годы и был обычным подростком, что в том числе подразумевает немалый интерес к некоторым аспектам анатомии. С тех пор как я немного познакомился с собственным телом, я хотел как можно больше узнать о прекрасном поле — точнее сказать, о сексуальных отношениях с участием прекрасного пола. В те «застенчивые пятидесятые» нас не слишком перегружали информацией об этой стороне жизни: не было ни уроков полового воспитания, ни откровенных разговоров на телевидении, ни рэперов, поющих о «запретных» органах, ни фильмов, позволяющих развивать даже самые нескромные фантазии. Мы были лишены не только секса, но и малейшей информации о сексе.

Однако я был не просто средним подростком «робких пятидесятых» — я был ортодоксальным евреем. С первых же обжигающих ощущений полового созревания я стремился к чистоте, однако в реальной жизни был очень далек от этого, так что Бог читал мои запретные мысли каждую минуту каждого дня, не говоря уже о ночах, приводивших меня в отчаяние. Психологи считают, что девочки-подростки, проходя через половое

созревание, испытывают беспокойство и даже депрессию из-за происходящих с ними изменений. Я же, как и большинство мальчиков, напротив, дождаться не мог, когда же я перерасту свое детское тело.

Я рос мягкотелым и пухлым мальчиком. В отделе детской одежды для подростков, куда меня, к моему ужасу, водила мать, меня называли «крепыш». Я был чудовищно неуклюж во всех спортивных играх, хотя старался изо всех сил, так что рано или поздно капитаны нашей стикбольной[1] и панчбольной[2] команд были вынуждены отправить меня за пределы спортивной площадки. Я хорошо учился в обычной и еврейской школе. Я даже был бойскаутом. Несмотря на то что это была еврейская группа, собиравшаяся в подвале синагоги, я все-таки надеялся, что она сделает меня хотя бы немного крепче, хотя бы чуть-чуть похожим на идеального американского мужчину.

Не то чтобы у нас совсем не было евреев, которым можно было подражать. Некоторые из них только недавно вернулись с фронтов Второй мировой. У других, недавно ставших американцами, — на руке были вытатуированы синие номера. Об одном из них, низком, крепко сбитом, красивом мужчине сорока лет с пепельно-серыми вьющимися волосами (я до сих пор вижу, как он сидит в синагоге у витражного окна, освещенный лучами заходящего солнца, проникающими сквозь молитвенное покрывало), говорили, что он трижды выжил в газовой камере, каждый раз дыша воздухом, оставшимся в зазорах между телами. Там же можно было встретить беженца другого времени: скрюченного, согбенного, почти совсем облысевшего старика из России,

уцелевшего во время одного из погромов начала века. На указательном пальце правой руки у него недоставало одного сустава, который он умышленно отрубил, чтобы избежать службы в царской армии, куда в то время призывали на двадцать пять лет[3].

Оба моих дяди воевали во Франции в Первую мировую. Третьим участником военных действий был мой кузен, в честь которого меня и назвали. На фотографии, помещенной в городской газете, он прекрасно смотрелся в форме капитана ВВС. Смерть уберегла его от старости: еще прежде, чем он отправился за океан, в самолет Б-25, на котором мой двоюродный брат служил вторым пилотом, попала молния. Мой кузен навсегда остался молодым и красивым.

Меня привлекали эти и другие еврейские мужские тела, и я мечтал стать таким же, как они. В своих фантазиях я руководил побегом из концлагеря или управлял бомбардировщиком; я побеждал в войне против Гитлера, я бомбил газовые камеры. Но я был совсем не таким, как они.

Прежде всего, мой пубертатный период несколько затянулся, так что в бойскаутах у меня было прозвище «мелкий жиртрес» (впрочем, в этом прозвище таилась надежда, что, когда я наконец подрасту, этот недостаток исчезнет, а с ним, возможно, пропадет и моя застенчивость). Но до той поры я испытывал чудовищные муки даже перед тем, как поднять руку и вызваться отвечать: меньше всего мне хотелось привлекать внимание к своему телу.

Почти все мое детство я бывал в синагоге практически ежедневно. Подростком я стал более религиозным. Мне не хватало смелости ходить в

школу в *кипе*, но я стал надевать ее, как только возвращался домой. К изумлению родителей, каждую пятницу, перед наступлением *шабата*, я выкручивал лампочку холодильника[4], так что отец был вынужден шарить ночью в холодильнике в полной темноте. Я стал ежедневно накладывать *тфилин*[5] и каждый день самостоятельно молиться дома: «Как хороши шатры твои, Яаков, жилища твои, Исраэль!»[6] Эти слова, с которых начинается утренняя молитва, в одно мгновение переносили меня в древние времена, когда Бог явно и неотлучно пребывал среди народа Израиля, — времена героев и воинской славы иудеев.

Едва пробудившись от сна — пугающее состояние, напоминающее о смерти, — я произносил молитву, посвященную телу: «Благословен Ты, Господь, Бог наш, Владыка мира, который мудростью Своей создал человека, сотворив в его теле множество отверстий и полостей. Ведомо Тебе, восседающему на престоле славы, что, если разомкнется сомкнутое или затворится открытое, и часа не просуществует человек. Благословен Ты, Господь, исцеляющий всякую плоть и творящий дивное!»[7]

Для заспанного, пухлого подростка, чье тело не давало особых поводов для гордости или даже обычной удовлетворенности собой, это был весьма утешительный способ начать новый день.

Затем следовала череда благословений, большинство из которых были связаны с телом: «Благословен Ты, Господь, Бог наш, Владыка вселенной…

…обращающий слепых в зрячих!

…одевающий нагих.

...дарующий Израилю мужество!

...дающий силы усталому.

...прогоняющий с глаз моих сон и с век моих дрему!

...не создавший меня сыном другого народа!

...не создавший меня рабом.

...не создавший меня женщиной!»[8]

Благословение «...создавший меня женщиной» было мне особенно близко, поскольку оно свидетельствовало, что мысли и чувства, которые я испытывал в отношении женщин, каким-то образом стали частью Божественного плана, касающейся меня. Однако Бонни Гитлин, богиня из седьмого класса, с шапкой белокурых кудрявых волос и уже развитой грудью, не обращала на меня никакого внимания и полностью игнорировала мой интерес к ней, хотя во время внеклассных занятий я сидел в классе прямо напротив нее. Лишь однажды, когда я пробирался между рядами, в то время как мы входили в аудиторию, я заметил, как она, нагнувшись к одной из спутниц, с улыбкой назвала меня «недотепой». Такое поведение было явным нарушением первой, данной Богом заповеди, повелевавшей «плодитесь и размножайтесь», — и, чтобы обратить на себя внимание, я стал по утрам очень туго наматывать *тфилин* на левый локоть, так что следы от ремней не исчезали по нескольку часов. Когда я входил в класс на внеклассное занятие, эти следы на руке были еще очень заметны. Я надеялся, что когда-нибудь Бонни заметит их и спросит, что это такое. Думаю, нет необходимости объяснять, что такая тактика привлечь к себе внимание прелестной молодой особы, так же, впрочем, как и прочие мои фантазии о том, как через несколько лет

мы станем мужем и женой, — не имели никакого смысла. Мои ночные мечтания были совершенно безнадежными. И при этом мне не удавалось найти ничего, что было бы хоть как-то связано с предметом, интересовавшим меня больше всего на свете.

Представьте мое удивление и восхищение, когда я, вместе с несколькими другими мальчиками, стал ходить на уроки Талмуда, которые вел сын нашего раввина (он был в это время молодым, начинающим преподавателем, и уроки его проходили после окончания обычного школьного дня). Первый из более чем двадцати томов Талмуда, с которого началась наша учеба, входил в раздел, носящий чарующее название *Нашим* («Женщины»)[9]. Так я решил, что мои поиски подошли к концу, завершившись в самом неожиданном месте.

Нашим, один из шести разделов Талмуда, приводит мнения и споры мудрецов о том самом предмете, который я страстно хотел изучить досконально.

Итак, несколько подростков собрались за столом, обсуждая почтенные профессиональные мнения нескольких древних, умудренных жизнью мужей, которые, в свою очередь, во время оно так же сидели за столом, обсуждая столь загадочный, запутанный, неизведанный предмет, как «женщины». Скорее всего, древние мудрецы, как и я, были снедаемы физиологическим любопытством, однако они придавали своему интересу легитимность и даже сакральность, пытаясь понять, что Тора хотела сказать о женщинах.

Первые из восьми трактатов раздела *Нашим* обсуждают прежде всего законы, как следует вступать в брак и как разводиться, кому и с кем можно или нельзя вступать в брак, а также какие взаимные обязанности накладывает супружество.

Эти контрактные отношения были не лишены интереса. К примеру, в брачном контракте были четко прописаны обязательства мужа по отношению к жене: еда, одежда и секс. Замечательно, думал я, почтенные мудрецы не только одобряли, но и предписывали занятия сексом. Правда, на основании того, что я видел в школе (не говоря уже о том, что я ощущал в своем еврейском теле), было трудно согласиться с предположением некоторых мудрецов о том, что секс — это то, что необходимо женщине и что обязан обеспечить мужчина.

Впоследствии я узнал, что позиция мудрецов была куда более сложной и противоречивой. Странствия по страницам Талмуда — преимущественно в английском переводе, занимавшем несколько книжных полок, — привели меня к множеству открытий. Раздел *Тоѓорот* («Чистота»)[10] включал трактат *Нида*, что означает «Женщина во время менструации» — неприятно, но увлекательно. В старших классах я очень интересовался биологией, однако на уроках мы все больше препарировали лягушек или разводили вонючие грибковые культуры.

Я узнал, что менструальная кровь делала женщину нечистой, равно как и любое кровотечение между циклами и даже рождение ребенка. Однако по окончании периода нечистоты женщина окуналась в *микву*[11] и вновь становилась

чистой, что означало, что муж снова мог вступать с ней в сексуальные отношения.

Законы, касающиеся женского тела, составляли лишь малую часть богатств Талмуда, этой величайшей сокровищницы мудрости, справедливости, философии, традиции, литературы и законов. Этот монументальный свод поддерживал еврейский народ на протяжении двух тысячелетий. Однако для подростка, безнадежно мечтающего о тайнах женского тела и секса, как уже было замечено, взгляд величайших мудрецов прошлого и их живой интерес к женской теме означал поддержку и легитимность его юношеских поисков.

Более того, их, так же как и меня, посещали запретные похотливые мысли.

В итоге открытым текстом утверждалась и стала краеугольным камнем еврейского религиозного законодательства мысль о том, что все мужчины склонны к разврату и поэтому ни один представитель сильного пола, даже если этого требует его работа, не может уединяться с женщиной, если она не приходится ему женой или ближайшей родственницей. Талмуд приводит немало историй, подтверждающих это утверждение; наиболее увлекательные из них повествуют о мудрецах, столкнувшихся с соблазном в образе женщины[12].

Рав и рабби Йеѓуда[13] как-то шли вслед за женщиной, и Рав сказал, что они должны свернуть с дороги, чтобы избежать прелюбодеяния. На что рабби Йеѓуда возразил, что в соответствии с постановлением Рава «достойным» мужам дозволено уединяться с женщинами. Отвечая ему, Рав, однако, заметил: «Говоря о “достойных”, я не

имел в виду обычных людей, вроде нас с тобой». Так ответил тот, кто был одним из величайших мудрецов своего времени. И даже он не всегда мог держать свое физическое влечение под контролем.

Другой мудрец, Амрам-Праведник как-то раз, выкупив из плена несколько еврейских женщин, оказался вынужден ночевать с ними под одной крышей. Женщины разместились на чердаке, куда вела приставная лестница, невероятно тяжелая, с трудом ее могли поднять десять силачей. Бросив взгляд на одну из пленниц, рабби Амрам испытал к ней настолько сильное желание, что поднял эту лестницу в одиночку! Когда он прошел уже половину пути, к нему вернулось осознание того, что с ним происходит, и он начал кричать: «Горит! Рабби Амрам горит!» Услышав его отчаянный вопль, другие мудрецы проснулись и спасли товарища от испепеляющей страсти.

Рабби Меир и рабби Акива были величайшими мудрецами II века, однако каждый из них был соблазнен Сатаной, представшим перед ним в облике прекрасной женщины. Рабби Меир, увидев женщину на другом берегу реки, не дожидаясь парома, схватил веревку и стал перебираться вброд. Рабби Акива (который, как известно, женился по любви на прекрасной девушке[14]), увидев свою соблазнительницу на вершине пальмы, недолго думая, начал карабкаться вверх. Правда, в обоих случаях Сатану в последний момент остановил Голос с Небес, провозгласивший: «Берегите рабби Хию и учение его».

Рабби Хия[15], измученный страстями, отдалился от жены и вел аскетический образ жизни.

Его жена от отчаяния и одиночества переоделась блудницей и навестила своего мужа в саду. «Праведник» немедленно попытался обратиться к ней, и «блудница» в качестве платы за сексуальные услуги потребовала у него несколько гранатов, росших на верхушке дерева. Рабби Хия немедленно полез за плодами, и «прелюбодеяние» состоялось. Когда он вернулся домой, его жена растапливала очаг. Он вошел и уселся в нем. Она спросила его: «Что это значит?» Рабби, мучимый угрызениями совести, во всем ей признался... Рассказ жены о том, что на самом деле произошло в саду, и вдобавок предъявленные мужу гранаты в качестве вещественных доказательств послужили ему лишь слабым утешением. Жена попыталась преподать мужу урок, доказывавший, что аскетизм приводит к еще более тяжким прегрешениям. Однако все случившееся вызвало у несчастного столь сильные угрызения совести, что он предался посту, доведшему его до истощения и смерти.

Таким образом, мудрецы не только не считали себя не поддающимися искушениям, но, напротив, видели в себе величайших грешников. И так как сексуальное влечение мужчины к женщине — норма, человек не должен противостоять ему, и именно по этой причине он обязан жениться. Вот почему первой ошибкой рабби Хии стало уклонение от супружеской близости. Вывод из этой истории очевиден: если всех мужчин обуревают страсти, которые невозможно подавить, то тогда их необходимо сублимировать и в результате раввинистических обсуждений отношений между полами решить в конечном итоге, как и куда следует направлять сексуальную энергию.

Даже будучи подростком, я смог это понять и в дальнейшем старался жить согласно тому, что ожидали от меня мой раввин, а также уходящая в тысячелетия еврейская традиция, передаваемая по цепочке от учителю к ученику.

Несмотря на все уже сказанное, в возрасте семнадцати лет я утратил веру.

Осенью я поступил в Бруклинский колледж, чью башню с часами я с детства видел из окна моей спальни, и продолжал жить дома вместе с родителями, которые были настолько бедны, что Бруклинский колледж с его бесплатным обучением был для нашей семьи единственным доступным вариантом образования. К счастью, там давали неплохое образование, однако мне хватало чем заняться и помимо учебы.

В августе, когда мне еще не было шестнадцати лет, я поразил своих родителей, отправившись в Вашингтон, где доктор Мартин Лютер Кинг произнес знаменитую историческую речь, которой предстояло изменить Америку и весь мир[16]. Хотя я был белым (насколько таковым может считаться еврей), его мечта стала моей мечтой. Я также стал активистом движения, боровшегося за ядерное разоружение (угроза термоядерной войны в то неспокойное время была постоянной), а также участвовал в движении протеста против тогда еще незначительного, но стремительно расширявшегося американского присутствия во Вьетнаме.

На лекциях по философии я сидел позади разбившей мое сердце красивой девушки со светлой кожей, светлыми глазами и длинными темными волосами. Профессор, нещадно дымя трубкой,

входил в аудиторию, садился, скрестив ноги, за стол и начинал «философствовать», что для него означало — подрывать веру в Бога с помощью языкового анализа. Все еще оставаясь ортодоксальным евреем, я не слишком интересовался подобными фокусами и постепенно переключил свое внимание на светлоглазую соседку, с которой начал активно перешептываться во время лекции. Прошла половина семестра, и вот как-то профессор подозвал нас после занятий и попросил не садиться рядом. Обиженный на сделанное нам замечание, я перестал ходить на лекции и закончил курс с удовлетворительной оценкой D+[17].

Тем не менее, хотя я не придавал большого значения его штудиям, слова профессора как-то запали мне в душу. Возможно, я уже был готов к тому, чтобы усвоить его идеи. Почти целый семестр ежедневно, по часу и более, я проводил в доме своей избранницы; в пятницу я оставался там на весь вечер, чтобы вместе с ней встретить субботу. К концу года девушка предпочла мне другого парня, и я стал терять веру. Я решил изучать антропологию, чтобы по-новому взглянуть на религию и прошлое человечества. Как всякий хороший еврейский мальчик в те времена, я был записан на подготовительный курс медицинского факультета, однако решил удовлетворить свое любопытство в другой области, занявшись исследованиями человеческой природы и ее истоков. Я поступил в школу физической антропологии и изучал там биологические основы человеческого поведения — своего рода материальную сторону мыслей.

Два года своей жизни я провел в африканской пустыне Калахари среди охотников и этногра-

фов, после чего пять лет преподавал антропологию. Затем меня вновь охватил прежний интерес к анатомии, и я поступил в медицинскую школу. Благодаря разнообразию собственного жизненного опыта мое любимое изречение «ничто человеческое мне не чуждо» имеет ко мне самое прямое отношение и сегодня подразумевает не только знакомство с привычками охотников и собирателей Калахари, но и опыт лечения всех мыслимых и немыслимых физических и психических болезней, а также соучастие в таких естественных процессах, как рождение (в качестве врача я принял тридцать пять новорожденных) и смерть.

Закончив медицинскую школу, я вернулся к преподаванию. Африка, занятия медициной, болезни, а также опыт отцовства, несомненно, сделали меня другим человеком. Однако человеческое тело по-прежнему оставалось моей идефикс. Одно время мне казалось, что я покончил со всем слишком явно еврейским, однако выяснилось, что тут я жестоко ошибался. Увидев крохотное тельце моего первого ребенка, нашей новорожденной дочери, поймав ее взгляд, полный ожидания и надежды, я со всей очевидностью осознал, что иудаизм и еврейство по-прежнему значат для меня очень и очень много.

Глава I

Бог, у которого нет тела

Бог, у которого нет тела. С самого начала эта странная, если не сказать безумная идея, лежащая в основе еврейской веры, превратила иудеев в объект постоянных насмешек соседних народов. Эта идея была столь невероятной в сравнении с верованиями окружающих нас народов, что еврейские пророки должны были снова и снова возвращаться к ней и то и дело противостоять тяге соплеменников к язычеству и идолам. Впоследствии эта вера также отделила евреев от христиан, оплакивавших смерть Христа и мистически вкушающих его плоть и кровь. Древние греки даже называли евреев «атеистами», поскольку не видели у них привычных признаков религии — идолов из дерева и камня.

Разумеется, у евреев были алтари и высоты[1] для жертвоприношений, и по праздникам кровь жертвенных овец и козлов текла рекой. Но кому приносились эти жертвы? Где были тщательно сделанные изображения, указывающие не только на то, как выглядит божество, но и на место и время, когда его ноздри насладятся запахом воскурений?

Несмотря на различия между культурами, каждый знал, что боги — это улучшенные версии

мужчин, женщин или животных, наделенные как человеческими, так и сверхчеловеческими свойствами. И у каждого из них, несомненно, было тело. Бог мог сделаться невидимым, в мгновение ока спуститься с небес на землю, предстать в образе нищего или воина, обратиться в могучего быка или грациозного лебедя или даже обзавестись головой слона взамен человеческой. Боги были бессмертны, загадочны и невероятно могущественны, но все они, безусловно, были телесны. Древние богини плодородия обладали огромными животами и тяжелыми грудями, более поздние — напоминали молодых сексапильных красоток, посланец богов носил крылатые сандалии, богиня мудрости родилась из головы отца всех богов и т. д.

И вдруг появляется слабый, примитивный, надоедливый народец, который мало что создал, почти никогда не побеждал в войнах и при этом смеет заявлять представителям величайших цивилизаций, что нельзя делать изображения богов, да и вообще Бог есть всего один! Неудивительно, что многие евреи и сами в это не верили и тайно поклонялись изображениям из камня, дерева и металла, в то время как священники и пророки метали громы и молнии, пытаясь заставить всех поклоняться одному бестелесному, невидимому и единственному Богу. Абстракции, существующей, возможно, только в пророческих видениях. Бестелесному голосу, звучащему из облака или куста. Призрачной принудительной коллективной памяти.

Всеведущему и Всезнающему Разуму, если угодно, с большой буквы «Р», но все равно одному только Разуму.

Ханаанская богиня Ашера,
идол из домашней божницы

Неудивительно, что после этого евреев посчитали атеистами. Неудивительно, что простые евреи все время тянулись к старым привычным богам с головой, руками, туловищем, у которых были мужские или женские признаки и которые могли двигаться и действовать, и обладали сверхъестественной нечувствительностью к страданиям и боли. Неудивительно, что, по словам пророков, этот «жестоковыйный народ» все время брался за старое.

Также неудивительно, что, когда евреи, утратив последнее святилище, волей-неволей в силу необходимости создали более абстрактную форму религии, лишенную ритуального умерщвления животных, храмов и алтарей, в которой практически не осталось ничего, кроме текстов и разговоров о великом невидимом Боге, — один последователь Аристотеля[2] писал о них: «Племя философов, они беседуют друг с другом о Боге».

Новая дочерняя религия, христианство, вновь обратилась к телу. Согласно новому учению, бестелесный еврейский Бог послал Святого Духа, который оплодотворил исключительно человеческое существо, женщину, чье лоно породило телесное воплощение самого Бога, парадоксального Сына Божьего, одновременно бывшего самим Богом, который принял человеческий облик, родился в муках, вырос среди страданий и предубеждений, ел, пил, дышал, испражнялся и чувствовал, как в его человеческой груди бьется человеческое сердце. И этот парадоксальный сын-человек, воплощение Бога, не только испытал обычные человеческие страдания, но претерпел тяжкие муки и страшную, чудовищную смерть.

Благодаря поклонению Иисусу, распятию и слезам, в течение двух тысячелетий проливаемым над его трагической, мучительной смертью, «тело Бога» оказалось в самом центре религиозной жизни. «Тело Бога», «раны Бога», «кровь Бога» — это может показаться кощунством, однако многие века они были частью всенародного обсуждения и темой всеобщего дискурса. А униженные христианские массы видели величайшее утешение в том, что в свое время сам Бог принял человеческий облик, чувствовал боль и страдал не только как они, но и гораздо больше.

А что же евреи? Они, можно сказать, были рядом, но их было так мало, что можно было не обращать на них внимания. Прыщ или нарост на чистом теле христианского мира, как говорили некоторые. Надменные, уродливые людишки, упорствуюшие в своих загадочных спорах и нелепых абстракциях, отказывающиеся принять и поверить в то, что известно всем и каждому.

Упрямые люди, не желающие положить в рот гостию[3] и запить ее вином и предпочитающие умереть, но не следовать по пути к спасению, на который им постоянно указывают, — уверовать и причаститься тела и крови Иисуса. Все, на что они способны, — это насмехаться над истинно верующими и сбивать их с пути, так что, если они не раскаются в своих заблуждениях, тогда рано или поздно придется избавиться от них самих.

Однако если еврейский Бог был бестелесен, то у самих евреев тела имелись, и, как и все остальные люди на земле, они никак не могли оставить свои тела в покое. Напротив, тело стало для них навязчивой идеей. Они отрезали частичку плоти — знак и символ их завета с бестелесным Богом. Они установили жесткие и суровые законы для того, что может входить внутрь тела, и произносили специальное благословение по поводу того, что из него выходило. Не только жертвенные животные, но и священники, приносившие их в жертву, не должны были иметь физических недостатков. В каком-то смысле слова «тело Бога» обрели для евреев огромный смысл — они означали «то, каким Бог хочет видеть твое тело».

Законы о менструальной крови задавали ритм сексуальной жизни. Они также обязывали мужчину приносить радость его жене и регулировали частоту половых актов. Религиозные евреи не обривали волосы по краям бороды. Шимшон (Самсон), чье тело и душа были посвящены выполнению воли Бога, утратил свою уникальную, сверхъестественную силу, когда его волосы были

срезаны женщиной, завладевшей его сердцем. «Прах ты, и в прах возвратишься», — говорили евреи и, предавая умерших земле, тем самым устраняли последнюю преграду между телом и прахом.

Однако еще прежде «открытия» Бога евреев соединили узы крови и чувство причастности к одному народу, которое помогло им сохраниться вопреки тысячелетнему рассеянию. Разумеется, и враги, говоря о евреях, прежде всего говорили об их крови, отмечая что она, дескать, испорченная, грязная или, по крайней мере, заразная. Уже в наши дни, узнав, что евреи чаще других страдают от некоторых заболеваний генов, они бросились проверять даже эти мельчайшие клеточные элементы.

Презираемые за слабость, многие евреи согласились с этим стереотипом и стали гордиться исключительно верой и изучением Торы. Другие евреи восставали против этого, накачивали мышцы, почитая силу и смелость и стремясь к физическому совершенству. Некоторые приобретали максимальный военный опыт, дозволяемый народом, среди которого они жили. Наконец, в каждом поколении были евреи, жившие вне закона.

Еврейское национальное возрождение в Израиле сопровождалось презрением к немощи диаспоры и породило своеобразный культ тела, физического труда и самообороны. Сегодня водораздел проходит не только между Израилем и диаспорой, но и внутри израильского общества, между теми евреями, которые сражаются (религиозными и светскими), и теми, кто занят исключительно изучением Торы или тяготеет к ультралевым идеалам.

Однако в конечном итоге определение «еврейского тела» дали те, кто его ненавидел. Нацисты утверждали: не важно, какой веры еврей, — свинство заключено в самой еврейской природе, в самой еврейской расе. Свинство они определяли телесно, физически: немецкие физиологи и антропологи скрупулезно следили за идентификацией каждого еврея, его депортацией и уничтожением. Каждый документ об отправке евреев в газовые камеры должен был быть подписан врачом, это было частью программы общественного оздоровления: германские тела необходимо было защитить и освободить от еврейских.

Глава 2
«Божественный надрез»

К тому времени, когда нацисты попытались определить принадлежность к еврейству через анатомические и физиологические особенности, евреи уже проделали часть работы самостоятельно. К примеру, большой нос издавна считался у евреев характерным признаком принадлежности к еврейству, и уже почти полвека практиковались пластические операции по изменению формы носа; в этом эстетическом вмешательстве некоторые видели проявление ненависти к самим себе или, как минимум, поступок мошенника, самозванца, который сумел обмануть и свое окружение, но отныне обречен жить в постоянном страхе, что его «еврейские» гены проявятся в следующих поколениях.

Мы еще вернемся к «еврейскому носу», а сейчас обратимся к более важному определению: самым первым признаком еврейского тела было обрезание, которое на протяжении столетий идентифицировалось как подтверждение еврейства. Сегодня это обычная хирургическая операция, которой ежегодно подвергается около миллиона детей, еврейских и нееврейских. Операция иногда приводит к заражению, однако в большин-

стве случаев оно вылечивается, и лишь в редчайших — несколько человек на несколько миллионов — следствием инфекции становится полная утрата пениса. С той же вероятностью ребенок может погибнуть от молнии, а кроме того, некоторые дети иногда умирают от воспаления почек, которое случается только у необрезанных мальчиков.

О том, зачем это нужно неевреям, мы поговорим позже, заметим лишь, что общего однозначного ответа на этот вопрос нет. Гораздо проще ответить, зачем это делают евреи. В семнадцатой главе Книги Бытия сказано: «Аврам был девяноста девяти лет, и Господь явился Авраму и сказал ему: Я Бог Всемогущий; ходи предо Мною и будь непорочен; и поставлю завет Мой между Мною и тобою, и весьма, весьма размножу тебя» (Бытие, 17:1–2).

Звучит многообещающе. Аврам пал на лицо свое, и Бог продолжил. Он вновь упомянул завет, поменял Авраму имя, дважды повторил, что Авраѓам (в русской традиции — Авраам) будет «отцом множества народов», еще раз пообещал «и весьма, весьма распложу тебя, и произведу от тебя народы», еще дважды упомянул «завет», обещав, что отдаст страну *Кнаан* (Израиль) в вечное владение ему и его потомкам.

Возможно, таким образом Бог хотел задобрить Авраама, поскольку затем прозвучало:

И сказал Бог Аврааму: ты же соблюди завет Мой, и ты, и потомство твое после тебя в роды их. Вот завет Мой, который вы должны соблюдать между Мною и вами, и между потомством твоим после тебя: обрезан да будет у вас всякий мужчина. Обрезывайте крайнюю плоть вашу: и сие будет знаком союза между Мною и вами. Восьми дней от

рождения да будет обрезан у вас в роды ваши всякий мужского пола, рожденный в доме и купленный за серебро у какого-либо иноплеменника, который не из твоего потомства. Обрезан должен быть рожденный в доме твоем и купленный за серебро твое, и будет завет Мой на теле вашем заветом вечным. Необрезанный же мужчина, который не обрежет крайней плоти своей, истребится душа та из народа своего: завет Мой он нарушил (Бытие,17:9–14).

«Истребится душа та из народа своего»! Разумеется, этот человек также будет отвержен Богом, но это не все. Евреи могли стать «множеством народов», но тому, чей пенис останется в нетронутом виде, предстояло остаться «народом» из одного человека. А поскольку обрезание способствовало рождению детей, мы можем предположить и обратное — естественный, несовершенный еврей останется бездетным и «истребится из народа» и в будущем, и в настоящем.

Теперь, если вы мужчина, вам должно стать не по себе. Одно дело — взглянуть вниз в возрасте десяти лет и понять, что все уже сделано в прошлом, о котором вы ничего не помните. Вы просто представите себе младенца, который поплакал, успокоился и продолжил жить как ни в чем не бывало. Совсем другое дело — увидеть себя стариком, которому предстоит взять нож и отрезать часть себя, или одним из его сыновей или слуг, которым предстоит быть обрезанным старикашкой, который утверждает, что так якобы велел ему Бог. Вера, конечно, помогает. Однако даже гигант веры, каким был Авраам, не мог просто сказать: «Почему нет?» — и начать кромсать свое тело.

Согласно *мидрашу*[1] — Авраам встретил новый договор с некоторым опасением. Поэтому Бог

должен был сказать ему гораздо больше, чем сказано в Писании:

Пока ты не обрезан — ты несовершенен. Совершив обрезание, ты достигнешь новой ступени святости и встанешь над законами природы. Двадцать поколений я ждал, когда ты придешь и совершишь обрезание. Но учти: если ты откажешься выполнить эту заповедь, Я возвращу мир в небытие[2].

Но Авраам все еще не соглашался, и, положа руку на сердце, кто из нас может упрекнуть его в этом? Он спросил у Бога: «Если эта заповедь так важна, то почему Ты не заповедал ее первому человеку, Адаму?»

«Не задавай вопросов, — сказал Бог, — Именно ты — тот человек, который сочтен достойным этой заповеди». Аврааму, однако, все еще не нравилась эта идея, и он привел еще один довод, как будто позаимствованный у Карнеги: «До сегодняшнего дня мне удавалось влиять на людей. Они верили мне и шли за мной. Но теперь они будут меня остерегаться. Кто захочет подвергаться этой кровавой операции?» — «Об этом не беспокойся. Пусть не тревожит тебя твоя популярность среди смертных, Я остаюсь с тобой, так что удача тебя не оставит. Но, выполнив заповедь обрезания, ты поможешь миру выстоять», — ответил Господь. В целом *мидраш* подтверждает, как трудно было убедить Авраама, прежде чем он взялся за нож.

Как и любой другой *мидраш*, эта легенда содержит много прозрений и отзвуков важных религиозных мотивов. Прежде всего, Бог сообщил Аврааму, что тот несовершенен. Но почему? Разве он не был создан «по образу и подобию Божьему»? Далее, Бог говорит, что ждал целых двадцать по-

колений, и мы, вместе с Авраамом можем спросить, чего же Он ждал. Наконец, в-третьих, если Авраам откажется, Бог обещал вернуть мир в небытие — не просто уничтожить все человечество, как во времена Ноаха (в русской традиции — Ноя), но действительно разрушить все мироздание. Почему?

Ответ на первый вопрос был дан спустя много столетий в трудах каббалистов (еврейских мистиков). Бог, по их словам, сознательно не завершил процесс Творения, оставив место для самосовершенствования не только для человека, но и для всего мироздания. Таков был Божественный замысел, позволивший привлечь человека к Его трудам. Каббалисты называли это *тикун олам*, исправление мира. Обрезание — классический пример *тикун олам* — Бог тем самым напоминает, что исправление мира начинается даже не с исправления своего дома, но с улучшения, совершенствования своего собственного бренного тела. Отрежь часть кончика своего пениса — и ты получишь намек о цене, которую тебе предстоит заплатить за то, чтобы весь мир стал лучше.

На вопрос, почему Он ждал, Бог ответил сам, но мы можем развить Его ответ. Адам был недостоин Божественного завета по очевидным причинам, связанным с этим самым органом: гибкий фаллический «маленький дьявол» соблазнил Хаву (Еву), и она поделилась с Адамом запретным плодом, после чего они оба, приобретя частицу Божественного знания, прикрылись одеждами, устыдившись своей наготы.

Их наказание было универсальным и физическим: для Хавы — муки деторождения, для

Адам и Ева, стесняющиеся своей наготы, пытаются укрыться от Бога.
Гравюра Юлиуса Шнорра фон Карольсфельда

Адама — труд в поте лица своего, для обоих — позор вместо славы и прах взамен бессмертия[3]. Мы знаем, что Адам вскоре воспользовался своим оставшимся несовершенным детородным органом, чтобы сделать Хаве первого ребенка[4]. Тем самым он стал исполнителем Божественного наказания, назначенного Хаве (интересно, понравилась ли ему эта горькая ирония?), — девять месяцев, когда телом женщины управляет маленькое существо и которые заканчиваются в итоге адской болью. Однако тот же самый детородный орган положил начало человечеству.

Ѓевель (в русской традиции — Авель), возможно, был достоин обрезания, однако он погиб от руки другого, более типичного представителя рода человеческого. Затем последовали поколе-

ния загадочных созданий, живших сотни лет. «В то время были на земле исполины», — сказано в Писании, однако «все мысли и помышления сердца их были злом во всякое время», так что в результате Бог едва не уничтожил весь мир. Ноах удостоился спасения, поскольку соблюдал семь законов: шесть запретов — идолопоклонства, богохульства, убийства, грабежа, разврата (этот запрет подразумевал инцест, связь с чужой женой, содомию и скотоложство), а также запрет вкушения мяса неубитого животного, и одно предписание — создать суд, который следил бы за соблюдением шести запретов.

Ноах также заключил с Богом завет, знаком которого стала радуга. Однако этим знаком было помечено небо, а не кровоточащее тело. Ноах был сочтен недостойным обрезания — возможно, в силу того, что, заснув опьяневшим после завершения потопа, он позволил своему сыну увидеть свою наготу (снова все тот же орган!). Как бы то ни было, сказать, что Ноах был недостоин обрезания, — означает признать, что он был недостоин стать первым евреем.

Аврам, однако, был этого достоин, поэтому его имя и судьба — были изменены одновременно. Авраам, «отец множества народов», стал новым началом. Обрезав ножом собственное тело, он исправил его на веки веков, гарантировав также, что его потомки, один из которых будет избран, заключат, посредством обрезания, особенный договор с Богом. Этот ритуал получил название *брит* (в ашкеназском произношении *брис*), однако это слово означает не собственно «обрезание», а «завет» — «завет Мой на теле вашем».

И это подводит нас к ответу на третий вопрос — зачем уничтожать весь мир? Бог создал мир ради завета, поэтому, если бы Авраам отказался обрезать часть своей плоти, мироздание лишилось бы смысла своего существования и мир обратился бы в ничто, вернувшись в свое первозданное состояние, когда «земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною».

Авраам, однако, не отступил, обещанное «множество народов» было порождено тем самым его органом — не изуродованным, с еврейской точки зрения, но ограненным, улучшенным и завершенным.

Слово «необрезанный» несколько раз употребляется в Библии в значении «несовершенный». О Моше (Моисее) сказано, что он имел «необрезанные уста» — некий дефект речи, который Бог повелел ему преодолеть, дабы он мог предстать перед фараоном и вывести евреев из рабства. О человеке, который попирает Божественный закон, говорят, что у него «необрезанное сердце». Необрезанное плодовое дерево приносит плоды, запрещенные в пищу.

И это позволяет ответить на еще один вопрос: почему обрезание ведет к чадородию? Это происходит потому, что исправленный, совершенный орган, подобно совершенному человеку или народу, превращается в Божественный инструмент. Антрополог Элберг-Шварц, изучавший еврейские обычаи, называет обрезание «надрезом плодородия»[5], поскольку оно неразрывно связано с деторождением.

Враги еврейского народа порой заявляют, что обрезание — проявление отвращения к телу и

сексу. Однако еврейский эротизм изначально был куда более сложным и неоднозначным явлением. Адам и Хава устыдились своей наготы, и Хава была проклята расплачиваться за нарушение запрета родами в муках. Ноах напился и дал одному из сыновей узреть свою наготу, за что сын этого провинившегося сына, Кнаан, был проклят Ноахом вечно служить своим братьям[6]. Однако важнейший смысл обрезания связан с деторождением: более совершенный пенис должен был порождать больше детей с лучшими природными качествами. А кроме того, обрезание в какой-то мере защищало как мужской орган, так и его женского «партнера» от инфекции.

Сегодня мы знаем, что обрезанные мальчики гораздо меньше страдают в детстве от инфекций мочеиспускательной системы (UTI — urinary tract infection). На первый взгляд это служит подтверждением гигиенического обоснования подобной практики. Однако тут есть две проблемы. Во-первых, до недавнего времени обрезание нередко приводило к заражению, от которого часть детей умирала. В древности связь между этими (редкими) случаями смерти от бактериального сепсиса и обрезанием была куда очевидней, чем потенциальная связь между обрезанием и болезнями мочеиспускательного тракта. Тем не менее даже родители, чьи сыновья умерли от обрезания, продолжали обрезать последующих сыновей в полном соответствии с еврейским законом.

Во-вторых, необрезанные мальчики страдают от UTI не больше обычных девочек. Разумеется, их уровень заболеваемости выше, чем у обрезанных мальчиков, однако в свете вышесказанного

это звучит уже не столь убедительно. Добавим к этому, что тщательная гигиена крайней плоти также предотвращает инфекцию, — и итоговые выгоды уже не кажутся соответствующими затратам. То же касается риска рака пениса — при хорошей гигиене разница между обрезанными и необрезанными нивелируется.

Исследования также показали, что жены и партнерши обрезанных мужчин реже страдают от рака матки, который чаще всего связан с папилломавирусом HPV[7], передающимся половым путем. Однако и в этом случае соблюдение гигиены — надежная защита. Кроме того, если отношения моногамны, то женщины, живущие с обрезанным и необрезанным партнером, одинаково рискуют получить рак матки — крайняя плоть становится фактором риска, только если у женщины много необрезанных партнеров или ее необрезанный партнер состоит в связи с другими женщинами.

Таким образом, гигиенические доводы звучат не столь убедительно. А что же насчет символической связи с деторождением? Посмотрим, что происходит с обрезанием в других культурах. Мусульмане, обрезающие своих сыновей, объясняют это примерно так же, как евреи: Бог заключил с Авраамом завет, который, как верят мусульмане, они унаследовали от его первенца Ишмаэля (Исмаила). Согласно традиции мусульмане совершали обрезание по достижении половой зрелости или несколькими годами ранее. Современные мусульмане обрезают сыновей через неделю после рождения, однако считают, что это можно сделать в любое время в течение первых лет жизни.

Австралийские аборигены не только обрезают, но и в некоторых племенах рассекают пенисы своих сыновей по достижении ими зрелости. Рассечение предусматривает рассечение задней стенки губчатой части уретры от основания до верхушки. Утверждают, что оставшийся шрам увеличивает сексуальное удовольствие партнера. Во многих других культурах обрезание также делают по достижении половой зрелости. К примеру, в австралийском племени нгатиара подростка укладывают на спины друзей, стоящих на четвереньках и образующих своего рода живой стол, после чего обрезают ему крайнюю плоть каменным лезвием. Все это сопровождается драматическим танцем вокруг костра, посвященным Кенгуру, священному животному племени. Подобно другим обрядам инициации, обрезанием проверяют, способен ли подросток вытерпеть боль, и его выдержка доказывает, что он достоин стать взрослым.

У южноафриканского племени тонга обрезание — кульминация месячного ритуала инициации. Несколько подростков пробегают между двумя рядами мужчин, которые срывают с них одежду, срезают волосы и бьют их дубинками. Затем подростков встречают мужчины, наряженные львами. Мальчиков сажают на камни, каждый из них получает удар сзади, рефлекторно оборачивается — и в этот момент один из «львов» двумя ловкими движениями отрывает их крайнюю плоть. После этого подростки ждут три месяца, пока рана не заживет, оставаясь без всякой одежды, кроме листьев, прикрывающих рану, и в это время их знакомят с секретами, известными только взрослым мужчинам. Если кто-либо

из женщин в течение указанных трех месяцев осмелится взглянуть на листья, прикрывающие гениталии юноши, то по закону взглянувшая и нарушившая запрет подлежит смерти.

Живущее севернее замбийское племя ндембу обрезает своих сыновей раньше, в возрасте от восьми до десяти лет. Обряд сопровождается ритуальной пляской, во время которой танцующие изображают львов. «Обрезатель» также наряжается львом, и его задача — разорвать связь мальчика с матерью. В мадагаскарском племени мерина обрезание делают еще раньше, когда мальчику исполняется год или два. Родственники собираются вокруг него и проводят спокойный ритуал, который символизирует преемственность поколений и должен гарантировать, что в будущем, когда мальчик вырастет, у него не будет проблем с потенцией и деторождением.

Итак, когда речь идет об обрезании, очевидно присутствие темы деторождения. Во многих культурах обрезание — это некий ритуал перехода к совершеннолетию, дверь, ведущая во взрослую жизнь. Чаще всего символическая связь обрезания и рождения детей проявляется совершенно явно в африканских ритуалах. Танцы, сопровождающие операцию, нередко имитируют соитие. К ране прикладывают снадобья из твердой древесины и фруктов, дабы стимулировать крепость и плодовитость пениса. Символическая рана превращает мальчика в мужчину — твердого, плодовитого, не боящегося боли, отрезанного от материнской мягкости и соединенного с предками цепью повторяющихся ритуалов, которые в каждом поколении делают мальчиков не только физически, но и духовно похожими на своих отцов.

Брит мила (завет обрезания), иллюстрация
из книги Минѓагим («Обычаи»),
опубликованной в 1707 году в Амстердаме
Соломоном бен Йосефом Проопсом

Поскольку евреи обрезают детей на восьмой день, а не по достижении совершеннолетия, этот обряд никак не связан с превращением мальчика в мужчину. Однако Тора указывает на знаковый смысл деторождения: прежде чем приказать Авраму выполнить Его завет, Бог говорит: «И распложу тебя чрезвычайно, и произведу из тебя народы, и цари произойдут от тебя» (Бытие,17:6). Бог также дает ему новое имя, Авраам, указывающее на грядущее отцовство («Будет тебе имя: Авраам, ибо Я сделаю тебя отцом множества народов»), и провозглашает завет и его физический

символ. Теперь впервые в истории человеческое тело становится совершенным Божественным телом.

Со времен Авраама все еврейские обрезания символизируют преемственность по мужской линии. Однако то, что совершил Авраам, имело и противоположный смысл: он обрезал всякую связь со своими предками-язычниками. Авраам будет иметь множество потомков, но лишь при условии, что он откажется от своих предков. Для последующих поколений физическая боль и рана после обрезания будут служить символическим знаком происхождения всех евреев от Авраама. Прозелиты, которые также должны быть обрезаны, присоединяются к этим потомкам, их телесная связь наследуется, а тело преобразуется ритуальным актом. Напротив, страшные слова Бога, что «необрезанный... мужчина, который не обрежет крайней плоти своей, истребится душа та из народа своего», означают не только остракизм, но и бесплодие. Бездетный, необрезанный мужчина отсекается не только от прошлого и настоящего, но и от будущего своего народа.

Секулярные исследователи Библии, вот уже больше ста лет настаивающие на том, что Писание — компиляция из нескольких источников, полагают, что рассказ об обрезании Авраама, приведенный в Книге Бытия, был составлен автором так называемого Жреческого кодекса — то есть гораздо позднее, чем другие главы книги, возможно, во времена Первого храма. Каким бы древним ни был этот обряд, еврейские священнослужители хотели подчеркнуть его значимость и прояснить его особенный смысл. Это должен был быть не языческий ритуал плодородия,

но знак завета с единственным истинным Богом, который обещал потомство Его народу и потребовал от него совершать ритуал, навсегда изменяющий тела еврейских мужчин.

Мы никогда не узнаем доподлинно, почему евреи с незапамятных времен обрезали своих сыновей. Мы знаем, какие объяснения они предлагали и как серьезно они относились к этой заповеди: ради ее исполнения евреи рисковали своей жизнью и жизнью своих сыновей в течение трех тысячелетий. Во времена Маккавеев[8] греческие тираны карали за обрезание смертью и сбрасывали со скал еврейских матерей, осмелившихся обрезать своих детей, и их младенцев. В наше время германские тираны использовали обрезание, чтобы, выделив еврейских мальчиков и мужчин среди прочих, послать их на смерть. Однако и тогда, и в другие времена евреи благословляли Творца и обрезали своих новорожденных, тем самым подтверждая завет, заключенный Авраамом с Богом.

Спиноза, величайший из отступников, верил, что, пока евреи практикуют обрезание, они сохраняют себя как отдельный народ. Вне всякого сомнения, *брит* — первый и наиболее важный знак, определяющий и отличающий еврейское тело[9].

Глава 3
Греки и евреи

В то время как евреи исследовали и определяли, что есть тело (а по мнениям их врагов, уродовали свои тела), другие народы, в свою очередь, также обращали внимание на то, как выглядит их тело. По словам блестящей исследовательницы Камиллы Паглиа, в то время как еврейский Бог создал человека по Своему образу и подобию, греки создали богов по образу и подобию человека. «Греческие боги были нечеловечески красивы, их плоть была бессмертна, но чувствительна»[1]. Среди наиболее развитых греческих искусств были запрещенные евреям живопись и скульптура, и эти искусства служили им для изображения великолепных тел как богов, так и простых смертных мужчин и женщин.

Во многих, если не в большинстве случаев эти скульптуры были обнаженными, и им в соответствии с замыслом полагалось быть совершенными. Греки испытывали отвращение к физическим недостаткам и уродствам, в том числе и у богов. Хромой Гефест (Вулкан у римлян) был мужем Афродиты, богини красоты и чувственности, однако для богов он все время служил посмешищем как рогоносец.

Не ограничиваясь идеализацией тел, сделанных из камня, греки столь же усердно «лепили» и свои собственные тела из плоти и крови. В то время как побежденные евреи, находясь в вавилонском изгнании, погрузились в изучение текстов о бестелесном Боге, греки устраивали состязания, все участники которых соревновались обнаженными. Молодые греки благодаря непрерывным тренировкам были так же красивы, как статуи, и каждый мог видеть их соревнующимися в беге, прыжках, борьбе или метании — словом, во всем, на что способно человеческое тело.

Когда в 332 году до н.э. Александр Великий приступил к покорению Востока, евреи, по словам ученика Аристотеля Феофраста, уже были «племенем, народом философов». Три восстания — одно успешное против греков и два, закончившихся катастрофой, против Рима[2] — доказывают, что евреи не полагались исключительно на философию или даже веру. У них также хватало воинских навыков, физической храбрости и готовности сражаться. Те представления о жизни и система взглядов, которые Александр принес из Греции, превратились со временем в эллинизм, впитав некоторые элементы культурных представлений покоренных народов. Но также давно известно, что греки, в свою очередь, повлияли на литературу, философию и обычаи евреев.

Однако, несмотря на множество общих черт и взаимовлияние, существовал несомненный контраст между эллинистической (греко-римской) и еврейской культурами. Этот контраст, порой не без преувеличений, широко обсуждался в философии и литературной критике XIX века.

Однако задумаемся: греки создавали философские системы, обнимающие природу мироздания, в то время как евреи провозглашали богоданный этический закон. Греки заложили основы геометрии и инженерного дела, дававших власть над материальным миром, и в этой области евреям оставалось только использовать греческие достижения. Аристотель первым систематизировал все накопленные до него знания, в то время как еврейские пророки, вдохновляемые мистическими видениями, обрушивались на идолопоклонство и эгоизм. Греки создавали непревзойденные драмы, поэмы и статуи — евреи запрещали скульптуру и гнушались театром, однако создали величайшую этическую литературу.

Современные ученые много говорят о взаимовлиянии эллинов и иудеев, и некоторые из них в итоге отвергают идею греко-еврейского противостояния[3]. Это безусловно верно, если мы говорим о философии. Талмудический стиль дискуссии также испытал влияние греческой традиции. Пасхальный *седер*[4] во многом напоминал греческий симпозиум, а слово «*афикоман*» (кусок *мацы*[5], который дети ищут перед окончанием седера) имеет греческое происхождение и означает «десерт после трапезы». Многочисленные евреи диаспоры говорили по-гречески, а на надгробиях их имена писали греческими буквами рядом с еврейскими символами. Еврейские «эллинизаторы» были так же многочисленны, как нынешние ассимилированные евреи Америки; многие старались быть греками во всех отношениях.

Однако у евреев, желавших остаться евреями (в Палестине, Египте и других странах), куль-

турный конфликт с греко-римским миром в итоге стал причиной четырех восстаний. У тех, кто упрямо следовал еврейской религии, «брак» греко-римской и еврейской культур породил два вопроса: во-первых, есть ли у Бога тело, а во-вторых, как человеческое тело может быть предметом обожествления? На каждый из этих вопросов эллины и иудеи давали принципиально разные ответы, приводившие их к кровопролитию и войнам.

Еврейский ответ на вопрос, может ли человеческое тело быть предметом обожествления, был регламентирован в ряде законов: обрезание (мерзость в глазах греко-римского мира), законы, связанные с пищей и менструальным циклом, и длинный список ежедневных благословений. Греки и римляне делали свое тело божественным, тренируясь в гимнасиях, где они готовились к спортивным соревнованиям во славу олимпийских богов.

Атлетика была больше, чем спорт, — она была необходима для достижения арете, добродетели. Изначально Олимпийские игры воспринимались как всего лишь самые важные из многочисленных греческих соревнований. Эти игры были доступны для всех свободнорожденных богатых мужчин; подготовка к ним начиналась примерно с двенадцати лет. Слово «всех» в предыдущем предложении следует понимать буквально: эллинизм, возможно, был первой столь всеобъемлющей универсальной культурой. Греки и римляне создали огромные империи в значительной степени благодаря тому, что большинство их достижений принадлежало всем и оставалось общедоступно: абсорбируя другие культуры, эллинизм

был открыт для всех свободных и достаточно богатых мужчин.

А что же евреи? В то время как еврейские мальчики готовились к религиозному совершеннолетию, их греческие (и негреческие, эллинизированные) сверстники изучали философию, музыку и искусства при обязательном включении в учебную программу спортивных состязаний в гимнасии. Женщины не допускались. У каждого подростка обязательно был наставник-мужчина. Взрослый наставник был одет и бородат, тогда как юноша — гладок лицом и обнажен (само слово «гимнасий» происходит от «гимнос» — «голый»).

Молодые люди готовились не только к борьбе и грядущим сражениям, но и к исполнению гражданского долга и использованию привилегий представителей богатого класса. Взрослые мужчины выступали в роли учителей, тренеров, судей и менторов, подобно взрослым американцам-мужчинам в привилегированных частных школах.

Греческие наставники нередко проявляли сексуальный интерес к мальчикам, что было вполне легитимно, хотя для атлетов предпочтительным считалось полное воздержание. «Пир»[6] Платона свидетельствует, что многие греки воспринимали связь с мальчиком как высшую форму любви. Впрочем, независимо от эротики гимнасии и бани были оплотом мужской силы, где мужчины и мальчики встречались для социализации, сплочения и обсуждения планов на будущее. Важные политические и общественные решения нередко принимались во время бесед практически обнаженных мужчин. Все

соревнования проводились в обнаженном виде, во-первых, поскольку были праздником телесной красоты, а во-вторых, потому, что нагота символизировала равенство молодых мужчин в глазах богов.

Победитель был только один, а униженные проигравшие, включая тех, кто сегодня получил бы серебро и бронзу, с позором возвращались домой. Победитель считался любимцем богов, поэтому победа означала не просто лучшую физическую подготовку, но и достижение арете — самой добродетели. Каждый мечтал погреться в лучах богоподобного и любимого богами юноши, лишенного одежды, если не считать лаврового венка победителя. Величайшие спортсмены становились словно полубогами, подобно героям мифов, у которых только один из родителей был богом.

Думаю, не надо объяснять, что подобный подход создавал для евреев ряд проблем. Прежде всего, какой бы богатой, влиятельной и ассимилированной ни была его семья, будучи обрезанным, он уже считался изувеченным. Его тело было совершенным с еврейской точки зрения, но никогда не могло стать таковым в глазах грека, какой бы фигурой он ни обладал и сколько бы ни тренировался.

Еврей не мог победить, поскольку не мог участвовать в соревновании — его бы осмеяли и с позором выгнали из гимнасия.

Лучшим примером, подчеркивающим глубину пропасти, которую евреи хотели преодолеть, может служить тот факт, что они подвергали себя специальной операции, чтобы скрыть обрезание[7]. Намек на эписпазм, как называется эта операция,

мы находим в I книге Маккавеев: «Некоторые из народа изъявили желание и отправились к царю; и он дал им право исполнять установления языческие. Они построили в Иерусалиме училище по обычаю языческому и установили у себя необрезание, и отступили от святого завета, и соединились с язычниками, и продались, чтобы делать зло» (1 Макк, 1:13–15)

Римский врач Авл Корнелий Цельс[8] в своей книге «De medicine» («О медицине», книга 8) описал две хирургические техники эписпазма, впоследствии с незначительными изменениями воспроизведенные Галеном. Эти и похожие медицинские операции использовались на протяжении европейской истории, особенно, что естественно, в годы нацистской оккупации.

Однако обрезание было не единственной причиной того, почему пути еврейской и греко-римской культур разошлись, особенно после двух неудачных восстаний в Палестине и распространения раввинистического иудаизма в диаспоре. Две культуры имели диаметрально противоположные представления о том, что такое идеальная жизнь. Для еврея идеалом была жизнь разума. Разумеется, невозможно было полностью пренебрегать талантом греческих и римских художников и ученых и даже культом тела, сохранявшим разум здоровым и бодрым. Однако для простого еврея тело, несомненно сакральное и бывшее объектом религиозных предписаний, никогда не находилось в фокусе личных усилий.

Тем временем более или менее постоянные войны с участием европейской элиты привели к

тому, что атлетизм был возведен в ранг добродетели, к которой стремились и которую воспитывали на протяжении многих веков, от афинского гимнасия и до спортивных площадок Итона и Харроу.

Столкновение тел постоянно демонстрировало разительный контраст. Греки побеждали в войнах, евреи обычно проигрывали. У греков были наглядные материальные боги, евреи — имели лишь смутное представление о своем бестелесном Божестве. Греки предавались практически нескончаемым празденствам, тогда как евреи находили наслаждение в диетарных ограничениях. Римляне приносили клятву на внутренностях дикого вепря (кабана) — евреи отказались от всякого употребления свинины и, как позднее отметил римский сатирик Ювенал[9], «позволяли свиньям достичь преклонного возвраста». Греки соревновались обнаженными, евреи проводили время в теологических диспутах.

У греков были общественные бани, где сибаритствующие мужчины наслаждались обществом прекрасных юношей и каждый мог продемонстрировать свое крепкое тело, — у евреев очищение происходило в особых ритуальных бассейнах. Греки считали связь двух мужчин высшей формой любви — евреи полагали гомосексуализм величайшим грехом.

Разумеется, не все греки верили в своих богов, и более утонченные среди них находили общий философский язык с наиболее образованными секулярными евреями. Несмотря на некоторые разногласия, последователи Аристотеля и еврейский философ Филон[10] понимали друг друга. Однако филоны были в явном меньшинстве,

и евреи не восставали бы снова и снова против греческого и римского владычества, если бы считали разницу между культурами несущественной. Между еврейским и греко-римским мирами было немало общего, но оставалось достаточно различий, достойных того, чтобы за них умереть.

Чтобы полностью осознать различие еврейского и греко-римского (читай — европейского) отношения к телу, следует различать две греческие традиции, аполлоническую и дионисийскую. До сих пор мы говорили преимущественно о первой, подразумевающей культ тела. Бог Аполлон, победивший на первой Олимпиаде, был таким же красивым юношей, как атлеты из гимнасия. Однако это асексуальная, далекая красота. Секс связывает ментора и ученика, но вовсе не потому, что молодой человек испытывает вожделение, — напротив, именно чистота юноши превращает его в возвышенный объект взрослого мужского чувства. Отношения Аполлона с женщинами обычно сводились к быстрому насилию; он считался богом атлетов, поскольку его путь и укреплял, и очищал тело. Его сестра-близнец, охотница Артемида (Диана), была прекрасна холодной, по сути, юношеской красотой, делавшей ее идеальной напарницей брата.

Напротив, Дионис (Вакх) был божеством виноделия и пьянства. Благодаря этому он стал как утешителем всех страждущих, так и возбудителем чудовищного религиозного экстаза. Празднествам в его честь мы обязаны слову «вакханалия», означающему «неистовый пир, развратное празднество, исступленную попойку, дикий разгул»[11]. Описание вакханалии мы на-

ходим в трагедии еврипида «Вакханки», рассказывающей, как Дионис попал в Грецию. Героиня трагедии, царская дочь Агава, в религиозном экстазе убивает собственного сына, посмевшего усомниться в божественном статусе Вакха. Вместе с другими женщинами она буквально разрывает на части своего сына, который был юн, горд, талантлив и прекрасен, как Аполлон.

Эта трагедия — источник большинства наших сведений о Дионисе и его роли в греческой культуре. Хор поклонниц называет его «милым», но тут же добавляет, что «он хищника жаждал услады — за свежей козлиною кровью гонялся сейчас», в то время как «молоком струится земля, и вином, и нектаром пчелиным»[12]. Дионис «дал людям виноград», которым наслаждается и бедняк, и богач, и благословляет «нежной флейты священные звуки». Если бы не он, в мире не было бы ни любви, ни иных наслаждений. Он любит богиню мира, однако, подобно Богу евреев, это ревнивый бог, жестоко мстящий насмехающимся над ним.

Мир без вина и любви означает мир без секса и деторождения. Страсть Аполлона холодна, а страсть, возбуждаемая Дионисом, усилена добрым вином и заканчивается экстазом. Так же, как Артемида и Аполлон, Дионис и Афродита образуют идеальную пару. В упорядоченную жизнь, которой правит Аполлон, вино и страсть привносят столь необходимый привкус дикости и разгула.

О разнице между аполлоническим и дионисийским началом много говорили Фридрих Ницше[13] и антрополог Рут Бенедикт[14]. Камилла Паглиа пишет:

Спор между Аполлоном и Дионисом — это спор между корой головного мозга и ее подкоркой. Дионис — это неконтролируемая, безумная, разрушительная энергия. Аполлон — закон, история, традиция, достоинство, безопасность обычаев и формы... Дионис — бог театра, маскарада, свободной любви, но также анархии, групповых изнасилований и массовых убийств. Аполлон — скульптурная стройность и ясность... Сновидения — порождение дионисийской магии... Аполлон созидает и скрепляет созданное, дабы оно могло выдержать натиск природы[15].

Кто же, Аполлон или Дионис, на самом деле выражает греко-римское мировоззрение? И тот, и другой, и в этом состоит свобода политеизма. Нет необходимости выбирать один путь из двух, поскольку разные пути приводят к разным богам. Человек может поклоняться одному из них, однако в идеале не следует доводить дело до крайности, поскольку, ублажив одного бога, неизбежно вызовешь гнев другого. Трагедия Еврипида[16], рассказывающая о том, как Дионис вошел в сакральный мир Греции, показывает, что пантеон богов может расступиться, чтобы дать место еще одному в данном случае богу другого народа, повлиявшего на греков точно так же, как они воздействовали на других.

Если бы мой прадед услышал об Аполлоне и Дионисе, он, скорее всего, сказал бы: «*Дос ис ништ идиш*» («Это совсем нееврейское») или даже *дионис-шмионис*. Почему все это по существу нееврейское? Во-первых, даже два бога несовместимы ни с первой, ни со второй заповедью. Кроме того, еврейский Бог включает в себя все проявления языческого пантеона. Правда, хотя талмудический иудаизм предпочел оставить это утверждение сугубо теоретическим, каббалисты впоследствии не только определили и пере-

Празднования Симхат Тора («Радость Торы»), рисунок на праздничном флажке. Симхат Тора — один из двух праздников, когда евреи предаются дионисийству (второй праздник — Пурим), однако исключительно в вине и танцах, без секса и насилия

числили тринадцать различных Божественных атрибутов, но даже наградили Его символическим человеческим телом, где каждый атрибут соответствовал одному из органов. Однако и в этом небольшом «ренегатстве» речь шла всего лишь о метафоре, да и в любом случае описания «тела Бога» имели весьма ограниченное хождение.

Во-вторых, Аполлон и Дионис не просто олицетворяют различные качества, но воплощают их в жизнь, служа примером для человека. Аполлон, поддерживающий свое божественное тело в прекрасной форме, не только красив, но и побеждает в соревнованиях; его физические достоинства позволили ему покорить множество

женщин, божественных и человеческих, однако практически асексуальным образом. Артемида, его сестра, целомудренна и должна избегать сексуальных отношений, дабы оставаться богиней охоты; мужчины, готовясь к соревнованиям, также должны воздерживаться от связи с женщинами. Напротив, Дионис пьянствует с собутыльниками, и пьяный разгул нередко переходит в оргию. Красота Афродиты — манящая, эротичная и изобильная. Она проникает глубже, чем эстетическое восприятие, затрагивая источники темной, беззащитной и опасной сексуальности. На протяжении всей греко-римской истории величайшие художники создавали образы своих богов, особенно Аполлона и Афродиты, удовлетворявших и освящавших естественное желание любоваться человеческой красотой. Вторая заповедь, «да не будет у тебя других богов», означала, что еврей не может не чувствовать к подобным вещам отвращения.

Наконец, влияние этих богов на человеческое поведение, прежде всего в сфере морали, также не имело ничего общего с еврейской традицией. В еврейском мире не было места ни атлетическим гомоэротическим игрищам Аполлона, ни экстатичным празденствам-оргиям Диониса. Евреи ценили силу и физическое здоровье, в эпоху Храма эти достоинства были необходимы для войн, однако физическая красота человека, целомудренная или нет, не считалась путем, ведущим к Богу. Вино употребляли, но чаще в ритуальных целях, не для утешения и тем более не с целью достижения религиозного экстаза.

Во время свадебной церемонии жених предлагает невесте бокал вина; разбивание стакана,

нередко сопровождающееся легкомысленными шутками, имеет сексуальную коннотацию независимо от других объяснений этого обычая. Этот момент — отголосок прежних обычаев, связанных с вином, когда стакан красного вина разбивали о белую стену, что, в свою очередь, напоминало о еще более древнем обычае предъявлять окровавленную простыню, свидетельствующую о целомудренности невесты и мужской силе жениха[17].

Еврей может напиться вина дважды в год, во время праздников, когда предписано радоваться. Ритуал требует выпить четыре бокала вина во время пасхального *седера* — это должно помочь ему почувствовать, что мы, подобно грекам или римлянам, свободные люди. Но это не имеет ничего общего с разнузданной оргией, вакханалией, которая невозможна для евреев и воспринимается ими не как святыня, а как святотатство. Хотя иудаизм разрешает сексуальное наслаждение не только с целью продолжения рода, единственное его иное предназначение — постоянное обновление связи между любящими супругами. Евреи часто не соответствуют собственным идеалам, но эти идеалы совсем не похожи на идеалы Греции или Рима.

Поскольку христианство (теоретически) отвергло дионисийское начало, аполлонизм был и остается идеологией правящих классов Европы. В то время как евреи оказались преемниками талмудического иудаизма, христиане стали наследниками аполлонизма Греции и Рима. Долгое время еврейская и христианская истории развивались параллельно: христиане изгнали евреев и с поля боя, и со спортивных площадок, пока

наконец параллели не пересеклись в XIX веке. Однако нельзя сказать, что «дионисизм» был подавлен окончательно и бесповоротно: в европейской истории периодически наблюдались всплески интеллектуального и телесного «темного начала». Нередко эти всплески инициировались «аполлоническим» христианством и выдавались за его проявления. Для евреев эти всплески дионисийства неизменно заканчивались трагедией.

Глава 4
Ребро Адама

Без всякой связи с дионисийскими празднествами некоторые великие мудрецы обладали непомерным сексуальным аппетитом, который они, в отличие от экстатических греков, стремились держать в узде. Этот неприятный факт, имеющий некоторое отношение к талмудическому мировоззрению, нагляднее всего обсуждается в рассказе о телосложении рабби Ишмаэля и рабби Йоси[1]. Согласно Талмуду, когда они стояли, прижавшись друг к другу животами, под ними, не задев ни одного из них, могла пройти пара быков. Увидев это, некая римская матрона заявила: «Ваши дети — не ваши», поскольку, как объясняют комментаторы, она была уверена в том, что с таким животом нельзя заниматься сексом[2].

Талмуд приводит два ответа на это заявление: «Одни говорят, что они ответили ей: “По человеку и сила его”» (Книга Судей Израилевых, 8:21). Другие говорят, что они ответили ей: «Любовь уминает плоть». С этим не поспоришь, иначе толстяки давно бы вымерли. Однако Талмуд продолжает: «Орган рабби Ишмаэля... был подобен меху для воды объемом девять *кавов*[3]. Рав Папа говорил: орган рабби Йонатана был подобен меху

для воды объемом пять *кавов*. Некоторые говорят — объемом три *кава*. Орган самого рава Папы был подобен корзине Гарпании».

Некоторые комментаторы считают, что «орган», о котором идет речь, — это живот, однако другие утверждают, что Талмуд говорит о гениталиях. Живший в XVI веке знаменитый раввин Шломо Лурия[4] полагал, что подобные геркулесовы формы отражают сексуальность мудрецов, а также соответственно их способность сдерживать свои инстинкты. Сразу после бахвальства своими слоноподобными формами рабби Йоханан начинает хвалиться своей красотой, дав начало продолжительной дискуссии о том, сколь прекрасны были разные мудрецы.

Евреи никогда не ценили целибат (обет безбрачия), поскольку заплатили цену за обрезание, или поскольку соблюдали заповедь «плодитесь и размножайтесь» (самая первая из библейских заповедей), или поскольку почитали слова, сказанные Богом накануне сотворения Хавы («нехорошо быть человеку одному»), или в силу того, что пенис, улучшенный обрезанием, должен же был быть для чего-то использован. Временное воздержание — безусловно; правила, ограничивающие тебя со всех сторон, — разумеется; умеренность — вне всяких сомнений. Однако совсем отказаться от секса, тем более с человеком противоположного пола, с которым ты состоишь в браке? Не валяй дурака! — сказали бы мудрецы Талмуда не менее убедительно, чем Филип Рот[5]. Секс — это *мицва*, то есть одновременно и заповедь, и доброе дело.

Разумеется, секс — это очень опасная вещь: из-за него в мире появляются нежелательные

дети, он портит многим репутацию, разрушает семьи и угнетает людей изнутри (обычно мужчин) и снаружи (чаще всего женщин). Поэтому, с одной стороны, правильно и хорошо заниматься сексом, однако, с другой стороны, ради Бога, держите его под контролем.

Держать под контролем? Но как?

Отлично, мы не занимаемся сексом вне брака, с близкими родственниками или детьми, сами с собой, с партнером того же пола, а также не вступаем в сексуальные отношения во время менструации. Но все это — установки для начинающих. Талмуд не ограничивается словами «только в браке». Он говорит, что, занимаясь сексом, нужно быть в особом расположении духа, иначе это не будет разрешенным и/или поощряемым сексом. В отличие от других религиозных традиций, еврейский секс предназначен не только для деторождения. В конечном итоге это, разумеется, его основное предназначение, однако другая, не менее важная задача — укрепление супружеских связей, без которых семья, жизненно необходимая как детям, так и их родителям, рано или поздно распадется.

В Торе сказано, что супруг не должен лишать жену «пищи, одежды и сожития с нею» (Исход, 21:10). Эти три обязательства мужа прописаны в любой *ктубе*, традиционном брачном контракте. Обычно под «супружеским сожитием» подразумевается его регулярность. Однако Рамбан[6], один из величайших средневековых раввинов, понимал этот термин не только «количественно»: «Муж не имеет права лишать жену этих вещей: прикосновение открытым телом, телесную близость, и достойную ее постель, и ласки в положен-

ный срок... чтобы не было так, что он лежал с ней как бы случайно, на земле, как будто бы он находится в связи с блудницей... муж и жена должны быть "одной плотью"»[7].

Последние слова взяты Рамбаном из Книги Бытия — муж и жена стали «одной плотью» с момента, когда сотворение Хавы избавило Адама от одиночества. В той версии, где Хава была создана из ребра Адама, он говорит ей: «Сей раз это кость от моих костей и плоть от плоти моей; она будет называться *иша* (женщина), ибо от *иш* (мужчины) взята она. Потому оставит человек отца своего и мать свою, и прилепится к жене своей; и станут они одной плотью» (Бытие, 2:23–24). «Одной плотью», поскольку душа неотделима от тела, также означает «одной душой». И каждый половой акт делает это единство более прочным.

Еще один способ понять отношение иудаизма к сексу — обратиться к списку из девяти пунктов, перечисляющих варианты неправильного душевного настроя во время полового акта, негативно, по мнению мудрецов, отражающихся на родившихся в результате детях. Согласно этому подходу не только грехи родителей, но и их настрой в момент зачатия может повредить будущим детям. Даже если это и суеверие, оно весьма красноречиво свидетельствует о том, что думают религиозные евреи о сексе. Первое: не должно быть принуждения силой, разрушительного для интимности. Второе: муж не должен ненавидеть свою жену. Третье: ни один из партнеров не должен быть в трауре, поскольку в этом случае у него нет необходимых душевных сил. Четвертое: секс не должен быть результатом сделки «ты мне — я тебе», поскольку это, по словам мудрецов, может

поссорить супругов. Пятое: если секс происходит в разгар ссоры, это мешает подлинному единству, даже если до настоящей ненависти еще далеко (как писал рабби Авраѓам бен Давид[8], поскольку в этот момент супруги не любят друг друга, их любовная близость становится подобной разврату[9]). Шестое: никто из партнеров не должен быть пьян, поскольку пьяный не может сосредоточиться ни на возлюбленном, ни на супружеском акте (прямо для Диониса!). Седьмое: секс со спящим приравнивается к сексу с пьяным, тогда как дневной секс всячески приветствуется. Восьмое: мужчина не должен состоять в связи и даже думать о другой женщине. Наконец, девятое и последнее: половому акту должны предшествовать не грубость и развязность, но нежность, взаимное уважение и любовь. Таковы «девять заповедей» полового акта.

Таким образом, несмотря на шутки, сопровождающие разбитие свадебного бокала, еврей не «трахается», а в буквальном смысле «занимается любовью». Крайне важно понять, насколько серьезно воспринимались эти предупреждения: для еврея нет ничего важнее детей — и вот из-за неправильного настроя во время соития, приведшего к его зачатию, ребенок может пострадать. Раши[10], величайший из средневековых комментаторов Торы и Талмуда, различал «совершенное» и «недостойное» совокупление. Первое — укрепляет связь между супругами, заделывая возникающие в ней трещины; второе — секс ради секса и чуждо еврейскому подходу[11].

Думаю, нет нужды объяснять, что у людей, по большей части соглашающихся со всем вышесказанным, секс имеет и обратную сторону. Так же,

как и Библия, еврейский фольклор с самого начала был густо насыщен сексуальными мотивами. И так же, как в Библии, «фольклорный секс» обычно имел негативные последствия, невзирая на заповедь «плодитесь и размножайтесь». Вспомним Лилит, женщину, история которой начинается едва ли не раньше, чем библейское повествование. В Торе упомянуты две версии создания мужчины и женщины. В одной из них Бог погрузил Адама в глубокий сон и сотворил ему помощницу из его же ребра. Однако в другой, более ранней версии мужчина и женщина были созданы одновременно: «И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину — сотворил Он их» (Бытие, 1:27).

Согласно еврейской легенде[12], женщиной, сотворенной одновременно с Адамом, была не Хава, а Лилит, проблемы с которой возникли именно в силу того, что она изначально имела равный с Адамом статус. Поэтому Лилит отказалась подчиниться Адаму и, что еще хуже, настояла на том, чтобы находиться сверху во время полового акта. Согласно патриархальной культуре древнего Израиля, невозможно было позволить такой женщине стать прародительницей человечества. Поэтому Бог вынужден был создать еще одну женщину из ребра Адама. Однако вторая попытка также не привела к ожидаемой гармонии, Хава не смогла понять свое место в жизни Адама, следствием чего стал инцидент со змеем и запретным плодом и последующими сексуальными отголосками.

Однако Бог в своей мудрости не уничтожил Лилит. Он проклял ее и сослал в мир демонов, где она приобрела огромную силу. Равная мужчинам и отвергнутая Богом, Лилит стала настоящим

мужским кошмаром, причиняя бесконечные муки в первую очередь тем из них, кто решил посвятить себя Богу.

У мужчины, лежащего ночью в кровати, неожиданно возникали похотливые желания, причем вовсе не связанные с законной супругой! У него случалась непреднамеренная эрекция! Или ему, не дай Бог, снился эротический сон, завершающийся семяизвержением?! Простые евреи объясняли все это просто: этой ночью его в поисках спермы посетила Лилит. От каждой поллюции или даже мастурбации Лилит может забеременеть и породить впоследствии новых бесчисленных демонов.

Лилит всегда готова соблазнить человека, не важно, спит он или бодрствует:

> Она одевается в пышные одежды, подобно распутнице, и ждет на углах улиц и перекрестках, привлекая внимание мужчин. Когда глупец подходит к ней, она обнимает его, покрывает поцелуями и добавляет в свое вино змеиный яд. Стоит ему глотнуть, и он, лишенный воли, покорно следует за ней.
>
> И вот чем она соблазняет мужчин: у нее длинные красные волосы, подобные лилиям; у нее белое румяное лицо; шесть сережек свисают с ее ушей... все украшения Востока красуются на ее шее; ее уста подобны маленькой дверце и окрашены краской; ее язык остер, как меч; ее речь течет, будто масло; у нее алые сочные губы, подобные лилиям, и сладкие всей сладостью мира; она облачена в пурпур и наделена тридцатью девятью мерами красоты[13].

Далила[14] был жестока, однако даже судьба Шимшона вызывает зависть по сравнению с участью тех, кто связался с Лилит.

> Глупец идет за ней, пьет вино из ее кубка, спит с ней и оказывается без ума от нее. Что же она с ним делает? Оставляет спать на ложе и возносится ввысь, обвиняет его [перед Высшим Судом], получает над ним власть и

возвращается. Глупец просыпается и хочет быть с нею, как прежде, но она скрывает свою красоту и предстает могучей воительницей, в одеянии из пылающего огня — ужасное зрелище, от которого трепещут и душа, и тело. Острый меч, истекающий ядом в ее руке, поражает глупца, и она повергает его в геенну[15].

Геенна — преисподняя, где никогда не гаснет пламя. В этой страшной легенде прелестная соблазнительница превращается в воительницу Бога (или, может, Сатаны?). В греческих мифах грешник, возможно, попытался бы вступить в бой. Однако наш герой не похож на Яакова, сражавшегося с ангелом, — это, скорее, Янкель, схватившийся с чертом, причем его еврейское тело слишком немощно для подобной схватки.

Далеко не все демоны появляются на свет из-за злополучного ночного спонтанного семяизвержения: некоторые из них были созданы Богом, который не успел дать им тела до наступления первой субботы, так что они остались блуждающими бестелесными духами[16]. Некоторые — происходят от умерших грешников. Наконец, часть демонов породил Адам, связавшийся с демоницей после того, как их с супругой изгнали из *Эдена*. Лилит и ее подручные непрерывно искушают мужчин, которым по этой причине необходимо обязательно жениться, чтобы упорядочить свои желания и вступать в сексуальные отношения с законными женами.

По крайней мере со времен Второго храма эти жены должны были быть еврейками. Однако еврейских мужчин искушала не только «демоница» любви Лилит, но и многочисленные *шиксы* — нееврейские женщины, охваченные столь же силь-

Амулет, защищающий новорожденных от Лилит. Руки Лилит распростерты, но скованы. На ее теле написано: «Защити новорожденного от любого зла». По обе стороны от Лилит написаны имена Адама, Хавы, праотцев и праматерей. Сверху написан отрывок из благословения коѓенов (Числа, 6:22–27), который родители произносят над младенцем. Внизу — первые строки 121-го псалма: «Поднимаю глаза мои к горам — горам, откуда придет помощь мне? Помощь мне от Господа, сотворившего небо и землю»

ным, как у Лилит, желанием увлечь хорошего еврейского мальчика, чтобы он забыл о своем долге и своем народе. Слово «*шикса*» изначально и до сих пор служит ругательством: это женский род пришедшего из иврита в идиш слова *шекец* — «испорченное», «отвратительное». Однако в Америке это слово благодаря почти столетнему употреблению еврейскими писателями и комиками приобрело мягкое, даже лестное значение, как, например, в «Случае Портного» Филипа Рота или эпизоде из телесериала «Сайнфельд» когда еврейских мужчин обольщают «шиксоподобные» женщины. Во многих других случаях это

слово подразумевает желанную и недостижимую (для еврейского мужчины) женщину-искушение, своего рода божественную *шиксу* — высокую, стройную, прекрасно сложенную, с отменным здоровьем, голубыми глазами и белокурыми локонами. Впрочем, даже если два последних признака отсутствуют, черты ее лица: высокие, хорошо очерченные брови, большие глаза, детский ротик и, разумеется, маленький прямой нос — полностью соответствуют классическому нордическому типу.

Еврейские женщины, славившиеся своей красотой: Сара Бернар[17], царившая в XIX веке на европейской сцене, звезда немого кино Теда Бара (настоящее имя — Теодосия Бурр Гольдман) или Лорен Бэколл (Бетти Пеская), блиставшая на черно-белом экране вместе с Хамфри Богартом[18], никогда не отличались «характерной еврейской внешностью». Широкая публика не считала их еврейками, да и сами они никак не показывали свое еврейство. Это справедливо и для наших современниц — Гвинет Кейт Пэлтроу (одним из ее предков был известный раввин Палтрович), Вайноны Райдер (Горовиц) или Рейчел Вайс[19], чьи родители пережили Катастрофу. Если судить по образу, который они демонстрируют перед зрителями, все это — типичные еврейские божественные *шиксы*.

Привлекательность нееврейских женщин упоминается уже в Библии, и первоначально в этом не видели ничего плохого. Сыновья Яакова силой брали иноплеменных женщин, породив благодаря этому двенадцать колен Израиля. Йосеф (Иосиф) взял в жены дочь египетского жреца[20], и тем не менее имена его сыновей звучат каждую

пятницу, когда еврей благословляет своих детей[21]. Моше женился на Ципоре, дочери мидьянского жреца[22], — и стал величайшим из Божьих посланцев. Боаз (Вооз) женился на моавитянке Рут (Руфь)[23], ставшей прабабкой царя Давида, чьим потомком будет Машиах[24]. Правда, для Шимшона роман с прекрасной *шиксой* закончился несколько хуже; в еврейской традиции именно Далила, а не Рут или Ципора станет «типичной» нееврейской женщиной. Подобно Лилит, она прекрасна телом, однако омерзительна (*шекец*) душой.

Однако, невзирая на историю Моше, сам Бог запретил в Торе браки с представителями семи народов, в том числе хетов и хананеян, мотивируя это тем, что они отвратят евреев от Бога Израиля и склонят их служить другим божествам. (В той же главе книги *Дварим* (Второзаконие) евреям предписано уничтожать алтари и сокрушать кумиров этих народов.) Эзра, вернувшийся из вавилонского изгнания в Палестину, обнаружил столь много смешанных пар, что решил не только расторгнуть эти браки, но и запретить их в будущем. Он даже выслал нееврейских жен и их детей, что выглядело весьма странно, так как в Древнем Израиле еврейство определялось по отцу.

Теоретически современный иудаизм относится к прозелитам так же, как к евреям по рождению (или даже еще лучше, поскольку прозелит — «еврей по выбору»), так что обращение в иудаизм перед вступлением в брак решает все проблемы. Однако это не отменяет того факта, что причиной подобного брака становится «страсть к чужому». Генетические исследования однозначно указы-

вают, что евреи «импортируют» гены народов, среди которых они живут, меж тем невозможно импортировать или экспортировать гены, не испытывая влечения к тем, кто не похож на тебя. Даже в случаях, когда есть связь с насилием или приобретением рабыни-наложницы, речь идет о тяге к таинственному, запрещенному, чужому.

Поскольку евреи практически всегда и везде считались аутсайдерами, «быть другим» на практике означало «быть лучше евреев», по крайней мере, в глазах окружающих. Поэтому еврей, страдавший от комплекса неполноценности и мечтавший избавиться от него, должен был испытывать непреодолимую тягу к представительницам противоположного пола, принадлежавшим к «лучшему обществу». Чаще всего эта мечта была совершенно недостижимой, но когда и кому это мешало мечтать? Эталоны красоты обычно устанавливают те, в чьих руках находится власть. Поэтому даже униженный еврей из гетто получал, благодаря статуям и картинам (позже — также фотографиям, театру и кинематографу) представление об эстетических предпочтениях элиты. В результате его эротические пристрастия весьма зависели от вкусов нееврейского окружения.

Высшее проявление этой зависимости — известная еврейская слабость к блондинкам. Разумеется, это не чисто еврейская слабость — аналогичная картина наблюдается у афроамериканцев, средиземноморских и ближневосточных народов, выходцев с Дальнего Востока... Во всех случаях, когда статус меньшинства связан с более темной кожей, глазами или волосами, это, по крайней мере у мужчин, порождает мечту о недо-

Царь Давид подглядывает за купающейся Бат-Шевой (Вирсавией). Ее красота толкнула его на тягчайший грех, но также стала причиной появления на свет царя Шломо. Гравюра Альбрехта Дюрера

стижимой, божественной, «высшей» партнерше. Похоже, многие из них подсознательно считают, что, завоевав сердце блондинки, они тем самым подтвердят собственную «полноценность».

Брак, любовная связь или даже просто секс — высшие проявления признания. Они избавляют мужчину от клейма «аутсайдера», особенно если речь идет о детях, которые могут родиться от этой связи. Добавим к этому, что стереотип «иного» всегда и везде считается сверхсексуальным, и этот предрассудок работает в обоих направлениях; а также важен и тот факт, что непохожесть сама по себе может служить афродизиаком, — и

таким образом в итоге мы понимаем, почему подобное влечение часто бывает непреодолимым.

Сначала это может показаться несерьезным, но «чем дальше в лес, тем больше дров»: за первым взглядом может прийти любовь, внутри или вне этнических границ. Ибо даже еврейки, считавшиеся красавицами, обычно были выше, стройнее и миловиднее большинства женщин. Любовь Авраама к Саре, Яакова к Рахели (Рахили), Давида к Бат-Шеве (Вирсавии) и даже персидского тирана к симпатичной простушке Эстер (Эсфирь) — все это имело немало общего с обычной мужской симпатией к женской красоте. Во всех вышеупомянутых случаях красота женщины была одним из определяющих факторов; в двух последних непохожесть сыграла огромную роль и привела к замечательным результатам. В Библии прямо сказано, что все эти женщины были красивы и что это имело немалое значение для неординарных мужчин, соединивших с ними свою судьбу. Не следует слепо подчиняться порыву, однако невозможно полностью контролировать внутренний отклик, который вызывает в нас женская красота.

Глава 5
Опасные тела

То, что многие этнические группы считают привлекательными светлую кожу или волосы, связано с восприятием белого цвета, который, в свою очередь, нередко ассоциируется с чистотой. Большинство людей, живущих на земле, не являются белыми и никогда ими не были. Однако факт, что на протяжении последних столетий мировое господство принадлежало белым европейцам (в первую очередь англосаксам), существенно укрепил связь между белизной и добродетелью. Впрочем, сама по себе чистота с равным успехом может быть и черной, и белой — это одна из множества дихотомий, которые бесчисленны, а возможно, и все культуры применяют к настоящему миру бесконечных оттенков серого.

Стремление классифицировать все сущее основано на естественной слабости человеческого разума — нетерпимости к неопределенности. Мы не любим серое и предпочитаем контрасты: день и ночь, мы и они, цивилизация и варварство, евреи и гои, христиане и язычники, поселение и пустыня, чистый и грязный, целомудренный и обесчещенный, черное и белое, добро и зло... Это трагическое стремление к искажению реально-

сти — корень всякого расизма, шовинизма и религиозной нетерпимости. Если граница начинает стираться, мы немедленно видим в этом опасность разрушения установившихся стереотипов, и поэтому наше сознание предпочитает реальной сложности жизни комфорт ложной дихотомии.

Однако, как показала антрополог Мэри Дуглас, человек воспринимает состояние, противоположное чистоте, не просто как боязнь утраты целомудренности, но и как знак, предупреждающий об опасности. Во всех культурах положены пределы проявлению сексуальных эмоций, поскольку их сила вызывает страх: не только боязнь нежелательной беременности или болезни, но и опасность осквернения, греха, утраты контроля.

Обрезание кончика пениса — единственный способ, с помощью которого иудаизм пытается регулировать столь коварную сферу жизнедеятельности. Женская сексуальность также нуждается в контроле, однако, в отличие от многих других культур, например африканских, где миллионы женщин ежегодно подвергаются клиторидэктомии или усечению половых губ[1], — для женских гениталий аналог мужского обрезания иудаизмом не предусмотрен.

Женщины регулярно истекают кровью, и если кровь, свидетельствующая о потере невинности, может кого-то порадовать, то о менструальной крови этого не скажешь. В иудаизме, как и во многих других культурах, эта кровь считается нечистой и таящей опасность.

Трудно переоценить культурные последствия этого «приговора». Если у женщины нормальный

менструальный цикл, то каждый месяц в течение двенадцати дней она считается нечистой. Ни один мужчина, включая ее собственного мужа, не может прикасаться к ней в эти дни, и по завершении цикла ей необходимо совершить ритуальное омовение в *микве*, чтобы формально выйти из состояния нечистоты. Вот почему религиозный еврей не может коснуться женщины, так как он не может быть уверен в том, нет ли у нее месячных: любая женщина может оказаться источником нечистоты.

Помимо очевидных ограничений сексуальности, эти законы также ограничивают возможность общения с женщиной и сексуальные контакты, чтобы ее нечистота не могла распространиться. Менструальная кровь — это строительный раствор, своеобразный цемент, которым скрепляется здание гендерных различий и предрассудков.

Это утверждение справедливо для самых разных культур, но в то же время оно дает ложный повод обвинить иудаизм в дискриминации и угнетении женщин. Однако попробуем понять, почему менструация действительно может быть основанием для реального страха. Менструация — это не просто источник неприятных ощущений и физического недомогания, о чем хорошо известно любой девочке-подростку (впрочем, во многих культурах мужчины, несмотря на отсутствие непосредственного опыта, также «знают», что это состояние «гадко»). Менструальная кровь тем не менее не связана с ранением или смертью. Практически во всех культурах прошлого регулярный цикл после свадьбы был плохим знаком. Сегодня мы считаем его обычным рутинным со-

стоянием, и сейчас это, пожалуй, действительно так. Однако в прошлом регулярный месячный цикл у женщин случался гораздо реже. У беременных женщин месячных не было; кормящие матери умели отодвигать начало нового цикла на год и даже более после родов. Поэтому женщина, которая часто рожала и подолгу кормила грудью, имела месячные гораздо реже, чем наши современницы (в среднем в три раза реже).

В традиционных культурах регулярный месячный цикл у женщины немедленно вызывал вопросы о ее возможном бесплодии — самом страшном, что могло случиться с женщиной в патриархальном обществе. Поэтому отнюдь не случайно женщины воспринимали месячные как «проклятье».

У евреев менструальная кровь, подобно крайней плоти, была знаком, символом и предвестником бесплодия. Впрочем, если осквернения и бездетности, связанных с менструацией, кому-то покажется мало, тогда есть постановление мудрецов о том, что месячные — часть наказания Хавы за грех, совершенный на заре истории. За это Хава и ее дочери были не только обречены рожать детей в муках — менструация должна была служить постоянным напоминанием о том, что все они, подобно пролившим кровь, должны все время каяться в злодеянии, совершенном праматерью[2].

Поэтому окунание в *микве* не имеет ничего общего с обычным мытьем в бане, — напротив, каждая клеточка тела должна быть тщательно вымыта п е р е д омовением, дабы ни одно пятнышко грязи не укрыло участок кожи от соприкосновения с очистительными водами. Лис Харрис, нере-

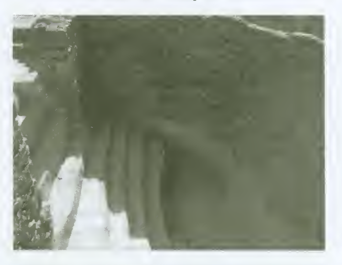
лигиозная писательница, прожившая много лет в ортодоксальной общине, описывала эти ощущения так:

> Я разделась и ждала, стоя по грудь в воде. Браха сказала мне закрыть глаза и рот, но не слишком плотно, и развести в стороны ноги и руки, чтобы вода омывала все мое тело. Погрузившись в воду, я инстинктивно приняла позу зародыша... Я подумала о многих поколениях неизвестных мне людей, которые считали, что именно так смывается всякая скверна, существующая в мире; о том, как, свернувшись, как я сейчас, окуналась моя прабабушка...[3]

Попусту растраченное семя оскверняет так же, как менструальная кровь, поэтому после ночного семяизвержения мужчина также должен идти в *микву*. Однако это обычно случается в юности, поэтому мужчины совершают ритуальные омовения совсем не так регулярно, как женщины. Еще одна интересная параллель: не желая зачать ребенка, Онан[4] ронял семя на землю, подобно женщине, которая каждый месяц проливает свое «семя» во время менструации.

Запрет близости во время месячных касается и мужчин, и женщин. Парадоксально, но соблюдающие евреи порой утверждают, что двенадцать дней утомительного воздержания позволяют им вновь «нагулять аппетит» и делают супружеский секс более желанным и радостным. Определенно, что при таком ритме почти неизбежны лукавые улыбки и стеснительные взгляды на десятый, одиннадцатый и двенадцатый день, да и само ожидание может быть полно сладких соблазнов.

Однако строгий запрет любых прикосновений может быть весьма мучительным и даже отбивающим охоту к нежности. Чтобы понять, на-

Вход в древнюю микву эпохи Второго храма на территории поселения Масада

сколько все было серьезно, подумаем о том, что пережила Глюкель из Гамельна, известная еврейская мемуаристка, жившая около 1700 года и занимавшаяся торговлей[5]. Ее горячо любимый муж лежал на смертном одре. Около полуночи пришел врач, однако он уже ничем не мог помочь больному. «Тут я сказала мужу: "Дорогой, можно ли мне обнять тебя, хотя я нечиста" (ибо у меня были месячные, и я не смела коснуться его). Он ответил: "Упаси Боже, детка, подождем еще немного, и ты очистишься". Увы, когда это произошло, было уже поздно!»[6] Они были женаты тридцать лет и соблюдали закон до последнего вздоха.

И если уж мы заговорили о смерти, даже самые чистые тела рано или поздно умирают и, оставленные без особых условий, довольно быстро разлагаются. Поэтому еврейский закон подробно предписывает, как следует поступать с безды-

ханным телом. Согласно Торе, в тот же день оно должно быть предано земле. Эту заповедь мудрецы связывали со словами «прах ты и в прах возвратишься», которыми Всевышний, изгоняя их из рая, проклял физически совершенных Адама и Хаву. Когда душа покидает тело, оно становится «прахом», а потому от него следует избавиться как можно быстрее.

Интересный финал для тела, которое, согласно еврейскому закону, считалось священным с момента рождения. Если это прах, то это должна быть особая разновидность праха. Поэтому религиозные мальчики и мужчины, просыпаясь, произносят благословение, в котором благодарят Бога, что пережили ночь, затем благословение перед умыванием, затем благословение по завершении мочеиспускания и дефекации (в котором благодарят Бога за исправную работу всех испускательных каналов), затем — целую серию благословений с благодарностью за самые разные физиологические отправления. Женщины должны придерживаться законов ритуальной чистоты, кроме того, их тела необходимы для решения наиболее сакральной задачи — рождения следующих поколений еврейских детей.

Поэтому, хотя безжизненное тело и считается прахом, с ним следует поступать уважительно. Его ритуально омывают — во многих синагогах существуют специальные группы мужчин и женщин, исполняющие этот закон в отношении тел ушедших из жизни людей соответствующего пола. Еврейскую похоронную службу называют *хевра кадиша*, святое сообщество, и в его обязанности в том числе входит *таѓара*, то есть очищение. Работу погребального братства назы-

вают «деянием милосердия», которое может быть поручено только людям, знающим свое дело. Покойного обряжают в белые одежды из самого простого полотна или муслина — это должно свидетельствовать о том, что все мы, богатые и бедные, равны перед Богом. У этой одежды не должно быть карманов, поскольку покойник ничего не может забрать с собой.

Покойника ни на секунду нельзя оставлять без присмотра. Специальный *шомер* («сторож») сидит рядом с ним всю ночь, читая псалмы, чтобы отпугнуть нечистых духов. Запрещено уродовать мертвое тело, поэтому вскрытие покойника строго запрещено, за исключением случаев, когда это необходимо для спасения чьей-либо жизни. Кроме омовения и очищения, с телом не делают ничего. Жертвовать органы можно, поскольку это делают для спасения жизни, однако необходимо, чтобы вероятность использования органов покойного по назначению была достаточно велика. Поэтому реципиентом должен быть конкретный больной, а не банк органов. И что еще важнее: до изъятия жизненно важных органов донор должен быть признан умершим в соответствии со стандартными критериями.

Татуировки на теле запрещено делать еще при жизни, как сказано: «И царапин по умершем не делайте на теле вашем, и наколотой надписи не делайте на себе. Я Господь» (Левит, 19:28)[7]. Категорический запрет членовредительства делает обрезание еще более неожиданной заповедью.

Следует ждать не больше одного или двух дней, прежде чем тело будет предано земле, в том же саване или в крайнем случае в простом

деревянном гробу (чем проще — тем лучше). Во время похорон крышка гроба остается закрытой. В отличие от поработивших их древних египтян, евреи не прилагали никаких усилий, чтобы сохранить тело после смерти: «...прах ты, и в прах возвратишься» — и это требовало действовать не откладывая. Египтяне, верившие в жизнь после смерти, искусно бальзамировали своих мертвецов и клали в могилы знатных особ обоего пола дорогие вещи, необходимые для грядущей жизни. Если речь шла о фараоне, список необходимого включал многочисленных рабов и слуг, которых убивали, чтобы они сопровождали хозяина в загробном путешествии.

Для евреев бальзамирование покойника — святотатство; еще раньше, чем они отделили свои живые тела от живых тел греков, они отделили своих покойников от умерших египтян. С еврейской точки зрения, неживое тело нельзя сохранять и оно недостойно того, чтобы его сохраняли. В свое время, когда придет *Машиах*, мертвые воскреснут, однако до этого часа они должны обратиться в прах наиболее естественным образом. Идеальным считалось погребение в одном саване; некоторые общины, например каббалисты XVI века, следовали этому идеалу; так же поступают ортодоксы в современном Израиле. Однако и простой гроб считался допустимым. Он должен быть деревянным, а не металлическим: во-первых, потому, что металл идет на производство оружия, поэтому не подходит для того, кто покоится в мире, во-вторых, из-за того, что металлический гроб замедлит процесс разложения. Принято было делать гроб из сосны — мягкого, а не твердого дерева — и даже проделывать в дни-

ще дырки, чтобы между прахом земли и прахом тела не было сплошной преграды.

Необходимость максимально быстрого погребения обосновывается следующими словами из книги Второзаконие: «Тело его не должно ночевать… погреби его в тот же день» (21:23). Обычно речь идет о похоронах в течение двадцати четырех часов (одна ночь — для бдения над телом), хотя в случае семейных проблем или необходимости уладить формальности можно отсрочить погребение на срок до трех дней. Однако мертвое тело, даже полностью приготовленное к захоронению, служит источником ритуальной нечистоты, поэтому потомкам *коге́нов*[8], как и их предкам во времена Храма, запрещено участвовать в похоронах. Все время, пока труп не захоронен, он «размывает» абсолютную границу между жизнью и смертью.

Когда над могилой произнесены все положенные молитвы, принято, чтобы скорбящие приняли участие в закапывании. В некоторых общинах и сегодня сохранился обычай, когда родственники умершего сами совершают погребение. Это связано с тем, что похороны считаются последней милостью, оказанной человеку, поэтому скорбящие не готовы уступить эту честь чужаку. Лопату, которой закапывают могилу, не передают из рук в руки: тот, кто закончил, втыкает ее в землю и на его место заступает следующий, дабы подчеркнуть, что лопата могильщика не чья-либо собственность, так как человек не властен над смертью. Поскольку мне довелось участвовать в похоронах матери, отца и супруги, я могу засвидетельствовать, что этот обычай выглядит щемяще трогательно, а звук падающих на крышку

гроба комьев земли подобен леденящей кровь барабанной дроби, обрывающей нить жизни.

Во всех общинах считается правильным прилюдно оплакивать свою утрату. На похоронах нет места плотно сжатым губам или разговорам о том, что покойный сейчас в лучшем мире, что он непременно воскреснет или уже вознесся на небеса, хотя евреи и верят, что для праведного человека, еврея или нееврея, посмертная жизнь лучше его земного существования. *Кадиш*, знаменитая поминальная молитва, ни разу не упоминает о смерти или умершем, но представляет собой восхваление Бога, чтобы убитые горем родственники не забыли исполнить свой долг или, еще хуже, не начали проклинать и упрекать Творца. Скорбь родственников должна быть ощутимой, гнев — нет.

Закон требует, чтобы близкие родственники сделали разрез на одежде, близко или напротив сердца (некоторые евреи заменяют его черной лентой, пришитой к одежде). Такой ритуал мог возникнуть как сублимация естественного порыва рвать или царапать от горя свое собственное тело — обычая, принятого во многих культурах, но запрещенного у евреев как кощунство по отношению к живой плоти.

После похорон следует церемониальное омовение рук. Скорбящие родственники возвращаются домой, где проводят семь дней, сидя на низких скамеечках, принимают гостей, пришедших выразить соболезнования, и молятся трижды в день. Эта семидневная траурная церемония, получившая название *шива* (на иврите это слово связано как с числом семь (*шева*), так и со словом «покой»), предполагает определенные требова-

ния к телам живых. Скорбящие, вернувшись с кладбища, немедленно должны поесть: участвовать в «трапезе сочувствия», приготовленной для них другими, чтобы из-за боли утраты они не забыли о собственных телесных нуждах. Близким родственникам умершего запрещено бриться, заниматься сексом, мытьем сверх необходимого для личной гигиены, стирать одежду, носить кожаную обувь. В доме скорбящего завешивают зеркала: этот обычай объясняют и как отказ от всего суетного, и как защиту от неприятного зрелища собственного лица, искаженного болью, и как суеверие: в то время, когда граница между жизнью и смертью размыта, душа скорбящего якобы может уйти сквозь зеркало в лучший мир. Тем временем тело, погребенное в могиле, постепенно начинает превращаться в прах.

Глава 6
Борода Бога

В то время как человеческая плоть была подвержена смерти и тлену, бестелесный Бог оставался одним из постулатов еврейской веры. Этот факт также проливает свет на еврейское отношение к человеческому телу. Плоть греческих богов была задана как материальная субстанция, и она была неуязвима, в то время как у еврейского Бога вовсе не было плоти, которую можно было бы уязвить. Мы все время подвергаемся риску запачкать наши тела, в то время как Бог всегда незапятнанно чист, ибо не имеет тела, которое мог бы запачкать. Тем не менее Тора и еврейская традиция, как выяснилось, оставили место сомнениям, действительно ли Бог совершенно нематериален.

Человек, как сказано в Библии, создан по образу Божьему. Адам слышал голос Бога, когда Тот прогуливался в саду, — следует ли из этого, что у Бога есть ноги? После потопа Ноах воздвиг жертвенник: «И устроил Ноах жертвенник Господу; и взял из всякого скота чистого и из всех птиц чистых, и принес жертву всесожжения на жертвеннике. И обонял Господь благоухание, и сказал Господь в сердце Своем: не буду больше

проклинать землю за человека, потому что помысел сердца человека зол от юности его; и не буду больше поражать всего живущего, как Я сделал» (Бытие, 8:20–21). В этом рассказе Бог напоминает языческого кумира, которого можно подкупить «взяткой», приятной для его органов чувств.

Моше, в свою очередь, вымолил у Бога привилегию увидеть Его сзади. Тщательно проинструктировав его, что надо сделать, чтобы не умереть, Бог несколько раз упомянул при этом Свое лицо и Свою руку:

И (еще) сказал: ты лица Моего видеть не можешь, ибо человек не может видеть Меня и остаться в живых. И сказал Господь: вот место у Меня: стань на этой скале. И вот, когда проходить будет слава Моя, помещу Я тебя в расселине скалы и покрою тебя рукою Моею, доколе не пройду. И (когда) сниму руку Мою, ты увидишь Меня сзади, а лицо Мое не будет видимо (Исход, 33:20–23).

Это не комментарий, но непосредственно фрагмент из текста Торы. Там можно найти и более странные высказывания, например в рассказе о событиях сразу после того, как Бог дал Израилю Тору в Синайской пустыне. Моше окропил народ кровью жертвенных тельцов, назвав ее «кровью завета», после чего «...взошел Моше и Аѓарон, Надав и Авиѓу, и семьдесят из старейшин Израиля, и видели они Бога Израилева; и под ногами Его как образ кирпича из сапфира и, как самое небо, по чистоте. И на избранников из сынов Израилевых не простер Он руки своей. И видели они Бога, и ели, и пили...» (Исход, 24:9–11)

В дальнейшем Писание многократно подтверждает, что Бог обладает телесной формой, которую, однако, способны увидеть только из-

бранные. Пророк Миха говорил: «Я видел Господа, сидящего на престоле Своем» (1-я Царей, 22:19); Йешаяѓу утверждал: «Видел я Господа, сидящего на престоле высоком и превознесенном, и края риз Его наполняли весь храм» (Книга пророка Исаии, 6:1); пророк Йехезкель описывал небесное воинство, чьи крылья шумели подобно морским волнам или воинскому стану:

Над сводом же, который над головами их, — образ престола, подобным камню сапфиру, и над образом этого престола — образ, подобный человеку, на нем сверху. И увидел я как бы *хашмаль* (сверкание) с обрамлением, подобным огню, вокруг него — от вида чресл его и вверх; и от вида чресл его и вниз я видел подобие огня и сияние вокруг него. Как вид радуги, что бывает в облаках в день дождя, таков и вид сияния того вокруг; это — видение подобия славы Господней. И увидел я, и упал на лицо свое, и услыхал голос говорящий (Книга пророка Иезекииля, 1:26–28).

Пророк Амос говорил: «Видел я Господа стоящим над жертвенником» (Книга пророка Амоса, 9:1). А Даниэль утверждал: «И смотрел я, пока не были сброшены престолы. И сидел старец в годах, одежда его бела как снег, а волосы на голове его как чистая шерсть; престол его — искры огненные, колеса — пылающий огонь...» (Книга пророка Даниила, 7:9).

В этих и других стихах мы видим упоминание или указание на голос, ноздри, лицо, руки, спину, чресла и другие органы Бога. Подобно человеку, Он говорит, ходит, обоняет, проходит, прикрывает ладонью, носит одежды, восседает на престоле... Более того, Бог вывел свой народ из Египта «мышцею простертою» (Исход, 6:6). Возникает ощущение, что евреи, формально отвергнув всех

материальных богов, испытывали острую необходимость в антропорфизме, в придании человеческого образа своему Божеству, по подобию которого они были созданы. Возможно, тем самым они стремились сделать Бога более близким и понятным.

Позднее еврейские теологи решительно отвергли намеки на то, что у Бога может быть тело, — разумеется, не сами тексты, но предположение, что они могут быть чем-то кроме метафоры. Однако в еврейской мистической традиции восприятие этого вопроса было более сложным. Уже в талмудическую эпоху существовал трактат под названием *Шиур кома*, где приводились реальные размеры разных органов Бога[1]. Звучит это внушающе: к примеру, в трактате сказано, что вся вселенная помещается в ладони Бога, подобно амулету. *Шиур кома* обещает огромную награду тому, кто будет изучать этот трактат. Среди прочих, в основном духовных, дивидендов изучающему обещано следующее: «Тот, кто узнает тайну, будет светел лицом и прекрасен телом, люди будут трепетать перед ним, а его доброе имя станет известно всему народу Израиля»[2].

Раввины, изучавшие каббалу, высказывались более осторожно, однако также старались описать Бога, преследуя при этом различные цели. Они утверждали, что, по крайней мере метафорически, Бог обладает телом, которому присущи десять Божественных атрибутов в виде различных органов. Важно отметить, что это тело, как и Божественные атрибуты, было наполовину мужским, наполовину женским. После тысячелетия абстрактных представлений каббалисты,

дабы удовлетворить естественную человеческую потребность в видимом Боге, создали своего рода «абстрактную конкретность» — таинственную, непонятную и прекрасную. Впрочем, даже для каббалистов Бог оставался недоступным пониманию: «ликом без лика, сущностью без сущности, формой без формы»[3].

Рабби Йосеф Джикатилла[4], средневековый испанский мистик, писал:

> Что значат слова, которые мы читаем в Торе: «рука» [Бога], «нога», «ухо», «глаз» и т. д. Пойми и поверь, что, хотя эти слова свидетельствуют о Его истинной природе и Его величии, никто из сотворенных не может приблизиться к пониманию сущностей, названных «рука» [Бога], «нога», или «глаз». Не думай, что раз мы созданы по Его образу и подобию, глаз [Бога], упомянутый в Торе, похож на человеческий глаз, а рука — на человеческую руку[5].

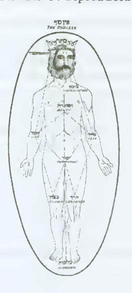
Тем не менее каббалисты на протяжении столетий не жалели усилий, пытаясь познать Божественную природу и описать ее в какой-либо форме. Бог, по их убеждению, обладает атрибутами — *сфирот*, — каждую из них мистики наделили именем и собственной «индивидуальностью».

В конечном итоге каббалисты создали не только «телесный» образ, но и несколько метафорических схем, описывающих взаимосвязь Божественных атрибутов друг с другом и со всей системой в целом. Одна из таких схем представляла геометрическую диаграмму с восьмиугольником в центре, другая — космическое древо, третья — реку, распадающуюся на несколько рукавов. Однако наиболее загадочной и задевающей традиционные еврейские представления о Боге была схема, изображавшая *сфирот* в

виде органов тела Бога, подобного телу человека. Разумеется, на заре истории Бог создал людей по Своему образу и подобию — фраза, весьма странная сама по себе, — однако на протяжении веков мудрецы толковали ее как относящуюся исключительно к разуму или душе.

Тем не менее, поскольку в Писании есть множество досадных упоминаний о лице, руках, спине, ногах или даже чреслах Бога, отдельные раввины полагали, что «по образу и подобию» в какой-то степени относится также и к телу. Каббалисты, с их склонностью к мистике, довели эту мысль до логического конца, попытавшись представить тело Бога как совокупность его атрибутов. Первым из атрибутов считался *Эйнсоф* («Бесконечный»), от которого произошли все остальные. Восемь из них — Божественная Воля, Мудрость, Понимание, Любовь, Справедливость, Вечность, Слава и Праведность — относительно равноценны. Девятый, Милосердие, получил особый статус, поскольку соответствует Божественному присутствию (*Шхине*) — женской составляющей, которая делает Бога практически ощутимым.

В одном из описаний Бога символична человекообразная фигура, именуемая *Адам Кадмон* («древний, изначальный человек»), — это сверхчеловеческий Адам размером с ковчег Ноаха. Согласно традиции, *Адам Кадмон* был создан в качестве проекции Бога и вместилища всех человеческих душ. Согласно каббалистическим представлениям и описаниям, *Адам Кадмон* безусловно обладал теми же священными атрибутами, которые мистики приписывали Богу. Три атрибута соответствовали голове, еще три — рукам

Адам Кадмон, прачеловек,
изображенный как воплощение
Божественных атрибутов
согласно каббале
(еврейскому мистическому учению)

и торсу, три — ногам и гениталиям, и, наконец, десятый — олицетворял гармоничное единство целого. На другой схеме тело было разделено вертикально, левая сторона отражала женскую природу Бога, а правая — соответственно мужскую. Забавно, что Любовь при этом оказалась на мужской стороне, тогда как Справедливость — на женской.

Поскольку подобные схемы во многом были проекцией представлений мистиков о собственном теле на воображаемое Божественное, они весьма подробно отражают их взгляды на человеческую природу. Как заметил крупнейший современный исследователь каббалы Гершом

Шолем, «и человек, и Бог заключают в себе весь космос... Все, что в зародыше присутствует в Боге, раскрывается и развивается в человеке... Человек — совершенствующееся начало в структуре мироздания; подобно другим творениям, но еще в большей степени, он содержит в себе все десять *сфирот* и все духовные миры»[6].

Женское начало Бога, *Шхина,* или Божественное присутствие, — один из главных атрибутов Бога. Рабби Йосеф говорил о *Шхине*: «Она наполняет все нижние миры; где бы ты ни искал, в поступках, речах, мыслях или рассуждениях, — ты найдешь *Шхину,* ибо без нее нет ни конца, ни начала»[7]. Ее щеки подобны румяным наливным яблокам, волосы черны, завиты и умащены маслом. «В каждом локоне множество прядей, каждая прядь освещает множество миров». *Шхина* утешает Израиль, пока он находится в изгнании, — более того, она сама находится в изгнании вместе с евреями и страдает наравне с ними. Однако она может быть весьма опасна, поскольку вопреки своей мягкости, пониманию, доброй природе она может отделиться от Бога и в этом случае превращается в грозное беспощадное Правосудие, багровое от гнева, с наполненными разрушительной силой развевающимися волосами. Согласно учению рабби Йосефа, буквы Торы служат связующими звеньями, символически, однако недвусмысленно соединяющими Царя и Царицу вселенной. Одно из главных предназначений полового акта, учил живший в XVI веке каббалист Ицхак Лурия[8], — удерживать их вместе[9]. Изучение Торы укрепляет связь между Богом и *Шхиной*, и горе человечеству, если она прервется.

Все сказанное о связи изучения Торы и сердечной привязанности привело к тому, что отношения мудреца и Торы нередко представляли как своего рода любовную связь. Как писал Г. Шолем, Тору и мудреца сравнивали соответственно

...с прекрасной принцессой, запертой в отдаленных покоях дворца, и ее возлюбленным... Сгорая от любви, он бесстрашно входит в ворота и смотрит во все стороны, пытаясь ее отыскать. Она знает, что он ищет ее во дворце... Она открывает маленькую дверцу, ведущую в ее потайные покои, на мгновение показывает возлюбленному свое лицо и стремительно скрывается... однако он знает, что она показалась, поскольку любит его, и стремится к ней всем сердцем и всей душою.

Так же и с Торой... Она знает, что тот, кто мудр сердцем, день за днем мечется у дверей ее жилища... Иногда она выглядывает из дворца и показывает ему свое лицо, давая тем самым знак ее любви... если же он ослаб, она посылает к нему посланца с такими словами: «Иди, скажи этому простаку, чтобы он пришел и поговорил со мной...» Она начинает говорить с ним, сначала из-за ширмы, которую она опускает, прежде чем приступить к беседе. Затем она обращается к нему из-за прозрачной завесы, сотканной из тонкой кисеи, и говорит с ним загадками и аллегориями... Наконец, когда они сближаются, она открывается и говорит с ним лицом к лицу, и сообщает ему все тайны и все заповедные знания, которые она скрывала в душе с незапамятных времен[10].

Любовь этих людей к Богу и Торе была столь возвышенной и чистой, что они могли описывать свои чувства, прибегая к романтическим и сексуальным образам и не испытывая при этом неловкости или смущения. А отношение к сексуальной близости мужчины и женщины было, в свою очередь, столь почтительным, что подобные сравнения совершенно не опошляли их отношения с Богом. И наоборот, поскольку

Бог столь высоко ценил брачные узы, подобные образы могли звучать только как проявление почтительности.

Подобно волосам *Шхины*, борода Бога считалась иссиня-черной, завитой, умащенной маслом и полной сокровенных тайн. Когда мистик овладевал искусством созерцания, он погружался в тринадцать завитков космической бороды. Он восходил все выше и выше, а мы, вдумываясь в эту удивительную еврейскую метафору, можем представить себе величайших мудрецов скользящими по священным, сверкающим, смазанным завиткам бесконечной, запутанной, темной великолепной и невообразимой Божественной бороды.

Глава 7
«Да разве у жида нет глаз?»

Интересно, что люди, в течение веков подвергавшиеся насмешкам за свой внешний облик, с библейских времен высоко ценили физическую красоту; ведь в отличие от предписанного обрезания и запрещенных татуировок все прочие способы сделать тело красивым разрешены. Разумеется, красота — понятие относительное и всегда частично зависит от мнения созерцающего ее. Поэтому, когда эти созерцающие были многочисленнее и сильнее евреев, они нередко презирали еврейский облик куда сильнее, чем некоторые евреи восхищались обликом нееврея. Обе оценки имели весьма серьезные последствия. И хотя в глазах греков и римлян с их аполлоническими идеалами евреи были уродливы и презираемы, культурные наследники Греции и Рима и сегодня определяют европейские эталоны красоты.

Среди многочисленных созерцателей, унижавших и презиравших евреев, было, к сожалению, несколько величайших писателей и писательниц англоязычного мира[1]. Например, в «Приключениях Оливера Твиста» Диккенс так описывает внешность Фейджина: «сморщенный еврей с всклокоченными рыжими волосами, па-

давшими на его злобное, отталкивающее лицо»[2]. Джозеф Конрад в романе «Ностромо» (*англ.* «Nostromo», 1904) знакомит нас с евреем Гиршем, патологическим трусом с крючковатым носом и «практичной меркантильной душонкой».

Характерный еврей Бернарда Шоу — главарь бандитской шайки Мендоса из «Человека и сверхчеловека»: «Высокий крепкий человек с типичным крючковатым носом, черными блестящими волосами, остроконечной бородкой, закрученными кверху усами. Его сходство с Мефистофелем, несомненно, подчеркнуто внешне, но тем не менее производит известное впечатление»[3].

Дэвид Лоуренс в «Деве и цыгане» описывает «миниатюрную женщину с огромным носом, скорее всего, еврейку... ее широкие, слегка обиженные карие глаза избалованной еврейки странно смотрели из-под дорогой шляпки... глаза, которые сохранили практичность и проницательность еврейки из буржуазной семьи, скорее всего, богатой... она была влюблена, в курьезной еврейской манере».

Этот список можно продолжать долго. Стереотип очевиден: у «еврея» маленькие, близко посаженные глаза, большой крючковатый нос, мокрые, пухлые вывернутые губы, темные кудрявые волосы, потная смуглая кожа, низкий рост, круглый раздутый живот и темный, вызывающий подозрения облик, разумеется, за исключением тех случаев, когда у еврея патологически бледная кожа из-за отсутствия здоровых занятий на свежем воздухе. А определения: коварный, отвратительный, патологический, хитрый, зловещий, уклончивый, одиозный, проклятый, подлый, жестокосердный, беспокойный, противный, свое-

вольный, упрямый, крикливый, шумный, эгоистичный, напористый, властный, агрессивный, похотливый, хищный, жадно дышащий, хитрый, бесхребетный, подобострастный, навязчивый, мерзкий, подозрительный, злодейский, скверный, сморщенный, дьявольский, — которыми были усыпаны описания еврейских портретов, размывали границу между объективным и субъективным, придавая негативную эмоциональную окраску даже совершенно нейтральным, казалось бы, описаниям внешности, телосложения или цвета волос и кожи.

С одним из самых нелепых представлений о еврейском теле, зародившихся в Средние века, можно было столкнуться еще в пятидесятые годы прошлого века на улицах Бруклина, где я вырос. Нееврейские мальчики часто дразнили детей, требуя показать наши рожки; похоже, они верили, что евреи никогда не снимают ермолку (или другой головной убор), чтобы скрыть пеньки от спиленных рогов. Поскольку дьявол и некоторые его подручные были, согласно народным фантазиям, рогаты, этот предрассудок поддерживал антиеврейские представления о «сатанинских» евреях, мечтающих навредить добрым христианам и получить власть над миром.

Так же, как нарицательным образом еврея Шейлока мы обязаны одному из величайших мировых драматургов, свои «рога» мы получили благодаря величайшему из художников Ренессанса. Статую Моисея со скрижалями Завета работы Микеланджело венчают заметные рога. Разумеется, Микеланджело вовсе не имел в виду, что десять заповедей как-то связаны с дьяволом, и не собирался подрывать традици-

онное христианское почитание Моисея (Моше) и Еврейской Библии, именуемой христианами Ветхим Заветом. Все дело в нелепой ошибке, сделанной святым Иеронимом[4], который переводил Библию на латынь непосредственно с иврита. В 34-й главе книги Исход о Моше сказано: «*Керен ор панав*». Правильным переводом будет: «Сияет лицо Моисеево» (34:35). Это сияние было настолько сильным, что Моше, дабы не слепить окружающих, должен был носить покрывало. Однако в иврите слово *керен*, в зависимости от контекста, имеет два значения: «луч» и «рог». И святой Иероним ошибся, наградив Моисея рогами, которые Микеланджело старательно высек из мрамора и которые с тех пор стали частью антисемитского описания еврея.

Разумеется, европейские евреи обычно выглядели не так, как их соседи. Однако стереотипное описание подходило лишь некоторым евреям, а вообще среди них встречались самые разные типажи. Более того, в облике евреев и других народов мира есть немало общего, в частности, в силу случавшихся иногда еврейских «торговых операций» по экспорту/импорту генов. Однако, как известно, большинство из нас не задает вопросы о вероятности или статистической погрешности существующих расхожих представлений, но мыслит устоявшимися стереотипами: «типичный француз», «типичный немец». Поэтому автор, повторяющий подобные банальности в произведениях, ориентированных на массового читателя или зрителя, тем самым поощряет наиболее примитивный тип мышления в отношении большой и далеко не однородной группы людей и тем самым нередко создает ложные социальные

ориентиры, ведущие в итоге к самым трагическим последствиям.

Даже Шекспир в своей, ничего не поделаешь, принципиально антиеврейской комедии «Венецианский купец» наделил ростовщика Шейлока рядом стереотипных черт. Но вместе с тем он позволил Шейлоку, в противовес мнению антисемитов о еврейском теле, высказать свой собственный взгляд на себя и народ, к которому он принадлежал:

Он меня опозорил, помешал мне заработать, по крайней мере, полмиллиона, насмехался над моими убытками, издевался над моими барышами, поносил мой народ, препятствовал моим делам, охлаждал моих друзей, разгорячал моих врагов; а какая у него для этого была причина? Та, что я жид. Да разве у жида нет глаз? Разве у жида нет рук, органов, членов тела, чувств, привязанностей, страстей? Разве не та же самая пища насыщает его, разве не то же оружие ранит его, разве он не подвержен тем же недугам, разве не те же лекарства исцеляют его, разве не согревают и не студят его те же лето и зима, как и христианина? Если нас уколоть — разве у нас не идет кровь? Если нас пощекотать — разве мы не смеемся? Если нас отравить — разве мы не умираем? А если нас оскорбляют — разве мы не должны мстить?[5]

Насколько телесно это самоопределение! Уже из первых слов можно догадаться о том, что дальше последует определение «жида», — и Шейлок храбро заявляет, что не видит никакой биологической разницы между собой и любым представителем рода человеческого. Более того, из этого драматического высказывания следует, что даже его ненависть и мстительность, в свою очередь делающие его ненавистным для других, являются естественной, предсказуемой частью человеческой природы.

В конечном итоге вся пьеса крутится вокруг «анатомии», поскольку еврей настойчиво пытается заполучить причитающийся ему фунт человеческой плоти. Насмешливо ухмыляясь едва ли не до последнего момента, хитрый еврей в конечном итоге проигрывает одному из самых ярких женских персонажей, созданных Шекспиром, умной и привлекательной Порции, заявившей ему: «Ты можешь получить свой фунт плоти, но если ты возьмешь хоть на йоту больше или меньше или прольешь хоть каплю крови — прощайся с жизнью».

Лишившись путей к отступлению, Шейлок, дабы спастись, теряет все свое богатство. Однако его ждет еще более страшное наказание, как с библейской, так и с общечеловеческой точки зрения: Шейлок теряет собственную плоть и кровь, прекрасную Джессику, горячо любимую единственную дочь, обладавшую нееврейским темпераментом и соблазненную неевреем. Джессика крестится, отвергнув тем самым древний завет своего отца и лишив Шейлока права на продолжение рода. Этим правом он обладал и утратить его мог только в том случае, если бы сам не был обрезан или нарушил традицию.

Чтобы сделать удар еще чувствительнее, дож по совету Антонио (должника Шейлока, едва не ставшего жертвой его мести) постановляет, что половина имущества ростовщика, не доставшаяся государству, должна перейти к мужу Джессики, христианину, к тому, «кто дочь его похитил». Таким образом, Шейлок обязан оплатить христианскую жизнь своих потомков. Кроме того, дож постановил, что Шейлок умрет, если сам не согласится креститься: довод не слишком христианский, но достаточно убедительный. Подобно многим евре-

Уцелевшие во время еврейского погрома в Ходоркове, Украина (1919 год), сфотографированные в киевской больнице. Это был один из более чем 1300 погромов времен Гражданской войны, унесших более 70 тысяч жизней и вызвавший третью алию — массовую еврейскую эмиграцию в Землю Израиля

ям до и после него, Шейлок, поставленный перед необходимостью выбора, соглашается креститься, признав, что «доволен» решением суда. Впрочем, сразу после этого он заявляет, что ему плохо, и удаляется: суровый приговор оказывается страшным ударом для еврейского тела.

Совсем иначе чувствует себя прекрасная Джессика, которая в начале последнего акта участвует в очаровательной, полной волшебных грез любовной сцене. Впрочем, своего отца она предала еще за несколько сцен до его драматического монолога в свою защиту. Ее слова не оставляют никаких сомнений относительно дальнейших намерений дочери:

Увы, какой постыдный грех — стыдиться,
Что я ребенок моего отца!
Но я ведь дочь ему по крови только,
Не по душе. Сдержи обет, Лоренцо, —
И стану я, покончивши с борьбой,
И христианкой и твоей женой.

У Шекспира она все еще полагает нарушение пятой заповеди грехом. Однако недавно я видел спектакль, в котором Джессика в этой сцене осеняет себя крестом и вешает на шею крестик, демонстрируя тем самым, что не испытывает никаких колебаний по поводу предстоящего крещения, — режиссерское прочтение, далеко не очевидное с точки зрения развития авторского замысла в пьесе. Мне, как отцу двух дочерей, этот жест актрисы был как нож в сердце.

Однако кровь есть кровь, и рано или поздно она может заявить о себе. Будут ли Джессика и ее потомки считаться добрыми христианами, или ее дети и внуки понесут несмываемое клеймо еврейской крови? Исторические свидетельства не дают повода для оптимизма, даже если речь идет о весьма почтенных новообращенных. Историки спорят о том, как относились в Испании к христианам еврейского происхождения во время и после массового изгнания евреев в 1492 году. Однако есть основания полагать, что инквизиция, отправлявшая на костер «иудействующих», руководствовалась в том числе расовыми соображениями, карая «новых христиан» и их потомков не только за еврейские убеждения, но и за текущую в их жилах еврейскую кровь[6]. В подобных случаях еврейское тело погибало, невзирая на то что еврейская душа по требованию христиан проходила через воды крестильной купели.

Впрочем, даже если это было неверно в отношении инквизиции, расовая теория легла в основу европейского антисемитизма, возникшего в конце девятнадцатого столетия. Многим казалось, что XIX век, начавшийся Просвещением и наполеоновскими декретами об эмансипации евреев, приведет к постепенному освобождению и уравнению в правах презираемого и униженного народа. Однако к середине восьмидесятых годов вся Европа была охвачена воинствующим антисемитизмом. Ярче всего это проявилось в Восточной Европе, где прокатились десятки кровавых погромов, которых не было с середины XVII века[7].

В начале XX века тысячи беззащитных евреев: мужчин, женщин и детей — погибли в результате сотен погромов, устроенных их нееврейскими соседями. Только в 1905 году в течение одной недели по царской России прокатились пятьдесят погромов. Это злодейство повторилось через пятнадцать лет, уже во время Гражданской войны.

Опасаясь за свою жизнь, десятки тысяч русских, украинских и прочих восточноевропейских евреев двинулись кто куда. Большинство верило в «американскую мечту», но некоторые евреи — сделали более трудный выбор в пользу Палестины. Каждая волна погромов вызывала за собой волну эмиграции. В те годы кровавые погромы казались беспрецедентной трагедией. Однако позже, в годы Катастрофы, организованное нацистами массовое уничтожение европейского еврейства ретроспективно изменило эту оценку, и все прежнее показалось детской игрой.

Глава 8
Раса и судьба

Разумеется, для успешного воплощения в жизнь принципов антисемитизма необходимо было научиться идентифицировать евреев, что не всегда бывало просто. Вспомним историю *Песаха*: Моше мог выдать себя не просто за египтянина, но — за египетского вельможу[1]. Следовательно, низкое еврейское происхождение практически не отразилось на его лице, одежде и поведении. Все его считали знатным египетянином и продолжали относиться к нему как к высокопоставленному вельможе до тех пор, пока он сам не решил, что его жизнь и судьба принадлежат еврейскому народу.

Последние несколько веков предпринимаются усилия, чтобы научиться распознавать еврейскую расу по физическим параметрам, однако яд ненависти всегда изливался и на тех евреев, которые выглядели «нестандартно», совсем не как «евреи». С точки зрения антисемитов, эти «оборотни» были опаснее самых типичных евреев, поскольку, не будучи вовремя обнаружены, они заражали и оскверняли коллективное тело «нормальных здоровых людей». Таких евреев уподобляли своего рода латентным (невидимым,

скрытым) вирусам, годами и десятилетиями живущим в кажущемся здоровым общественном организме и внезапно поражающим его смертельной болезнью.

Возможно, это была одна из самых чудовищных метафор XX века. Опираясь на бредовые расовые идеи XIX века, немецкие врачи и ученые постепенно превратили евреев в медицинскую проблему, определив их как источник болезни, угрожающей здоровью человечества. К примеру, главный нацистский пропагандистский орган, газета «Der Stürmer», опубликовала в апреле 1942 года фотографию под заголовком «Опасные черви»; на фотографии было изображено светлое поле микроскопа с множеством маленьких коммунистических серпов и молотов, треугольников (символизирующих гомосексуалистов) и, в наибольшем количестве, шестиконечных звезд Давида.

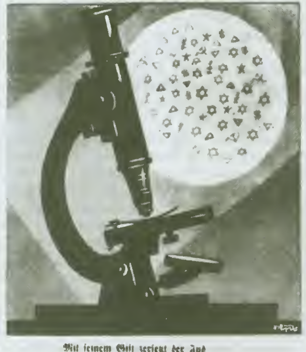
Даже среди тех, кто неплохо осведомлен о Катастрофе, не всем известно, что это был в первую очередь проект общественного здравоохранения. Евреи считались больными людьми, но, что еще важнее, в них видели источник заражения. Современная наука утверждает, что гены являются основой человеческого здоровья, а еврейские гены, по мнению нацистских медиков, разрушительно воздействовали на германскую расу. Возрастало количество смешанных браков между немцами и евреями. «Чисто немецкое» деторождение падало. Считалось, что евреи заражали немцев всевозможными вирусными и бактериальными заболеваниями, но что хуже всего, они загрязняли германскую расу своими еврейскими генами. Все это было измерено, под-

считано и скрупулезно и настойчиво доведено до сведения немецкого народа.

Таким образом, речь шла о кризисе общественного здравоохранения, вызвавшем беспокойство немецких врачей и ученых[2]. Медики были в числе первых, наиболее восторженных и последовательных нацистов; впоследствии они одними из первых очистили свои ряды от еврейских коллег. Германская медицинская элита стала одним из интеллектуальных столпов нацистской войны против евреев. Доктор Йозеф Менгеле находился в Освенциме не только ради того, чтобы решать, кто будет отправлен в газовые камеры немедленно, а кто выглядит достаточно крепким, чтобы немного поработать, прежде чем умереть. Он работал там в качестве медицинского и расового эксперта, дабы собственноручно подтверждать, что каждый еврей попадает в газовые камеры ради охраны общественного здоровья — здоровья чистой германской расы.

Гитлер считал эту теорию настолько важной, что в 1935 году пропагандистский плакат изобразил его склонившимся над цветами рядом с прелестной маленькой девочкой (похожая на Хайди из «Хайди: годы странствий и учебы»[3]); подпись гласила: «Adolf Hitler als Artz des deutschen Volkes» — «Адольф Гитлер — целитель германского народа».

Реальные меры по охране общественного здоровья постоянно исходили из положений расовой теории. Забота о здоровье подменялась управлением здоровьем, лечебные меры заменялись превентивными, личная гигиена — расовой. Речь шла не о небольшой маргинальной группе

«Заразные капельки».
Иллюстрация из нацистского пропагандистского издания «Der Stürmer» 15 апреля 1943 года
Стихотворный текст гласит:
«Этим ядом евреи загрязняют кровь слабых людей, отчего появляются болезни, сражающие их.
Но наш лозунг гласит:
"Наша кровь чиста! Мы здоровы!"»

нацистских врачей, но о подавляющем большинстве немецких медиков и ученых. В лучших университетах страны они читали многочисленные курсы, посвященные генетическому и общественному здоровью, издавали многочисленные журналы, открывали прекрасно оборудованные лаборатории и научные центры, демонстрировали тысячи «исследований» для проверки бессмысленных теорий.

В результате нацистский взгляд на еврейское тело стал господствующей интеллектуальной нормой сначала в Германии, а затем и во всей нацистской империи. Только в 1939 году Имперское издательство здравоохранения выпустило 924 тонны (92 товарных вагона) различных пропагандистских материалов. Этого количества было бы достаточно, чтобы покрыть три четверти поверхности земного шара. «Научные» книги и статьи приводили «доказательства», что евреи чаще, чем неевреи, страдают от некоторых болезней и это вызвано их испорченными генами.

Основу этого учения заложил сам Гитлер в своей книге «Майн кампф», написанной им еще в молодости. С юных лет его преследовала навязчивая идея расовой еврейской угрозы:

Черноволосый молодой еврейчик нахально вертится около нашей невинной девушки, и на его наглом лице можно прочитать сатанинскую радость по поводу того, что он сможет безнаказанно испортить кровь этой девушки и тем самым лишить наш народ еще одной здоровой немецкой матери. Всеми средствами стараются евреи разрушить расовые основы того народа, который должен быть подчинен их игу. Евреи не только сами стараются испортить как можно большее количество наших женщин и девушек. Нет, они не останавливаются и перед тем, чтобы помочь в этом отношении и другим

народам. Разве не евреи привезли к берегам Рейна негров[4] все с той же задней мыслью и с той же подлой целью: через кровосмешение нанести как можно больший вред ненавистной белой расе, низвергнуть эту расу с ее политической и общекультурной высоты, а затем самим усесться на ее спине[5].

Итак, уже в начале двадцатых годов Гитлер считал, что еврейская угроза также состоит в том, что евреи, во-первых, с «сатанинской радостью» портят арийских женщин своей грязной кровью, а во-вторых — пустили в Европу африканцев «все с той же задней мыслью и с той же подлой целью — через кровосмешение нанести как можно больший вред ненавистной белой расе».

Это мнение было «научно» обосновано Хьюстоном Стюартом Чемберленом[6], который в своих трудах «Основы XIX века» (нем. «Die Grundlagen des neunzehnten Jahrhunderts»; впервые вышла на немецком языке) и «Раса и нация» доказывал, что взлет и падение различных наций были связаны с присутствием в их среде и деятельностью евреев: в то время как арийцы — творцы и носители цивилизации, евреи — воплощение негативной расовой силы, разрушительный фактор истории, знак ее вырождения. Вывод из этих расовых теорий был сугубо практический: евреи своей грязной кровью разлагают европейские нации.

С момента первой публикации книги Чемберлена стали предметом многочисленных обсуждений среди германских студентов[7]. Украшенные свастикой антисемитские плакаты с изображениями евреев, которые оскверняют немецких женщин, появились на стенах рейхстага

Карикатура из книги Курта Плишке:
«Eine Anklage gegen Juda und eine Mahnung
an die deutschen Frauen und Maedchen»
(«Еврей — осквернитель расы: обвинение евреев
и предупреждение немецким женщинам и девушкам»).
Германия, ок. 1935 года

(германского парламента) уже в двадцатые годы. Альфред Розенберг[8], бывший советником Гитлера в первые годы нацистского движения, называл книги Чемберлена сильнейшим положительным импульсом своей юности и делал выписки из «Основ XIX века», дабы облегчить Гитлеру знакомство с этим опусом. Генрих Гиммлер, возглавлявший в годы войны СС и бывший одним из тех, кто принимал решение о депортации и массовом уничтожении евреев, прочитав книгу «Раса и нация» в 1921 году, записал в своем дневнике: «Это истина, которая убеждает: она

объективна и с точки зрения антисемитизма нейтральна! Поэтому она так убедительна. Это ужасное еврейство».

В результате нацисты полагали, что на них лежит почетная обязанность и одновременно тяжелая ответственность: не дать «ужасным евреям» и дальше осквернять высшие европейские расы, защитив тем самым будущее человечества.

В конечном итоге все сводилось к телу. В этом смысле наиболее показательна иллюстрированная детская книжка «Der Giftpiltz» («Ядовитый гриб»), впервые увидевшая свет в 1938 году и разошедшаяся многотысячным тиражом[9]. На обложке евреи были изображены в виде поганок с уродливыми еврейскими лицами, выглядывающими из-под шляпок. Во второй главе этой книги, «Как распознать еврея», так описывается урок в седьмом классе:

Все дети тянут руки вверх. Учитель вызывает Карла Школьза, маленького парня в переднем ряду. «Мы говорили о том, как распознавать евреев. Хорошо. Продолжай!»

Маленький Карл берет в руки указку, подходит к доске и показывает на рисунки: «Очень легко еврея отличить по его носу. Еврейский нос загнут на конце. Он выглядит как цифра шесть. У многих арийцев носы тоже загнуты. Но их носы загнуты вверх, а не вниз. Такой нос — это "орлиный" нос. Он совсем не похож на еврейский».

«Правильно! — говорит учитель. — Но это — не единственный способ распознать еврея...»

Мальчик продолжает: «Также еврея можно распознать по его губам. Его губы обычно пухлые. Нижняя губа часто выдается. И глаза отличаются тоже. А веки — толще и мясистей, чем человечьи. Евреи выглядят осмотрительными и проницательными. Глядя в их глаза, можно сказать, что это глаза лукавого человека».

«Der Giftpielz» («Ядовитый гриб»), немецкая детская книжка, опубликованная в Германии в 1938 году антисемитским издательством Юлиуса Штрайхера «Der Stürmer Verlag»

Итак, речь идет о якобы точном анатомическом знании. Затем учитель вызывает другого мальчика, Фрица, лучшего ученика, который перечисляет то, о чем забыл Карл: «Евреи обычно маленькие или среднего размера. У них короткие ноги. И руки часто тоже короткие. Многие евреи кривоногие и с плоскими ступнями. У них часто низкий наклоненный лоб. Покатый лоб. У многих уголовников такой покатый лоб. Евреи тоже уголовники. Их волосы обычно темные и в мелкий завиток, как у негров. А уши очень большие, и они выглядят как ручки кофейной чашки...»

Похвалив Фрица, учитель спрашивает, почему Фриц все время говорил «у многих» и «часто». Высокий, сильный мальчик, по имени Генрих, объясняет, что не у всех евреев есть все эти признаки. У кого-то нет правильного еврейского носа, но зато есть настоящие еврейские уши. У кого-то нет плоскостопия, но есть настоящие еврейские глаза. Некоторых евреев нельзя распознать с первого взгляда, и есть даже евреи со светлыми волосами. Поэтому, если мы хотим распознать еврея наверняка, следует смотреть в оба и быть внимательным.

Еще один мальчик, светловолосый и улыбчивый, объясняет характерное поведение еврея: «Еврей двигает головой взад и вперед. Его походка шаткая и неустойчивая. Еврей, когда говорит, размахивает руками. Он тараторит. Его голос обычно странный. Он говорит через нос. Евреи часто неприятно сладковато пахнут. Если у вас хороший нюх, то еврея можно просто унюхать.»

Согласившись со всем вышесказанным, учитель вместе с учениками хором читают стихотворение, о том, что евреи — порождения дьявола, против которых должен бороться всякий молодой немец, мечтающий о «счастье и весне» для своей страны.

О том, что опознать еврея непросто, свидетельствует уже первая история, рассказанная в книге. Мать, отправившаяся с сыновьями в лес по грибы, учит их быть очень внимательными, поскольку ядовитые грибы нередко выглядят совсем как съедобные. Глава заканчивается скучной дидактической нотацией, подчеркивающей мысль, высказанную юным Францем: еврей — самый опасный из всех ядовитых грибов.

«Der Giftpiltz» — лишь один пример из длинного ряда книг, статей, плакатов, выставок, речей, пьес, радиопередач, встреч, собраний, молодежных групп, уроков, лекций и кинофильмов, которые должны были донести эту мысль до каждого немца, независимо от возраста и социального положения, а также до миллионов европейцев. Все должно было подводить к мысли, что «ядовитые евреи» несут угрозу всему человечеству, поэтому изучение внешних признаков еврея имело и практическую, и идеологическую ценность. Более того, каждый элемент в этом анатомическом перечне был результатом «научных» работ, проведенных в крупнейших исследовательских центрах Германии.

Одним из самых эффективных инструментов пропаганды и общественного контроля служило кино, достигшее к началу тридцатых годов столь высокого технического уровня, что мало кто мог перед ним устоять.

Помимо полных драматизма документальных фильмов о многотысячных нацистских митингах выпускались специальные кинокартины, наглядно демонстрирующие вредоносность евреев. Одной из них был «Еврей Зюсс», нацистская обработка старинного романа Вильгельма Гауфа[10]. В этом романе еврей по имени Зюсс занимается закулисными махинациями, которые в конечном итоге приводят его к гибели. И хотя Зюсс узнает, что он на самом деле не еврей, он решает принять мученический конец как один из них. Однако в фильме его сделали столь сильным воплощением еврейского зла, что публика приветствовала сцену казни Зюсса аплодисментами.

Не меньшее влияние на массовое сознание оказал в свое время документальный фильм «Вечный жид» («Der Ewige Jude»). Еврейским детям чужд идеализм; Палестина — центр всемирного еврейства; евреи — смешанная раса, потомки азиатов, европейцев «и даже негров»; евреи контролируют 82 процента преступного мира и 98 процентов торговли живым товаром; они породили инфляцию, разрушившую немецкую экономику; они создают «дегенеративное искусство», порожденное «воспаленным воображением безнадежно больного разума» (в качестве иллюстраций в фильме показаны величайшие произведения кубизма и абстракционизма); они разрушают немецкий театр и прославляют в своих фильмах убийство детей; они извратили науку (в качестве иллюстрации — портрет Альберта Эйнштейна); они сознательно мучают животных во время кошерного убоя[11]. Все эти тезисы были громогласно провозглашены закадровым голосом на фоне многочисленных похотливых уродливых фигур, некоторые демонстрировали, как евреи пытаются сойти за неевреев.

Кульминацией фильма можно считать сцену, в которой огромная стая крыс, символизирующих евреев, разбегается по всему миру, разнося «чуму, оспу, проказу, тиф, холеру, дизентерию и многие другие болезни». Фильм заканчивался кадрами, изображающими немцев, чистых, красивых, благородных и прекрасных, которым, однако, грозит постоянная опасность со стороны коварных евреев.

По мере возвышения и процветания нацистской Германии успехи Третьего рейха в окон-

чательном решении «еврейского вопроса» действительно привели к тому, что многие евреи стали представлять реальную опасность для общественного здоровья. Прежде чем закончить свой путь в газовых камерах, носители «расовой проказы» были избиты, ограблены и загнаны в переполненные гетто, где их добивали тиф, дизентерия, туберкулез и другие инфекционные болезни. На улицах в гетто нередко можно было увидеть трупы.

В результате повсеместных усилий немцы превратили еврейские тела в постоянный источник болезней и рассадник насекомых, сделав их опасными для живущих вне стен гетто «чистых» немцев. На пике своей деятельности Освенцим мог «переработать» не более двенадцати тысяч евреев в день. Поэтому миллионы отверженных и приговоренных к гибели евреев вынуждены были неделями, месяцами и даже годами ждать своей очереди в превращенных в тюрьмы и кишевших болезнями городских кварталах, умирая там согласно нацистскому замыслу и расистской теории.

В первые месяцы после рождения первого ребенка я с горькой иронией называл воспитание еврейских детей не иначе как «производством будущих абажуров».

Но поскольку эта ирония пришлась моей жене, мягко говоря, не по вкусу, я держал ее при себе. Подобным образом миллионы евреев в глубине души вынашивают мысли, которые до времени остаются невысказанными.

Невозможно жить в еврейском теле после Катастрофы и не задумываться о природе и судь-

бе этого тела, которое в любой момент может попасть в руки тех, кто распорядится им по своему усмотрению. Подобно тем, кто пережил землетрясение, извержение вулкана, ураган, торнадо, лесной пожар, оказался накрыт снежной лавиной или испытал другие стихийные бедствия, еврей, помнящий историю, живет в постоянном предчувствии социального цунами, способного в течение одной ночи превратить его нееврейских соседей в злейших врагов. А так как соседи, как правило, куда многочисленнее евреев, наша уязвимость ни у кого не вызывает никаких сомнений.

В любой момент земля может внезапно уйти у нас из-под ног, и нам останется тщетно метаться в надежде обрести хотя бы временную опору. Это не бред параноика, это суровая историческая реальность. И даже если, думаем мы, это не произойдет прямо сейчас, вполне возможно, что катастрофа случится в будущем.

Нацистские планы идентификации, изоляции, преследования, издевательств и уничтожения евреев имели навязчиво плотский характер. Нацисты считали евреев уродливыми и делали их еще уродливее, заставляя носить желтую звезду, загоняя в нищие гетто, моря голодом, мучая различными болезнями и, наконец, убивая их так же наверняка, как если бы они заражали их брюшным тифом (последнее тоже практиковалось в рамках так называемых научных исследований).

Когда начались массовые расстрелы, согнанных для убийства евреев сначала заставляли донага раздеться; среди нас было немного спортсменов, артистов и танцоров, поэтому обнаженные

жертвы в сравнении с хорошо одетыми и уверенными в себе палачами выглядели особенно слабыми и уродливыми. Презрение к слабым и жалким облегчало их массовое уничтожение, а братские могилы, рвы и ямы, куда падали тела расстрелянных или куда их сбрасывали после гибели, заменяли погребение.

Польский журналист описал в своем дневнике процесс уничтожения евреев Вильнюса, которые были убиты в лесу неподалеку от города: «1942 год, 30 июля, пятница. Примерно сто пятьдесят человек расстреляно. Большинство из них пожилые люди. Палачи жаловались, что очень утомились во время "работы" и что из-за отдачи от выстрелов у них болят плечи. Поэтому они не добивали раненых, а сожгли их заживо». Как и большинство других антиеврейских акций, нацисты фиксировали расстрелы на фото и записывали на кинопленку: они оказывали человечеству услугу и гордились тем, что делали.

Газовые камеры усовершенствовали технику массового уничтожения. Евреев заставляли раздеться, им, якобы для дезинфекции, сбривали волосы, после чего отправляли в «душ». Согласно свидетельству коменданта Освенцима Рудольфа Гесса, «младенцев, которые мешали брить их матерей, оттаскивали за ноги и разбивали об стену»[12]. Один раз охранник вернул кровавое месиво матери. Немцы складывали в кучи и фотографировали горы очков или обручальных колец, отобранных у убитых. Эти груды отправляли на рынок вместе с тоннами человеческих волос. Как выяснилось позднее, волосы женщин низшей расы вполне годились на парики для не-

мецких дам. Золотые зубы, выдранные из мертвых ртов, шли в переплавку, чтобы послужить высшей расе и ее бескорыстному труду по очищению человечества.

Постоянная дезинформация, бывшая неотъемлемой частью нацистского плана, с успехом использовала и без того не слишком высокую оценку евреями собственного физического состояния, которое ухудшалось из-за многолетних лишений. «Труд освобождает» — «Arbeit macht Frei», эта знаменитая надпись, украшавшая ворота Освенцима, должна была внушить евреям мысль, что нацисты просто оказывают им услугу, желая укрепить их тела физически и тем самым сделать более похожими на немцев. После столетий стереотипного изображения евреев болезненными слабаками, боящимися войны и физического труда, «Arbeit macht Frei» звучало совершенно логичным утверждением. Поэтому когда больные, голодные и обнаженные люди шли в свой последний путь, их не могла не впечатлить сила и выправка затянутых в форму немецких солдат. По пути в газовую камеру какой-то эсэсовец сказал одному из евреев: «Дыши глубже, это укрепляет легкие»[13]. Многие сжимали в руках квитанции на свою одежду.

Подгоняемые ударами и ободряемые ложной надеждой, евреи набивались в газовые камеры, подобно сардинам в банках. Специальные гранулы, испускающие ядовитый газ, сыпались на пол. Обнаженные жертвы карабкались друг на друга в борьбе за последние глотки воздуха, однако в течение нескольких минут все были мертвы.

«Тела в камерах лежали кучами, некоторые остались в сидячем или полусидячем положении...

28 апреля 1945 года. Около 60 тысяч тел, ждущих погребения в Берген-Бельзене, освобожденном Второй Британской армией; английские солдаты заставили пленных охранников-эсэсовцев хоронить убитых. Несмотря на усилия медиков, многие узники умерли уже после освобождения лагеря от болезней и истощения

Трупы были бледные, на некоторых телах проступали зеленые пятна. У других на губах выступала пена или шла носом кровь»[14]. Изо ртов погибших выдирали золотые коронки.

Первоначально тела убитых зарывали в братских могилах, но с 1942 года начали работать крематории. Несмотря на то что в конце войны немцы пытались тщательно уничтожать все разоблачавшие их улики, советские солдаты, освободившие Освенцим, нашли 368 000 мужских костюмов, 836 255 женских костюмов и пла-

тьев, большое количество детской одежды, коронок, а также, после дополнительных поисков в помещении, где дубили кожу, обнаружили 7 тонн человеческих волос.

Вопреки распространенным слухам, немцы, скорее всего, не делали абажуров из еврейской кожи и не варили мыло из еврейских тел (или это производство было крайне незначительно). Когда советские войска приближались к Освенциму, нацисты стали выливать в огонь жир, вытекавший из сжигаемых еврейских тел, чтобы усилить горение и как можно быстрее замести следы.

У семисот еврейских женщин в Освенциме регулярно брали кровь для переливания немецким солдатам, невзирая на проблемы с расовой чистотой и, разумеется, без всякой заботы о жизни и здоровье женщин. По словам очевидца, «женщины-доноры лежали на полу ослабевшие, в лужах крови...»[15].

Тысячи еврейских тел были использованы для экспериментов (непременно под наблюдением врача), нередко оканчивавшихся смертью. Среди этих экспериментов было постепенное охлаждение человека (чтобы получить информацию, необходимую немецким летчикам, сбитым над морем), помещение его в камеры низкого давления для имитации смерти от кислородной недостаточности (с последующим вскрытием, пока «объект» был еще жив), стерилизация рентгеновским излучением и многое другое. Двадцать еврейских детей, намеренно зараженных туберкулезом для изучения течения болезни, были повешены в апреле 1945 года, когда нацисты делали все возможное, чтобы скрыть следы своих пре-

ступлений. Около 3000 близнецов, в основном детей, стали жертвой медицинских экспериментов, проведенных доктором Менгеле в различных исследовательских целях; лишь 160 из них выжили.

Однако чаще всего еврейские тела мучили менее «организованно». Одним из самых впечатляющих документов Катастрофы является сборник *респонсов*, ответов на практические вопросы, касающиеся исполнения религиозных законов, рабби Эфраима Ошри из Каунаса. Большая часть вопросов непосредственно связана с телом, и они проливают свет на отношение еврейской религии к телу, ставшему объектом нацистских издевательств.

Некий еврей, которого немцы избили так, что он оглох и онемел, спрашивал рабби, может ли он быть членом *миньяна* (еврейского молитвенного кворума из десяти взрослых мужчин). Несмотря на то что глухонемой с рождения не может быть включен в *миньян*, рабби Ошри постановил:

Безусловно, он мог быть включен в *миньян*, однако включить его в число тех, кого вызывают к Торе, мне представлялось невозможным. Но чтобы поднять его дух, я предложил, чтобы его вызывали к Торе вместе с каким-нибудь чтецом, чтобы, когда тот будет произносить благословение, он мог сосредоточиться на произносимых словах[16].

По словам Ошри, когда человек услышал ответ рабби, «его глаза заблестели, и он написал: "Рабби, вы меня воскресили. Пусть Господь утешит вас и дарует вам жизнь..."»

В другом *респонсе* рабби писал, что *ко́ген*, чьи тестикулы были повреждены (он был избит

немецкими полицейскими, поймавшими его с куском хлеба, который он хотел спрятать для голодающей семьи), может быть вызван к Торе как потомок священников[17], но из-за причиненного ему физического увечья он может не вступать в интимные отношения со своей женой.

Еще одному респонденту р. Ошри ответил, что мужчина, лишившийся левой руки, может попросить другого, чтобы тот повязал ему *тфилин* на правую.

Некто по фамилии Голдкорн, пишет рабби Ошри, несколько раз незаконно проносил в гетто муку для выпечки *мацы*. «По крупинке Гольдкорн принес муку для *мацы*, которой хватило, чтобы примерно сто евреев получили кусочек размером с оливку» — минимум, необходимый для выполнения заповеди. За два дня до *Песаха* немцы схватили Голдкорна с небольшим мешочком муки и выбили ему все зубы. Обливаясь слезами, Голдкорн пришел к раввину с вопросом: «Как я могу выполнить заповедь съедения *мацы* размером с оливку со своими выбитыми зубами? Я происхожу из хасидской семьи, обычай которой — никогда не есть размоченную мацу на *Песах*, — как я могу нарушить этот обычай? Могу ли я выполнить заповедь съесть *мацу*?» Раввин ответил, что обычай не смачивать *мацу* — всего лишь устрожение существующей заповеди, и Голдкорн смог есть на *Песах мацу*, выпеченную из украденной им муки, «несмотря на раны и выбитые зубы».

Рабби Ошри также постановил, что при отсутствии выбора можно есть в присутствии трупа, а люди, занятые рабским трудом, могут произносить утреннее благословение «Благословен…

Тот, кто не сделал меня рабом». Однако золотые коронки покойников не могут быть использованы в каких-либо целях.

Поскольку беременность каралась смертью, рабби Ошри разрешил аборты и контрацепцию. Однако в тот день, когда он принял это решение — 8 мая 1942 года, — в больницу гетто пришла беременная женщина. Немецкий солдат, заметивший ее живот, выстрелил ей прямо в сердце. Поскольку рабби Ошри находился рядом, за ним немедленно послали с вопросом, делать ли кесарево сечение: ведь, если ребенок умер, это может быть надругательством над телом матери. Раввин постановил, что ребенок должен быть спасен. Аккуратные немцы пришли записать имя убитой женщины: «Когда они увидели, что ребенок жив, их гневу не было предела. Один из немцев взял новорожденного и ударил его головкой о стену».

После войны рабби Ошри спросили о еврейской женщине, которую немцы «насильно сделали проституткой (причем злодеи не только пользовались ее телом, но и нанесли на него татуировку со словами "проститутка для солдат Гитлера")»: может ли она вернуться к мужу? Раввин ответил, что может, причем, хотя и существует библейский запрет на татуировки, «нет необходимости ликвидировать эту татуировку — напротив, пусть она и ее сестры сохранят эти татуировки и рассматривают их не как знаки позора, а как подтверждение их благородства, мужества и гордости, доказательство того, что они страдали для освящения Божьего имени». Подобное решение было вынесено в отношении одного из самых характерных отличий еврейско-

Узник концлагеря номер 78501 поднимает бокал вина во время пасхального седера в мае 1986 года, празднуя освобождение еврейских рабов в Египте

го тела середины XX века — лагерного номера: отвечая другой женщине, раввин постановил: «ни при каких обстоятельствах не следует удалять номер со своей руки, поскольку таким образом она выполнит желание проклятых немецких злодеев, чтобы Катастрофа была забыта, будто бы евреи придумали то, чего не было».

Когда я был ребенком, эти номера на руке у кого-то из старших всегда приковывал наше внимание; для миллионов людей эти синие цифры служили напоминанием о недавнем чудовищном прошлом; они служили гарантией, что ни время, ни отрицатели Катастрофы не преуспеют в своих «атаках на память и истину»[18].

Моя приятельница Тося, о которой пойдет речь в следующей главе, — одна из тех, кто говорит *Шоа* (Катастрофа на иврите), а не Холокост. Холокост («всесожжение») — название одного из храмовых жертвоприношений в греческом пере-

воде Библии. Слово «Холокост» подразумевает, что эта жертва была желанна Богу или, что еще страшнее, что гибель евреев послужила искуплением грехов. Поэтому Тося, пережившая войну, всегда говорит *Шоа*. Однако существует еще один вид жертвоприношения — *Кидуш ѓа-Шем*, освящение Имени. Так говорят обо всех, кто был убит за то, что был евреем. Поэтому я или использую два последних слова, или не пользуюсь никаким, поскольку этому преступлению нет и не может быть названия.

Глава 9
Уцелевшие

Трудно сделать так, чтобы история, которая уже всем хорошо известна, приобрела особую жизненность, даже если разнообразить ее множеством лаконичных живых деталей. Цифры только шокируют, а вырванные из контекста истории кажутся совершенно неправдоподобными. Поэтому так важно читать и слушать документальные свидетельства тех, кто там был, очевидцев этих чудовищных событий, таких, как Анна Франк или Хана Сенеш, а также воспоминания тех, кто сумел выжить. Именно эти рассказы, рассказы тех, кто уцелел, дают нам надежду, необходимую для того, чтобы жить дальше после всего, что произошло с нами. С номерами на руке или без них сами свидетели — эти свидетельства в буквальном смысле записаны на теле.

У Тоси Шехтер-Шнейдер, изящной дамы с хорошим чувством юмора и живыми, блестящими глазами, прекрасно сохранились в памяти события тех лет[1]. Многие из них сугубо «телесны». Одно из ее самых первых детских воспоминаний: она отказывается поцеловать руку польскому графу, у которого работал ее отец. Помнит, как ребенком играла со сверстниками, как собирали

орехи, катались зимой на санках, а летом купались в Днестре.

За день до начала войны ее и других детей из еврейского детского сада «забросала камнями свора польских мальчишек, выкрикивавших антисемитские оскорбления», однако этот случай кажется ей незначительным.

Тося и ее подруга Геня «носили ободок, как у Ширли Темпл[2], играли с куклами, похожими на Ширли Темпл, а если находили несколько грошей, смотрели все фильмы с ее участием». Еще они любили играть в войну: играли в глубоком овраге, где, по слухам, были похоронены погибшие в Первую мировую войну. Девочки были сестрами милосердия, мальчики — бойцами-героями. Зимой Тося несколько раз обморозила руки: она очень любила играть в снегу.

Разумеется, как любая девочка, она занималась и домашними делами: собирала хворост для печки, полола и поливала огород, драила кухню накануне субботы, относила в погреб запасы еды. «Жарким летом я любила спускаться в холодный погреб и ощущать холод влажных стен». Перед праздником *Песах* «...выливали на наш красный пол свежую мастику, привязывали к ногам щетки и начинали танцевать по комнате, пока в надраенном полу не отражались лица».

Она любила слушать рассказы о прошлом. Ее отец сражался сначала за Австрию, а потом — за Польшу[3]; однако это не мешало местным жителям оставлять на стенах его дома сделанные на польском языке надписи: «Жиды, убирайтесь вон». Герою войны приходилось своими руками отмывать стены собственного дома от этих антисемитских лозунгов. У матери были свои воспо-

минания о том, как в годы ее молодости «казаки ворвались в местечко, грабили, сжигали дома и насиловали женщин»[4].

У юной Тоси, только вступившей в пору цветения, были нежные девичьи кудри. По воскресеньям нарядная молодежь гуляла, «девушки — по одной стороне улицы, молодые люди — по другой. Они переглядывались, пересвистывались, обменивались шутками. Весной, когда в садах расцветала сирень и начинали петь птицы, мир казался прекрасным, восхитительным и полным надежды». Отец Тоси посадил три персиковых дерева, однако они так и не попробовали их плоды — в Торе сказано: «И когда войдете в страну и посадите какое-либо дерево плодоносное, то считайте плоды его за необрезанные; три года да будут они для вас необрезанными, не должно есть их» (Левит, 19:23).

Война началась раньше, чем деревьям исполнилось три года.

Многие польские евреи сочувствовали сионизму. Несколько раз Тося побывала по приглашению брата в летнем сионистском лагере: «Всюду, насколько хватало взгляда, стояли палатки, между которыми прогуливались парни и девушки в бело-голубой форме. На ветру реяли бело-голубые сионистские флаги». По всей Европе еврейская молодежь готовилась к жизни в Палестине, накачивая мышцы и обучаясь сельскому хозяйству и самообороне. Однако вскоре большинство молодых людей были призваны в польскую армию, готовившуюся к безнадежному противостоянию с Германией. В самом начале войны город, где жила Тося, бомбили, во время бомбежки погиб первый еврейский ребенок.

Охваченный горем отец отнес его на кладбище и похоронил там своими руками, отказавшись принять чью-либо помощь.

С началом военных действий брата Тоси заставили мостить двор немецкой комендатуры надгробиями с еврейского кладбища. Немцы «выволокли раввина города из дома, жестоко избили и заставили танцевать перед ними». Запертые в гетто евреи умирали от голода, получая отбросы пищи на 600 калорий в день.

Тося видела «попрошайничавших на улице детей с ввалившимися животами».

По ночам люди страдали от вшей, разносивших тиф.

В это время Тося также узнала нечто новое о своем теле. Как-то ночью в их дом вошел начальник ее отца, некто Мюллер, одетый в военную форму.

> Он сел, отстегнул кобуру с пистолетом и о чем-то заговорил с моими родителями. Он казался пьяным, и мои родители были испуганы, поскольку немцам не разрешалось общаться с евреями… Он становился все более агрессивным, и вдруг… я увидела, что он стоит над моей кроватью и что-то бормочет по-немецки. Позже мне сказали, что он назвал меня «мой белокурый ангел». Потом он вломился в кухню, приставил пистолет к голове моей матери и потребовал, чтобы она созналась, что «bei dieser ist ein Ariet gewesen» (отцом этого ребенка был ариец)… Мой брат увел меня из дома.

Вопреки немецкой практичности, было много бессмысленных издевательств над евреями и унижений: «Верующим евреям отрезали пейсы, многих избивали и убивали». После того как евреям приказали носить желтые звезды, «девушки вышивали повязки со звездой Давида для своих

возлюбленных, и вообще было много романтики». Тосю очень обидело, что немцы позарились на ее любимую меховую муфту, а также на меховой воротник зимнего пальто.

Во время одной из облав, предпринятой якобы ради всеобщей вакцинации, семья Тоси оказалась в своем бывшем доме, где им пришлось ночевать на холодном кухонном полу. «Ночью, когда родители и мы с братом лежали, тесно прижавшись друг к другу», какой-то украинец «зашел в кухню и укрыл нас овчинным тулупом. Простое проявление его сострадания к нам растрогало меня до слез».

В это же время сотни людей в ожидании «вакцинации» были заперты в тесной синагоге. «Одна женщина попыталась подойти к двери, чтобы ее теряющий сознание ребенок смог вдохнуть свежего воздуха, но немецкий солдат вырвал младенца из рук матери и размозжил ему голову о Ковчег Завета, а затем застрелил мать».

Во время этой акции половину евреев города, 2500 мужчин, женщин и детей, вывели на берег Днестра в одиннадцати километрах от города, где Тося любила играть в детстве. Одна чудом уцелевшая женщина, раненая, сумела вернуться в гетто и рассказать о том, как происходило массовое уничтожение еврейского населения: «всех заставили раздеться в кустах, после чего группами по пять подводили к свежевырытой яме и расстреливали. Звучала музыка... водка лилась рекой, немцы и их помощники стреляли по очереди».

Во время облавы немцы ворвались в еврейский сиротский приют, «убили нескольких младенцев, разбив головы об стену, а остальных де-

тей выбросили со второго этажа на улицу, откуда их подобрал грузовик».

Во время второй облавы Тося потеряла свою лучшую подругу, тринадцатилетнюю Геню «с карими глазами и вьющимися каштановыми волосами», а также свою девятнадцатилетнюю двоюродную сестру Весю, «миловидную девушку с тонкими чертами лица и темными кудрявыми волосами... Веся была талантливой портнихой. Я помню, как она из бархата и разных обрезков делала цветы для выпускного бала в гимназии. Еще она любила заплетать мои длинные волосы, укладывая их короной».

На крайний случай отец раздал всем членам семьи по ампуле с ядом. Семья Тоси бежала в соседнее гетто, но и там было все то же самое. После гибели отца мать голодала, отдавая свой паек детям. Пойдя как-то за водой, Тося наткнулась на украинского полицая, закричавшего, что он «не желает видеть грязных жидов». Нацистский прихвостень ударил Тосю по лицу и приказал бежать. «Когда я побежала, у меня за спиной послышались выстрелы, но он промахнулся».

Матери каким-то образом удалось достать для Тоси арийские документы и вывести ее за пределы гетто. Тося уже сорвала повязку со звездой, но потом приняла решение остаться в гетто, чтобы не бросать мать и брата.

Тосе было четырнадцать лет, ее белокурые волосы и арийская внешность давали ей редкий шанс скрыться и сохранить жизнь, но она им не воспользовалась.

Мать Тоси умерла от тифа в возрасте тридцати девяти лет. Ее последние слова, сказанные ры-

дающей дочери, были на идише: «Ду вет нах гликлих зайн майн кинд» — «Ты еще будешь счастлива, дитя мое». Тося тоже заразилась тифом: у нее был жар и она едва приходила в сознание, когда ее брат обернул тело матери простыней, аккуратно уложил его, по еврейскому обычаю, на пол, зажег свечу и произнес над телом матери *кадиш*: «Пламя свечи, стоявшей у ее изголовья, плясало перед моими глазами, а затем все надолго покрылось тьмой». Брат похоронил мать глубокой ночью на небольшом клочке земли, оставшемся от еврейского кладбища.

Вместе с братом Тося оказалась в трудовом лагере, вот как она вспоминает массовый расстрел: «Мы с друзьями подбирали тела убитых товарищей… Семьдесят парней и девушек были расстреляны в этот день. Среди них был мой брат Юлек, которому еще не исполнилось восемнадцати».

Прошло несколько дней. Тося остановилась рядом с братской могилой, которую копала вместе с другими. «Украинский охранник закричал на меня, чтобы я немедленно вернулась к работе, а после этого помочился на могилу».

Через некоторое время Тося отправляется за помощью к другу отца, обязанному ему жизнью. Десять километров пути, она рискует жизнью. Свое платье девушка обменяла на крестьянскую одежду и отправилась в путь босиком. Чтобы никто ничего не заподозрил, она встает на колени и крестится около каждой придорожной часовни. Однако друг, качавший ее в детстве на коленях и говоривший, что обязан отцу Тоси жизнью, отказывает в помощи, не дает даже пары башмаков для сбитых до крови ног. На обратном пути она встречает двух плачущих еврейских девочек,

которые рассказывают ей о том, что над ними надругались немцы. Тося всерьез задумывается над тем, насколько это серьезное преступление в сравнении с ежедневным убийством.

После освобождения, вспоминает она, «...раны на руках и ногах моих постепенно зажили, мои десны перестали кровоточить, но я все время чувствовала голод, независимо от того, сколько я съела... Ночью я часто просыпалась с криком, поскольку все время видела один и тот же сон, где меня хватают немцы. Это длилось много лет, иногда случается и сегодня». В день Победы все танцевали на улицах, но Тося не могла почувствовать радость освобождения: «Вокруг меня была жизнь, но во мне все умерло».

Вернувшись домой, Тося и другие евреи обнаружили, что польские соседи их возвращению вовсе не рады: по их словам, немцы сделали одно хорошее дело — перебили всех евреев. А те, кто прятал евреев, боялись смотреть соседям в глаза. Позднее, в Германии, никто не признавался, что поддерживал нацистов. Денацификация оказалась фарсом, однако Тосе, получившей пропуск на Нюрнбергский процесс, все-таки удалось увидеть наказание некоторых преступников. «Когда я увидела Геринга и других нацистских бонз... я почувствовала страшную ненависть, мерзость и отвращение, глядя на их непримечательные, уродливые, обыденные лица».

Большинство нацистов так и не предстали перед судом. Когда Тося видела немца призывного возраста, ей казалось, что именно он убил ее брата. Она начала учить иврит, надеясь попасть в Израиль, но англичане не дали ей визы, и она оказалась в Америке, где ее ждала телеграмма

талантливого и вежливого молодого человека, который после войны учил ее английскому.

Она вышла замуж и вот уже шестьдесят лет счастлива в браке. Внуки часто посещают ее, ночные кошмары почти ушли в прошлое.

Но ее тело помнит все: то, каким оно было грязным и вонючим, будучи приговоренным к чудовищной нищете; как оно дрожало от голода и брюшного тифа; как кровоточили десны, когда она пыталась разгрызть корочку хлеба; как живот сводило от голода, а руки и ноги истекали кровью от длинных переходов и непосильного рабского труда; как сердце замирало от страха и переставало биться, когда рядом день за днем убивали тех, кого она любила.

Это случилось буквально вчера. Это история всего одного тела из миллионов еврейских тел — причем нельзя не отметить — одного из тех, кому несказанно повезло.

Глава 10
Тело возвращается

Есть мнение, что, если бы евреи не обессилели от долгой жизни в рассеянии, они не стали бы столь удобной жертвой массового уничтожения. Многие из жертв Катастрофы грезили возвращением еврейских воителей древности, которые смогли бы защитить и уберечь их от врагов. Однако амбивалентное отношение евреев к физической силе проявляется уже в Писании. «В то время были на земле исполины», — говорит Тора о допотопных временах. «Исполины были на земле в то время, и после того, как сыны великих стали входить к дочерям человеческим, и они рожали им: это богатыри, издревле люди знаменитые» (Бытие, 6:4). Однако они и их потомки склонились ко злу и были уничтожены водами потопа.

Гольят (Голиаф), еще один великан, которому мало помогла его мощь, был поражен умелым броском юноши, вооруженного пращой (разумеется, на стороне последнего был Всевышний). Назорей Шимшон (Самсон) принес Богу обет, превративший его в могучего «суперменрея»[1], наделенного сверхъестественной силой, однако...

впрочем, все мы знаем, что с ним случилось. Скажем так: с ценностью физической силы самой по себе все понятно.

Вместе с тем в Библии присутствует и иная точка зрения. Яаков успешно сражался с неземным существом, возможно с самим Богом, и в результате получил новое имя «Исраэль» (Израиль), то есть «боровшийся с Богом». Давид, чей меткий бросок поразил Гольята, в юности побеждал львов и медведей, защищая свои стада. Когда Шауль (Саул) преследовал его, желая убить, Давид, застав врага спящим, не убил Шауля, но отрезал край его плаща, показав, как легко было это сделать. Юный пастух стал могучим воином, так что приветственная песнь: «Шауль победил тысячи, а Давид — десятки тысяч!» (Самуила I, 18:7) не прибавила царю любви к Давиду.

Некоторые мудрецы Талмуда также славились физической силой, сексуальностью и красотой. Про рабби Амрама рассказывают, что он продемонстрировал два первых качества, когда передвинул неподъемную лестницу, чтобы забраться к женщине, спавшей на чердаке. Бывший гладиатор Реш Лакиш однажды решил стать знатоком Торы. Это случилось в день, когда он увидел рабби Йонатана, купающегося в Иордане, и бросился к нему с кручи с намерениями, приличествующими скорее греку, чем еврею. Рабби Йонатан сказал ему, что подобную силу следует тратить на изучение Торы, на что Реш Лакиш ответил, что красота рабби Йонатана должна быть отдана женщинам. Тогда рабби Йонатан предложил Реш Лакишу при условии, что тот раскается и пойдет учиться, взять в жены его сестру, сказав: «Она прекраснее меня».

Ослепленный Шимшон обрушивает свод храма
на головы филистимлян и гибнет — победителем
и побежденным; он наказан, поскольку позабыл,
что его сверхъестественная сила — от Бога.
Юлиуса Шнорра фон Карольсфельда

Мужчины ударили по рукам, и рабби Йонатан «стал учить Реш Лакиша Торе и *Мишне*[2] и постепенно сделал его великим мужем».

Впрочем, затем последовала ссора: во время спора о ритуальной чистоте ножей и копий учитель бестактно напомнил ученику о его прошлом: «Разумеется, разбойник разбирается в орудиях разбоя». Обиженный Реш Лакиш ответил: «Ты думаешь, что сделал мне много хорошего? Здесь меня называют "*рабби*" (глава, руководитель, наставник) — и у разбойников меня звали "*рабби*". Иными словами, среди вас я один из первых

мудрецов, но и среди гладиаторов я был первым, пока не присоединился к вам».

Своего рода последней боевой песнью Древнего Израиля стало еврейское восстание против римского императора Адриана, который, подобно грекам тремя веками ранее, хотел отстроить Храм в качестве языческого святилища и под страхом смерти запретил ряд еврейских ритуалов. Восстание возглавил Шимон Бар-Кохба («сын звезды»)[3], и не кто иной, как великий мудрец рабби Акива, старый, ослабевший, практически утративший надежду на Избавление, объявил его Машиахом, предсказанным пророками[4]. В качестве доказательства рабби цитировал Тору: «Взойдет звезда от Яакова, и встанет скипетр от Исраэля, и сокрушит пределы Моава, и разгромит всех сынов Шета» (Числа, 24:17), полагая, что речь идет о «царе Машиахе», который возглавил восставших. Всего через 60 лет после второго разрушения Иерусалима евреи, казалось бы утратившие надежду, вновь, как деревья лесным пожаром, были охвачены духом свободы, усиленным апокалиптическими ожиданиями.

Этот жар свободы римляне залили кровью. Сотни тысяч евреев были убиты. Детей забирали из школ и продавали в рабство. *Мидраш* приводит следующий разговор того времени:

— За что тебя ведут на казнь?

— За то, что я обрезал своего сына.

— Почему тебя приговорили к распятию?

— Потому, что я учил Торе.

Престарелый рабби Акива, один из самых уважаемых и любимых народом мудрецов, был брошен в тюрьму, но даже сквозь решетку он

продолжал обучать запрещенной религии. Отзвуки его казни звучат вот уже девятнадцать столетий, поскольку рассказ о ней читают в синагогах в *Йом Кипур*[5], самый святой день еврейского календаря. Его плоть рвали раскаленными железными гребнями, он же в это время читал *Шма*[6] («Слушай, Израиль, Господь, Бог наш, Господь один»), испустив дух на слове «Один», прозвучавшем декларацией еврейской веры. Поскольку историю казни рабби Акивы читают в *Йом Кипур*, то даже еврей, который бывает в синагоге лишь раз в году, в Судный день, знаком с этим примером еврейского мученичества.

Этот рассказ, безусловно, имеет общие черты с евангельским описанием физических мук Христа. Однако иудеи сделали из истории еврейского мученичества совсем иной вывод: восстание не только не вело к спасению, но, напротив, содействовало уничтожению последних искр еврейской жизни в Древнем Израиле. После катастрофического поражения еврейское сопротивление приняло мирные духовные формы.

На протяжении всей истории жизни евреев в диаспоре знания ценились гораздо выше силы, а учеба считалась ключом к добродетели. Разумеется, были и исключения. В мусульманской Испании Шмуэль ѓа-Нагид[7] считался одним из лучших полководцев, водивших в бой армии Гранады. Некоторые индийские евреи достигали высокого положения, поступив на военную службу к местным правителям. Можно сделать вывод, что евреи служили в армии всюду, где им было дозволено с оружием в руках защищать страну своего проживания. Однако для боль-

шинства евреев могучие, бесстрашные, непобедимые в бою еврейские воины принадлежали исключительно древнему, почти забытому легендарному прошлому.

Одна из самых странных еврейских легенд — легенда о *големе,* будто бы созданном Йеѓудой-Ливой бен Бецалелем (Маѓаралом) из Праги[8]. В Библии слово «*голем*» встречается всего один раз, в 139-м псалме, где оно используется как характеристика эмбриона, чьи органы еще не сформировались: «Зародыш мой (*голми*) видели очи Твои». Талмуд называет «*големом*» созданное из праха тело Адама, в которое Бог еще не вдохнул дыхание жизни. Как рассказывает легенда, раввины, с Божьей помощью, также оживили *голема*. Согласно пражской легенде, раввин вылепил его из глины и оживил, написав на челе слово «*эмет*» — «истина». Однако, как и все монстры, *голем* с каждым днем становился все сильнее, угрожая тем, кого он должен был защищать. Тогда раввин стер с его чела букву *алеф,* отчего *эмет* превратилось в *мет* («умер»), и *голем* рухнул бездыханным.

Легенда о *големе* показывает еще одну грань еврейского отношения к физической силе: ее можно обрести, лишь создав что-то совсем чужое, нечеловеческое и уж тем более нееврейское. Чтобы иметь власть над жизнью и смертью, необходима совсем иная сила, которую дает знание святого языка; и этой силой обладает лишь тот, кто стал великим мудрецом, посвятив свою жизнь учебе. Так же, как и в Библии, источником человеческой силы является близость к Творцу.

Однако начиная с середины XIX века европейские евреи начали испытывать неудобство от ощущения своей физической «слабости» и стали строить различные планы, как улучшить еврейское тело посредством физического труда, активного образа жизни и спорта. Примечательно, что один из первых подобных призывов прозвучал из уст Эммы Лазарус[9], молодой сефардской еврейки из Нью-Йорка:

То, что нам сегодня необходимо, помимо большей солидарности и горячего патриотизма, — это наращивать нашу национальную физическую мощь. Если сегодня появится новый Эзра, то где он возьмет еврейских крестьян, каменщиков, плотников, ремесленников, способных к трудной, напряженной работе строительства новой нации?

Мы читали о евреях, восстанавливавших Храм, которые держали в одной руке строительный мастерок, а другой — отражали удары наседавших врагов. Есть ли у нас сегодня воины-строители, подобные им? Девятнадцать столетий мы жили одними идеями; наши души получали обильную пищу, в то время как наши тела голодали.

Новые евреи, о которых мечтала Эмма Лазарус, напоминали своих древних предков, восстанавливавших во времена Нехемии стены Иерусалима, о них она читала в Писании:

И исполняем мы работу, а половина держит копья от утренней зари до появления звезд. Тогда же сказал я народу: «Пусть каждый с отроком своим ночует в Иерусалиме. И да будет у нас ночь для стражи, а день для работы». И ни я, ни братья мои, ни отроки мои, ни люди из стражи, что позади меня, — не снимали мы одежды своей; снимал ее человек, лишь (когда) шел в воду (Нехемия, 4:15–17).

Из мира своей мечты Эмма Лазарус возвращается в мир реальности:

Наша первоочередная задача сегодня — восстановление физической мощи, реконструкция национального организма, чтобы в будущем, когда мы не сможем вымолить причитающееся нам уважение, мы смогли его потребовать, а если не сможем потребовать, то могли бы взять силой[10].

Свою статью Лазарус опубликовала в 1882 году в журнале «American Hebrew», наиболее популярном среди американских евреев. Это произошло за год до создания сонета, принесшего ей мировую известность. Стихотворение победило в конкурсе[11], жюри которого возглавлял Ральф Уолдо Эмерсон[12], слова его отлиты в бронзе на пьедестале статуи Свободы:

> А мне отдайте из глубин бездонных
> Своих изгоев, люд забитый свой,
> Пошлите мне отверженных, бездомных,
> Я им свечу у двери золотой...[13]

Эти слова Лазарус метафорически вложила в уста гигантской статуи. Это своего рода «мать-голем» всех изгнанников — могучая женщина с факелом в руке, способная дать приют бесконечному потоку скитальцев. И истина, произнесенная от имени бронзовой полубогини, укоренилась в сердцах миллионов американцев. Эти слова рождали сострадание ко всем униженным и оскорбленным, добравшимся до врат Америки. Лазарус ощущала их страдания и сочувствовала их надеждам. Она терпела боль и притеснения вместе со своими соплеменниками, где бы они ни находились:

Наши враги все время сбивают нас с толку, обвиняя в материализме и племенной обособленности, и мы... попадаем в расставленную ловушку. «Племя!» — кричат нам,

и этот упрек все время звучит у нас в ушах... несмотря на то что наш «племенной Бог» стал Богом двух третей обитателей земного шара... а мы, как народ, смогли приспособиться к обычаям и климату всех народов, живущих на земле... наш главный национальный недостаток состоит в том, что мы недостаточно проявляем себя как «племя»; нам не хватает внутренней солидарности, чтобы понять: когда покушаются на жизнь или имущество евреев, живущих в горах Кавказа, это оскорбляет честь и достоинство американских евреев...

Серия статей под общим названием «Послание евреям» с ее отчаянным призывом к еврейской солидарности была написана под впечатлением от российских погромов и всплеска антисемитизма во всех европейских странах. Однако в то же время в Земле Израиля возникли первые современные еврейские поселения, построенные выходцами из Восточной Европы. Это движение, известное как Первая *алия* («восхождение», традиционный термин для еврейской миграции в Землю Израиля), меньше чем за десять лет удвоило еврейское население Палестины с 25 до 50 тысяч. Кроме того, в 1882 году, когда Лазарус написала свою первую статью, в Палестине родился первый ребенок, родным языком которого стал иврит[14]. По всему миру евреи начали понимать, что в возвращении в Сион нет ничего невозможного.

Основатели новых поселений были не похожи на благочестивых евреев, на протяжении веков тонким ручейком стекавшихся к Иерусалиму, чтобы припасть к священным камням Старого города, узкими арабскими улочками выйти к Стене Плача[15], помолиться, оплакать разрушение Храма и с чистой совестью вернуться домой. Новые поселенцы следовали новой идеологии, в основе кото-

Отчаявшийся галутный еврей не замечает ангела, указывающего ему путь в Сион, где осуществляется сионистская мечта о здоровом физическом труде на свежем воздухе, на своей земле. Плакат М. Лилиена для Первого сионистского конгресса. Наверху надпись: «Первый сионистский конгресс в Базеле». Внизу: «Да увидят глаза наши, как Ты в милосердии вернешься в Сион» — слова, которые евреи трижды в день произносят в своих молитвах

рой лежало два постулата, столь воодушевлявших Эмму Лазарус: все евреи должны помогать друг другу в беде; каждый еврей должен вернуться в родную страну, где благодаря очистительному физическому труду они окрепнут настолько, чтобы защищать себя своими силами. Дабы в будущем, если мы не сможем вымолить полагающееся нам уважение, мы смогли бы его потребовать, а если не сможем потребовать, то могли бы взять силой.

Все это было не просто средством для достижения какой-либо цели, даже такой важной, как выживание. Речь шла о догматах секулярной

религии, о глубокой вере, что столетия изгнания, лишений и угнетения, столетия книжности, мелкого ремесла и денежных операций, столетия приоритета духовности лишили еврейское тело его естественной природной силы, в отсутствие которой евреи никогда не станут равными другим племенам и народам. Эти евреи читали про Йеѓошуа Бен-Нуна, Двору, Давида и Йеѓуду Маккавея[16], не испытывая при этом религиозного трепета или томительной книжной тоски, но твердо веря, что еврейская сила и воинский дух не только были, но и опять смогут стать реальностью. Они равнялись на Теодора Герцля[17], первого и величайшего сионистского лидера, который многим казался Машиахом: внешность, уравновешенность и редкое обаяние делали его похожим скорее на европейского принца, чем на обычного еврея. Наконец, они смотрели вперед и видели евреев будущего, крестьян, строителей, бойцов и влюбленных, которые своими телами вернут утраченную еврейскую гордость.

Сионистским идеологом, разработавшим новую концепцию тела, стал Макс Нордау[18] — врач, журналист и философ, чей отец был раввином[19]. «Когда мне исполнилось 15 лет, — писал Нордау, — я оставил еврейскую жизнь и изучение Торы... Иудаизм остался не более чем воспоминанием, и с тех пор я все время ощущал себя немцем и только немцем»[20]. Это произошло в 1864 году, однако в 1890-х годах Нордау, подобно своему другу Герцлю, разочаровался в идее ассимиляции под впечатлением от дела Дрейфуса[21], когда заслуженный французский офицер-еврей был огульно обвинен в измене родине, в пре-

ступлении, которое, как затем доказали, было совершено совсем другими. Процесс против Дрейфуса вызвал всплеск антисемитизма: на митингах выкрикивали лозунг: «Смерть евреям!» Со временем этот призыв будет услышан и во Франции, и по всей Европе. Изначально именно этот процесс придал сионизму столь необходимый импульс.

Помимо того что Нордау был правой рукой Герцля, его заслуга состояла также в том, что он придумал новое еврейское тело. Его «медицинский» образ мышления привел к тому, что он стал считать неврастению (хроническую усталость) главной болезнью нового времени, постепенно приводящей к истерии и вырождению. В неврастении Нордау видел причину того, что он назвал вырождением современного искусства. Хотя антисемитизм, особенно в острой расистской форме, был одним из симптомов этой болезни, самим евреям Нордау ставил тот же диагноз. С ним были согласны многие ведущие врачи того времени, евреи и неевреи: неврастения считалась типично еврейской болезнью.

Однако Нордау считал, что нашел решение, позволяющее избавиться от еврейской болезненности и даже расовой неполноценности. Он назвал его «Muskeljudentum» — «мускулистое еврейство». Эта идея стала одной из самых популярных и горячо обсуждаемых в еврейских кругах. Нордау впервые огласил ее в 1898 году на Втором сионистском конгрессе в Базеле, заявив: «Мы должны думать о возрождении мускулистых евреев»[22]. В июне 1903-го Нордау опубликовал в уважаемом еврейском журнале статью «Muskeljudentum», в которой напомнил читателям о следующем:

История свидетельствует, что в прошлом подобное еврейство существовало.

Долго, слишком долго мы были заняты умерщвлением собственной плоти.

Или, выражаясь точнее, умервщляли ее другие, уничтожая при этом нас. Их несомненный успех исчисляется сотнями евреев, уничтоженных в гетто, монастырских дворах и на больших дорогах средневековой Европы… Мы предпочитаем совершенствовать свое тело, вместо того чтобы умерщвлять его или позволять другим убивать его в прямом и переносном смысле.

Это было сказано за сорок лет до газовых камер. По мнению Нордау, физические условия, в которых живут евреи, в течение столетий разрушительно действовали на еврейское тело.

Сами первоэлементы Аристотелевой физики: свет, воздух, вода и земля — пишет автор, — отмерялись нам крайне скудно. — На узких улочках гетто наши члены позабыли, что такое свободное движение; наши глаза помутнели в темных жилищах, лишенных солнца; от постоянного страха наш могучий голос превратился в испуганный шепот и достигал крещендо только у мучеников, которые, стоя на эшафоте, выкрикивали последние молитвы в лицо палачам. Однако сегодня, когда угнетение осталось в прошлом, у нас, по крайней мере, есть достаточно места, чтобы наше тело могло ожить. Поэтому, отбросив устаревшие традиции, станем опять широкоплечими, крепкими людьми с острым взглядом!..

Поскольку Нордау пользовался авторитетом как врач, в какой-то степени его выводы сыграли на руку антисемитам. На *Хануку* 1907 года в обращении к членам общества *Менора* президент Гарвардского университета Чарльз Элиот заявил собравшимся евреям, что их соплеменники «безусловно неполноценны в сравнении с любой расой… когда речь идет о внешнем облике

Еврейский гимнастический клуб «Бар-Кохба», Берлин, 1902 год — один из клубов, вдохновленных мечтой Макса Нордау о «мускулистых евреях»

и физическом развитии». Элиот также посетовал на отсутствие маккавейского духа и порекомендовал евреям вступать в национальную гвардию. Несмотря на почтительное отношение к Маккавеям, в 1907 году подобная речь, несомненно, была вежливым проявлением антисемитизма.

Не считаясь с тем, вторил он антисемитам или нет, Макс Нордау мечтал о создании нового еврейского тела; более того, евреи оказались готовы воспринять этот лозунг. Там же, на кон-

грессе в Базеле, Нордау и его друг, также врач Макс Лилиенблюм[23], предложили создать сеть гимнастических клубов для еврейской молодежи. Эти клубы назывались либо *Бар-Кохба*, по имени лидера последнего антиримского восстания, либо *Маккаби*, в память о главных героях ханукальной истории. В течение нескольких лет подобные клубы открылись по всему еврейскому миру, однако Нордау все еще продолжал считать, что нельзя останавливаться на достигнутом:

Ни для какого народа занятия гимнастикой не имеют такого воспитательного значения, как для евреев. Занятия эти закалят наши тела и характер. Они придадут нам уверенность в себе; правда, наши враги и так утверждают, что мы слишком самоуверенны, но кто лучше нас знает, насколько это далеко от истины. У нас полностью отсутствует вера в нашу физическую доблесть.

Наши современные «мускулистые евреи» еще не достигли уровня своих предков, большинство которых выходили на спортивную арену, чтобы участвовать в соревнованиях, бросая вызов тренированным греческим атлетам и могучим северным варварам. Однако морально современные «мускулистые евреи» превосходят своих предков, потому что древние атлеты мучительно переживали и стыдились своего еврейства и даже пытались скрыть знак завета посредством хирургических операций... в то время как члены организации *Бар-Кохба* открыто и гордо подтверждают свою национальную принадлежность.

Нордау призывал евреев стремиться к греческим идеалам. Он был последовательным сионистом, однако, как записал Герцль в своем дневнике, у них с Нордау первоначально существовали совершенно разные представления о временных рамках проекта:

19 ноября 1895.

Нордау, как мне кажется, полностью захвачен идеей. Наш разговор касался трудностей высшего порядка: «Способны ли евреи антропологически[24] к государственности?» — и тому подобное.

Время покажет.

Нордау полагает, что для воплощения нашего плана в жизнь нужно 300 лет. Мне кажется, что хватит 30, если идея наберет обороты...[25]

Несколькими годами позже пятнадцатилетний Йосеф Йекутиэли, вдохновленный стокгольмской Олимпиадой 1912 года, подумал, что нужен международный еврейский эквивалент Олимпийских игр. Эта идея воплотилась в жизнь в 1932 году, когда открылась первая Маккабиада, названная в честь Йеѓуды Маккавея. Эти игры состоялись ровно через 18 столетий после начала восстания Бар-Кохбы.

18 — это особое число для евреев, 18 — это *гематрия*[26] слова *хай*, то есть «жизнь». В дни, когда пишется эта книга, 18-я Маккабиада готовится стартовать в Тель-Авиве, крупном городе, который не мог называться даже деревней, когда Нордау сочинял свой манифест. Семь тысяч спортсменов будут представлять шестьдесят стран: по количеству участников Маккабиада — в числе пятерки крупнейших спортивных событий мира.

300 лет, чтобы изменить еврейское тело, подготовив его к государственности. 300 лет, чтобы обрести уверенность в себе, накачивая мышцы и укрепляя кости. 300 лет, чтобы евреи, впервые с римских времен, почувствовали себя удобно в собственном теле. Эта программа должна была стать не просто прообразом нового исторического народа, но его биологической эволюцией. Однако «нетерпеливая мечта» Герцля оказалась более ре-

альной. Всего за два года до этого, 31 сентября 1897 года, Герцль, вернувшись в Вену после Первого сионистского конгресса, записал в дневнике:

Если бы нужно было подвести итог Базельскому конгрессу одним коротким предложением, я бы сказал так: «В Базеле я создал еврейское государство!» Если бы я сказал это сегодня во весь голос, меня подвергли бы осмеянию. Но, может быть, лет через пять или наверняка — через пятьдесят — это признают все. Государство уже основано. Сущность его — в стремлении народа к национальной независимости[27].

И действительно, 29 ноября 1947 года, ровно через 50 лет и 87 дней, Организация Объединенных Наций проголосовала за окончание британского мандата и за создание в Палестине двух государств, еврейского и арабского; еврейское государство было провозглашено в следующем, 1948 году, 14 мая.

Впрочем, временной график, предложенный Нордау, был пересмотрен раньше, чем просохли чернила, которыми он писал "Muskeljudentum": движение оказалось не эволюционным, а революционным. Так же как первая *алия* была уже в пути, когда Эмма Лазарус писала свое «Послание к евреям», вторая *алия* началась сразу после публикации эссе Нордау. Между 1904 и 1914-м в Палестину прибыли около 40 тысяч евреев, в основном из России. Один из них, Аѓарон-Давид Гордон[28], был ведущим теоретиком социалистического сионизма, ведущей идеологии второй *алии*, и одним из основателей первого *кибуца*[29] Дгания.

Приехав в Палестину сорокасемилетним интеллигентом, Гордон испытывал толстовское почтение к крестьянам и крестьянскому труду (Лев Толстой, как и сионисты, верил в искупительный характер работы на земле). Поэтому Гордон тру-

Мечтатель Теодор Герцль на балконе
базельской гостиницы во время
Первого сионистского конгресса 1897 года

дился в поле бок о бок с юношами и девушками, вдохновляя их своим примером. Часть «еврейского вопроса», говорил Гордон, — это то, что евреям крайне редко дозволялось владеть землей, что привело к нездоровому отчуждению их от физического труда по обработке земли. До своей смерти в 1922 году Гордон был известен по всей Палестине как белобородый старик, который днем работает в поле, а по ночам собирает молодежь для песен и танцев.

Разумеется, в жизни новой *алии* были не только песни, пляски и работа в поле. Люди умирали по разным причинам: от малярии до самоубийства; когда начались нападения арабов, жители старых поселений вынуждены были нанимать бедуинских или арабских охранников (но охрана очень быстро обернулась рэкетом, когда евреи вынуждены были

им платить, чтобы не подвергнуться нападению). Однако эмигранты второй алии, которые еще в России участвовали в еврейской самообороне, нашли такую практику весьма предосудительной. В 1907 году десять молодых евреев решили взять охрану поселений на себя. Успех этого предприятия привел к созданию «общенациональной» организации *га́-Шомер* («Страж»). Ее члены одевались, как арабы, говорили по-арабски, однако, подобно мексиканским революционерам, носили на груди патронташ, набитый патронами. Они были прекрасными наездниками, пользовавшимися уважением бедуинов; их девизом стали слова: «В крови и пламени Иудея пала, кровью и пламенем Иудея возродится».

Это был новый, совсем иной тип «мускулистых евреев». К гимнастике Нордау и крестьянскому труду Гордона в *га́-Шомере* добавился еще один элемент — самооборона. Гордые, несколько дикие стражи Сиона воплотили мечту Эммы Лазарус, ее слова, произнесенные тридцатью годами ранее: «Когда мы не сможем вымолить полагающееся нам уважение, мы сможем его потребовать, а если не сможем потребовать, то тогда возьмем силой». Сведения о первых за прошедшие восемнадцать веков еврейских бойцах, взявших защиту еврейской земли в свои руки, должны были взволновать американскую поэтессу, доживи она до них, несмотря на ее противоречивое отношение к насилию.

В 1917 году в Вене возникла организация с похожим названием, *га́-Шомер га́-цаир* («Молодой страж»), которая выпустила идеологическое воззвание, взбудоражившее еврейскую общественность. В некотором смысле, его можно было даже назвать антисемитским. В частности, в нем говорилось:

Мы не являемся полноценными здоровыми людьми. Мы также не являемся полноценными здоровыми евреями; нам не хватает гармонии, которая примирила бы две составляющие нашей личности.

Вглядитесь в еврейскую молодежь. В двадцать лет они уже старики. Их души заполнены беспросветным мраком.

Где оптимизм, благодаря которому жизнь становится достойной того, чтобы ее прожить, который приносит силы переносить страдание, придает молодости радость, жизненность и стимул?

Хуже того, нам не хватает не только юности, но и чистой, истинной человечности. Мы жалкие наследники ошибок своих предков. Эти ошибки многочисленны и ужасны[30].

Посягающие на пятую заповедь и полные самоотвращения, эти слова вряд ли бы расстроили врагов еврейского народа. Однако их авторы считали, что самокритика послужит достойной цели. «Наша любовь к своему народу сильна и нерушима», но что делать, если «средний еврей является карикатурой на человека, здорового душой и телом»?

Как нам стать юными и здоровыми? ...Наиболее решительные выдвинули лозунг: «Долой книги — да здравствует меч!» Для нас приемлема лишь первая часть этого лозунга. Мы мечтаем отказаться от служения книге, столь свойственного нашему народу. От всего, что мы говорим, пишем и думаем, идет запах обветшавших страниц, изъеденных червями. Но неужели необходимость оставить книгу непременно ведет к... мечу? Нам кажется, что есть и другой путь: стать ближе к природе. Мы надеемся, что природа вернет нам присущие юности свежесть, оптимизм и любовь к красоте; она распрямит наши согбенные спины, укрепит наши мускулы и закалит нашу волю.

Впрочем, даже прокляв бесполезные книги, авторы воззвания писали:

Библия для нас превыше всего; мы хотим, чтобы она стала нашим букварем... Наш идеал — юный еврей, крепкий телом и духом, с нормальными здоровыми помыслами, чуждыми мелочности и ненужной софистики; еврей, который понимает дисциплину и умеет подчиняться; еврей до глубины души... он любит все прекрасное и благородное. Мы создадим группы таких евреев — и Сион будет отстроен!

Однако в конечном итоге для возрождения Сиона все-таки потребовался меч, точнее, автомат. История подтвердила предвидение Эммы Лазарус, писавшей о восстанавливающих Храм воинах-строителях, которые, «держа в одной руке строительный мастерок, другой — отражали удары наседавших врагов». Наслаждаясь безопасностью в Вене, молодые австрийские сионисты могли писать что угодно. Однако те, кто выбрал Израиль, не могли позволить себе роскошь отложить меч. В отличие от венских мальчиков, они не мечтали о благородном слиянии с природой ради духовного возрождения: еврейские юноши оказались не на австрийских лужайках, «природа» означала для них скалы, пески, болота и болезни. Им необходимо было покорить такую природу, и им это удалось.

Возвращение на родную землю с оружием в руках не было чисто мужским предприятием. По крайней мере в теории социалисты-сионисты проповедовали равенство полов, поэтому женщины были рядом с мужчинами и на полях, и в садах, и даже на линии огня. Равноценное участие женщин в возрождении еврейской жизни было одной из причин возникновения в рамках кибуцного воспитания детских домов, вызвавших столько споров, которые продолжаются до сих пор. Большую часть времени дети проводили отдельно от родителей под наблюдением специальных воспитателей и

Давид Бен-Гурион, приехавший из России, адвокат, в форме воина Еврейского легиона, сражавшегося против турок в составе британской армии в Первую мировую войну; впоследствии первый премьер-министр Израиля, провозгласивший еврейское государство 14 мая 1948 года

даже спали не дома, а в особых детских домах. Это не только способствовало воспитанию у детей чувства коллективизма, но и давало их матерям реальную возможность работать наравне с мужчинами.

Добиться этого было непросто. Один из *кибуцев* был создан выходцами из Восточной Европы в начале двадцатых годов посреди малярийных болот. Через 30 лет в нем было около четырехсот членов[31]. Еще один *кибуц*, основанный в 1938 году группой из 49 человек, должен был слу-

жить форпостом на границе с Ливаном; в конце семидесятых он насчитывал более пятисот членов. Несмотря на теоретическое равноправие мужчин и женщин, руководителями обычно были мужчины. Правда, внешне женщины настойчиво стремились походить на мужчин. Они носили мешковатые шорты, не пользовались косметикой, гордились физической силой[32]. Однако их не считали достаточно сильными, чтобы делать любую мужскую работу. Как пишет Паула Райман, этос первопроходцев кибуцного движения основывался на мужских представлениях о мужской силе и агрессивности[33].

Еврейские поселенческие движения дали израильской армии немало солдат и командиров. В начале XX века крепкие еврейские поселенцы влились в ряды Еврейского легиона, сражавшегося в составе британской армии против турок[34]; в середине века из них была сформирована Еврейская бригада[35], воевавшая против немцев в Италии[36]. В нее вошли пять тысяч добровольцев, объединенных в три батальона. Поселенцы, десятилетиями защищавшие свои земли от нападений арабских налетчиков, теперь обучались сражаться с регулярной немецкой армией.

Бойцы этой бригады украшали артиллерийские снаряды звездой Давида и надписью на иврите: *шай ле-Гитлер*, «подарок для Гитлера»[37]. Они атаковали укрепленные позиции немцев, когда надо переходя врукопашную. Во время одной атаки некто, капрал Леви, взобравшись на крышу немецкого бункера, закричал: «Heraus ihr Schweine, die Juden sind da!» — «Эй вы, свиньи, выходите, сюда пришли евреи!» Еврейские солдаты побывали в концлагере Маутхаузен, где один из едва жи-

вых узников, увидев нашивки со звездой Давида, удивленно спросил: «Вы кто, еврейские ангелы?»[38]

Когда война закончилась, именно они, солдаты-евреи, в нарушение всех приказов помогли сотням уцелевшим в Катастрофе евреям нелегально прибыть в Израиль, где многие из новоприбывших стали возделывать землю.

В 1928 году семнадцать жителей Тель-Авива, не сумевших вначале создать *кибуц* посреди малярийных болот, предприняли вторую попытку обустроиться в Изреэльской долине[39]. В семидесятые годы были записаны воспоминания единственного из доживших до того времени отцов-основателей, Йеѓуды[40]. Он родился в России в 1909 году. Во время войны местечко, где он жил, было сожжено отступавшей русской армией; семья долго скиталась по лесам, прошла многие мытарства, пока наконец не добралась до Палестины.

На первых порах многие кибуцники не выдерживали и уходили, трое покончили с собой. «Мы хотели совершенно изменить свою жизнь как с еврейской, так и с общечеловеческой точки зрения, — вспоминает Йеѓуда. — Частично нам это удалось... Как всегда в жизни, есть мечта и есть реальность... Нам удалось увидеть новое общество еще при жизни... кибуцное движение достигло гораздо большего, чем мы ожидали. Однако нас все время терзали сомнения, тревога была нашей постоянной спутницей...»

Больше всего его беспокоила тенденция пользоваться трудом наемных работников, что, по его мнению, противоречило основополагающей идее: «Я считал, что работа на земле, собственный физический труд — один из основных наших принци-

Румынская афиша пропагандистского фильма о сионизме и жизни евреев Палестины. 1930 год

пов... Вот главная еврейская проблема — традиционные еврейские профессии! В этом и состояла наша революция: мы хотели пустить корни в своей земле! И вдруг ты видишь, как человек, плодотворно трудившийся двадцать или тридцать лет... поворачивается к тебе лицом галутного еврея, который мечтает о легких деньгах, становится торговцем. Видимо, мы изменили свою сущность совсем не так глубоко, как нам казалось. Поэтому мне снова приходится бороться...»[41]

Перед нами почти антисемитское заявление, сделанное от лица еврея, который заработал пра-

во славить физический труд, но не получил права делать расовые обобщения. «Мускулистые евреи» возродили еврейскую нацию, но что бы они делали без Элиэзера бен Йеѓуды, кабинетного ученого-языковеда, принципиально говорившего только на иврите и с собакой, и с матерью (обе одинаково его не понимали) и усилием мысли и воли возродившего современный иврит?[42]

Или без Герцля, европейского денди, так и не переехавшего в Палестину, никогда не державшего в руках ничего тяжелее пера, которым он написал «Еврейское государство», небольшую книжку, изменившую ход истории?

Или Хаима Вейцмана[43], чей нос не признавал никаких других запахов, кроме запаха химических реактивоз, который своими опытами спас Англию во время Первой мировой войны и — благодаря своим заслугам перед Англией — смог убедить лорда Бальфура[44] обещать в его знаменитой декларации от имени британского правительства создать еврейский национальный анклав в Палестине?!

Или без Альберта Эйнштейна, хрестоматийного «человека воздуха», который, использовав весь свой научный авторитет, убедил американского президента создать атомную бомбу раньше немцев и тем самым помог рождению еврейского государства?!

Тем не менее, какой бы важностью ни обладало все, о чем я рассказал раньше, своим рождением еврейское государство в первую очередь обязано безымянным «мускулистым евреям», возделывавшим свою землю. «Мускулистые евреи» превратили малярийные болота и бесплодные пески в плодородные земли. Они сражались

с арабскими мародерами и погибали со словами любви к своей стране на устах и в сердце. В течение трех поколений именно они были кузницей руководящих кадров армии, народа и государства. Это они отдали шесть тысяч жизней (1 процент еврейского населения страны, число, эквивалентное 3 миллионам американцев) во время Войны за независимость[45]. В этой и последующих войнах они сокрушили армии шести арабских государств. Они уничтожили египетскую и сирийскую авиацию, нацеленную на города Израиля, и сровняли с землей ядерный реактор, построенный Саддамом Хусейном в Ираке[46]. Несомненно, своим существованием современный Израиль обязан еврейскому уму, но в первую очередь — еврейским мускулам.

Глава 11
Грубые евреи

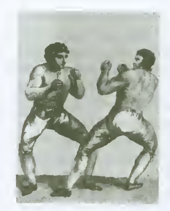
Макс Нордау, возможно, не знал, что как раз в то время, когда он призывал евреев совершенствовать свое тело, некоторые заокеанские евреи на протяжении нескольких поколений готовили свое тело не только для гимнастики, на и для боя. С первых дней прибытия на новую родину американские евреи сражались за свою страну; некоторые из них пали во время революции, войны с Мексикой и Гражданской войны (евреи были как в армии северян, так и конфедератов); впоследствии евреи приняли пропорциональное[1] участие в обеих мировых войнах. Помимо этого в начале XX века несколько американских евреев ради славы дрались на боксерском ринге, а ради известности совсем иного рода — на улицах больших американских городов.

Более того, со второй половины XVII века (включая и век XIX, то есть времена Нордау) «мускулистых евреев» можно было встретить по ту сторону Ла-Манша, в Англии. Их было не слишком много, однако они были известны и весьма полезны для самооценки своих более слабых еврейских соплеменников[2]. Одним из них был знаменитый боксер Даниэль Мендоза, победи-

тель многих лондонских турниров XVIII века. Как большинство тогдашних евреев Англии, он был сефардом и носил прозвище Еврей Мендоза, или Светоч Израиля. В то время не существовало ни перчаток, смягчающих удары, ни разделения бойцов по весовым категориям; однако Мендоза; весивший около 70 килограммов, нередко побеждал бойцов, которые были на 15–20 килограммов тяжелее; его победа на крупнейшем из лондонских турниров воодушевила всех евреев Англии.

Мендоза нередко участвовал в уличных потасовках, защищая свою жену от антисемитских нападок, он был известен как первый думающий боксер (снова еврейский ум!). Он придумал несколько ударов, спарринг и ножные приемы, не забытые и сегодня. Кроме того, ему принадлежит трактат «Искусство бокса», способствовавший профессионализации этого вида спорта. Мендоза был любимцем всех евреев Ист-Энда, а для некоторых и примером для подражания. Например, для Сэма Элиаса по прозвищу Ужасный Еврей, который часто побеждал, несмотря на небольшой вес (всего 60 килограммов), и хвастал, что за одну тренировку выпивает три стакана джина. Были и другие известные боксеры-евреи: Барни Аарон по прозвищу Звезда Востока, Бернард Леви, Соломон Содиский и другие.

В результате миграции двух миллионов евреев, в основном бедняков, в Америку, она стала центром еврейского бокса, и здесь этот вид спорта пережил настоящий расцвет. По словам одного боксера, «в Сан-Франциско хук левой был частью подготовки к *бар мицве*»[3]. Нужно было быть отличным бойцом, чтобы тебе не расквасили нос

Слева — «Светоч Израиля» Даниэль Мендоза, 1790 год. Будучи всего 1,74 метра ростом, весом менее 73 килограммов, Мендоза много лет царил на британском ринге, а также написал книгу «Искусство бокса». Справа — Бенни Леонард, один из величайших боксеров в легком весе (ноябрь, 1925 год)

и ортодоксальным родителям не открылось бы, чем развлекаются их чада.

В последние десятилетия XIX и первые десятилетия XX в. число еврейских боксеров исчислялось десятками: Джеки «Малыш» Берг (Йеѓуда Бергман), «Здоровяк» Иззи Шварц, Эль Зингер — «Краса Бронкса», «Боевой Дантист» Лич Кросс (Луис Валлах), Солли Кригер, «Вышибала» Макси Розенблюм, и это — лишь немногие. Только среди чемпионов мира насчитывалось сорок евреев! Всеобщий любимец Бенни Леонард (Биньямин Лейнер) стал чемпионом в легком весе. Джеки Фильдс (Янкель Финкельштейн) стал самым молодым олимпийским чемпионом и дважды выигрывал чемпионат мира в полусреднем весе. Чемпионами становились Муши Каллахан (Мойшеле Шер), Эль Маккой (Алекс Рудольф), Джек

Бернстайн… Виктор Перец, тунисский еврей весом 50 килограммов, был чемпионом мира в суперлегком весе. В 1943 году его депортировали из Франции в Освенцим, где сначала вынудили участвовать в показательных боях на потеху нацистам, а впоследствии убили.

«Газетчик» Эйб Голландерски (во время службы на флоте он отвечал за доставку почты) был спарринг-партнером Тедди Рузвельта и выиграл больше профессиональных боев, чем любой другой боец. «Боевой Дантист» Луис Валлах, согласно легенде, вставил зубы К. О. Брауну, которому выбил их накануне во время боя.

Однако наибольшей любовью пользовался «Гордость Гетто» — Берл-Давид Розовски — Барни Росс, — боксер весом 55 килограммов, ставший чемпионом мира в трех весовых категориях. Выросший в ортодоксальной семье, он иногда говорил на идише и изучал Талмуд в перерывах между тренировками. Он выходил на ринг со звездой Давида на трусах и халате, под звуки песни *Аидише маме*, от которой у евреев на глаза наворачивались слезы.

Когда после прихода Гитлера к власти антисемитизм начал поднимать голову и в Америке, евреи, даже студенты ультраортодоксальных ешив, собирались вокруг радиоприемников, чтобы услышать звуки ударов, наносимых Барни Россом. Часто даже имена его соперников — Ал Сантор, Тони Канцоньери, Джимми Макларнин — означали вспышку соперничества между разными национальными общинами. «Разделайся с этим грязным евреем!» — нередко звучало в Медисон-сквер-гарден.

Вершиной популярности Росса стали три боя за чемпионский титул, которые он провел против

Джимми Макларнина, которого называли «еврейской Немезидой» и «Бичом Бойцов Израиля». Макларнин с легкостью расправился с несколькими еврейскими боксерами, включая великого Бенни Леонарда, который специально вернулся на ринг, чтобы постоять за национальную честь.

За одиннадцать дней до матча в Медисон-сквер-гарден там прошел двадцатитысячный слет американских нацистов, поэтому на кон было поставлено очень многое. После первой победы Росс удостоился публичных чествований. В интервью он сказал: «Ирландец — величайший спортсмен. Мне даже стыдно, что я его победил». Росс проиграл матч-реванш, ненадолго отложенный из-за Дней трепета[4], а затем выиграл третий, последний, поединок. После этого Росс и Макларнин подружились и регулярно обменивались открытками накануне религиозных праздников.

В конце концов Росс был побежден «Человеком-Бензопилой», выдающимся чернокожим боксером Генри Армстронгом; во время боя Росс получил столько сильнейших ударов, что его болельщики умоляли боксера прекратить бой. Но Росс выстоял до конца боя и затем, посчитав себя, двадцатидевятилетнего спортсмена, слишком старым для бокса, прекратил выступления.

Всего через четыре года он споступил добровольцем в морскую пехоту, несмотря на то что давно миновал призывной возраст. Тяжело раненный во время битвы за Гуадалканал[5], Росс заслужил Серебряную Звезду[6], сержантские нашивки и восхищение бывших болельщиков.

Однако теперь ему предстояло сражение с наркотиками, зависимость от которых сформировалась во время лечения ранений. Он добровольно

принял решение в течение десяти дней не принимать морфия, однако уже на пятые сутки началась ломка. Следующие пять суток, по его словам, он чувствовал себя хуже, чем когда на протяжении тринадцати часов истекал кровью в канаве на Гуадалканале: удары Армстронга теперь казались шлепками.. Росс тем не менее выдержал и вернулся к нормальной жизни. Во время Войны за независимость (разрешения на участие в которой ему не дали) он оказал Израилю немалую моральную и общественную поддержку.

Последние десятилетия еврейский бокс находится в упадке, хотя в самые последние годы интерес к нему начал возрождаться, причем, что неудивительно, в Израиле, среди новых репатриантов. Выдающихся успехов евреи достигали и в других видах спорта: Хэнк Гринберг и Сэнди Коуфакс в бейсболе, Марк Спитц в плавании...

Вспомним и о трагической судьбе израильских олимпийцев, погибших на пике спортивной славы от рук палестинских террористов во время Мюнхенской Олимпиады 1972 года[7]. Однако есть немало иронии в том, что народ, «прославившийся» отсутствием физической силы и нелюбовью к насилию, добился наивысших спортивных успехов в «искусстве» избиения других тел.

В то время как одни евреи сражались на ринге, другие — дрались на улицах[8]. Некоторые «опекали» уличных проституток или принимали активное участие в международной торговле «белыми рабынями». Многие еврейки сами становились проститутками, в некоторых случаях — добровольно, видя в этом единственный шанс вырваться из нищеты. Моше Гольдберг с несколькими

другими сутенерами создал сеть процветающих борделей, и в 1910 году некий еврейский репортер мог написать: «Торговля еврейками носит практически всемирный характер». В Буэнос-Айресе половина проституток и половина «мадам» были еврейками.

Азартные игры в нью-йоркском Нижнем Ист-Сайде[9] первоначально контролировали ирландские бандиты вроде Большого Тима Салливана. Однако для разных услуг он использовал «ловких маленьких еврейчиков», таких, как Герман Розенталь или воспитанный в ортодоксальной семье Арнольд Ротштейн (когда сын привел в дом невесту-нееврейку, отец сидел по нему *шиву*[10], как по покойнику).

Нижний Ист-Сайд кишел шайками воров, карманников, притоносодержателей, сутенеров, громил и поджигателей; многие из них были евреями. Массивный череп, растрепанные волосы и угрожающая внешность Монка Истмана вполне гармонировали с кастетами, дубинками и пистолетами, с помощью которых он расправлялся со своими врагами. Его банды не подпускали уличных хулиганов к борделям и игорным домам, а также защищали штрейкбрехеров от нападений забастовщиков. Когда Монк оказался за решеткой, его место занял Макс Цвербах по прозвищу Малыш Твист.

Большой Джек Зелиг, который мог проломить человеку череп голыми руками, вместе с Луисом Розенбергом и Гарри Горовицем создал шайку громил, работавших по твердой таксе: 10 долларов за ножевой шрам на лице, 25 — за пулю в руку или ногу, 50 — за бомбу, 100 — за убийство. Среди их жертв был Джон Луис по прозвищу Испанец

Большой Джек Зелиг (Зелиг Левкович), 1912 год.
Зелиг начинал с 10 долларов
за пощечину, а закончил гонорарами
в 100 долларов за убийство

Луис, сефардский еврей, который всегда одевался в черное и носил сомбреро. Однажды в казино итальянский бандит-конкурент Джулио Морелло закричал: «Где этот Большой Джек Зелиг? Я кончу этого большого жида!»

Однако Большой Джек успел первым.

Вскоре после отсидки в нью-йоркской тюрьме Синг-Синг «Торчок» Бенни Файн проявил сбалансированный подход к «разрешению» различных трудовых конфликтов: услугами его громил могли воспользоваться и фабриканты и профсоюзы. Он взял под контроль магазины готового платья, тогда как меховщики и пекари стали вотчиной «Кочегара» Джоя Розенцвейга и его последователей. Шайка Йоськи «Нигера» Тоблинского («Еврейский союз черной руки»[11]) контролирова-

ла ипподромы, Джонни Левински — кафе-мороженые, «Горбун» Чарли Витовски собирал дань с торговцев газировкой.

Во время Первой мировой войны значительная часть молодых крепких евреев добровольно пошла в армию. Те, кто вернулись с фронта, выбились в люди и, не обремененные большими семьями, покинули город. Еврейские шайки начали хиреть, однако сухой закон вернул их к жизни. Вакси Гордон был непревзойденным *шламмером* (громилой, идиш), когда он встретил Большого Макса Гринберга. Вместе с Арнольдом Ротштейном они занялись нелегальным экспортом виски, нанимая для охраны громил, и вскоре стали бутлегерами-миллионерами.

Однако поскольку сами евреи пили немного, между еврейскими бандами началась жестокая борьба за передел и контроль нееврейского рынка. «Голландец» Шульц (Артур Флегенхеймер) терроризировал южный Бронкс. «Маленьким Иерусалимом» называли район Детройта, который контролировали «Лиловый» Сэмми Коэн и братья Фляйшер и Берстайн. Миннеаполис принадлежал Идди и Гарри Блюм и «Малышу» Канну, Канзас — «Головорезу» Соломону Вайсману, Ньюарк — Долговязому Цвильману, Филипу и Нигу Розен и Бу-Бу Хоффу, Бостон — Хаймену Абрамсу и «Царю» Соломону. Чикаго держал Аль Капоне, однако несколько евреев были с ним в доле.

Гангстеры становились друзьями. Лаки Лучиано, который мальчиком нередко сидел с еврейскими друзьями за субботним столом, работал с Мейером Лански, Багси (Биньямином) Сигелом и «Голландцем» Шульцем. Франк Костелло, женившийся на еврейке, в которую влюбился

еще ребенком, привел несколько евреев на сборище мафиози, вызвав гневный протест Вито Дженовезе: «Что ты задумал: повесить мне на шею несколько жидов?» На это Костелло спокойно ответил: «Успокойся, дон Витоне, ты здесь всего лишь гребаный иностранец».

Луис Бугалтер — Царь (Czar) Лепке — в двадцатые годы был одним из создателей «Корпорации убийств» («Murder, Inc.»). Так как я вырос в Бруклине, то знал человека, который был одним из его исполнителей. Корпорация «охраняла» производство одежды, а позже, вместе с итальянцами, — голливудские киностудии. Полицейские плакаты обещали за Лепке, «живого или мертвого», 25 тысяч долларов и описывали его как белокожего еврея ростом 168 сантиметров: «Глаза — острые и бегающие; нос — большой, затупленный; уши — большие, прижатые к черепу… Часто бывает на бейсбольных матчах».

Шульц и его банда были уничтожены в одну ночь в Ньюарке шайкой Чарли «Жука» Воркмана и Менди Вайса. Голландца застрелили в туалете. Лепке закончил жизнь на электрическом стуле в 1944 году.

Когда я рос в тогда еще еврейском Бруклине, никто, естественно, не учил меня восхищаться этими людьми. Однако поскольку нас частенько били, когда мы проходили мимо местной церкви, и отбирали у нас наши жалкие карманные гроши, мне и другим еврейским мальчикам было приятно знать, что где-то есть евреи, способные постоять за себя. Некоторые из них — Цвильман, Лански, Микки Коэн и другие — срывали митинги американских нацистов, избивали коричневорубашечников, а в конце сороковых организо-

вали массовые нелегальные поставки оружия в Израиль. Так что они защищали и нас.

В начале 1910-х евреев Нижнего Ист-Сайда терроризировали итальянские банды. Парни Большого Джека Зелига, переодевшись хасидами, неожиданно напали на итальянцев, нещадно избили их и навсегда отвадили от посещений квартала. Такие поступки надолго остаются в коллективной памяти. В то время как множество евреев слушало радиорепортажи о боях с участием Росса, некоторые из нас испытывали постыдное, тайное восхищение злой, дикой физической силой бесстрашных еврейских уголовников. А после Катастрофы многие из нас воображали, как Гитлер всего на пятнадцать минут остается с кем-нибудь из них один на один.

Глава 12
«Мастерок и меч»

В современном Израиле отношения между телом и Книгой достаточно многообразны. К примеру, когда по телевизору показывают теракт, устроенный террористом-смертником, нередко можно увидеть бородатых мужчин в *кипах*[1] и с пейсами, тщательно осматривающих взорванный автобус или ресторан и собирающих кусочки человеческих тел. Согласно ортодоксальным представлениям, тело должно быть предано земле целиком, наперекор бомбам, ракетам, артиллерийским снарядам или ручным гранатам. Поэтому пока медики занимаются ранеными, эти люди следят, чтобы ни одна частица плоти не осталась непогребенной «в тот же день», как того требует Тора. Свои действия они называют *хесед шель эмет*, «истинное милосердие», бескорыстный дар тому, кто не может даже поблагодарить; по их словам, подобные поступки радуют Бога. Эти добровольцы пользуются в Израиле огромным уважением даже среди тех, кто недолюбливает ортодоксов: они обладают мужеством взглянуть в глаза тому, от чего все остальные хотели бы убежать как можно дальше.

Один из моих одноклассников стал в Израиле ультраортодоксальным раввином и одновремен-

но — профессором кафедры классических языков. Наша встреча помогла мне понять, что происходит в голове израильтянина, который смотрит на мир сквозь призму Торы. Через несколько лет после переезда в Израиль, во время войны 1982 года[2], он проявлял *хесед шель эмет* даже в отношении вражеских солдат. С огромным терпением он объяснял мне, почему молодые ультраортодоксы не могут служить в армии, где служат практически все израильтяне, включая религиозных сионистов, которые нередко совмещают службу с изучением Торы и считаются одними из лучших бойцов. По мнению более благочестивых, армейская служба нанесет непоправимый ущерб следующему поколению изучающих Тору и ортодоксальные девушки не смогут найти себе достойную пару. Поэтому ультраортодоксы не служат в армии вовсе не из трусости — трус никогда не стал бы собирать человеческие останки во время или сразу после сражения.

С точки зрения ортодоксов, евреи, погибшие в бою или при взрыве иерусалимской пиццерии, тем самым «освятили имя Всевышнего». Таков строго религиозный подход, но в целом он мало отличается от того, что думают об этом большинство израильтян и евреев. С момента, когда Бог обещал эту землю Аврааму — или, если ты не религиозен, с того момента, когда в этой стране возник еврейский народ, — евреи вынуждены сражаться за каждый клочок своей земли (возможно, также за несколько метров соседней). Смерть за Святую землю считается одновременно героической и священной, поэтому в День памяти[3], когда израильтяне поминают павших, в стране не устраивают пикников, концертов и развлече-

Обложка сирийского букваря «Салем в армии» (1960-е годы), на которой изображены карикатурные евреи, тонущие в Средиземном море, в то время как сирийская пехота попирает израильский флаг

ний. Вся страна на минуту замирает, и каждый израильтянин молча встает по стойке «смирно», где бы он ни находился: на улице, в классе, в поле или на кухне.

Шестидневная война[4] стала переломным моментом как для Израиля, так и для американских евреев: благодаря именно Шестидневной войне неевреи стали воспринимать евреев совершенно иначе, причем многие искренне радовались

их победе. Мужчина, работавший на заправке в Южной Джорджии, в сердцах воскликнул: «Черт возьми, воюющие евреи! Я всегда считал евреев слабаками, но эти евреи, парень, — это настоящие мужики!»[5] Бизнесмен говорил своему еврейскому компаньону: «Вы, евреи, преподали этим ублюдкам хороший урок». Разумеется, большинство евреев были в этой войне просто зрителями, однако вскоре и до них дошло, что израильская армия в корне изменила их собственный имидж. Отныне образ слабого еврея, боящегося драки, перестал быть настолько очевидным. Шестидневная война стала поворотным пунктом в истории еврейского тела и самосознания евреев.

Я помню свое первое посещение горы Герцля, где находится военное кладбище, на котором лежат те, кто погибли совсем молодыми. Наш гид — я приехал с группой преподавателей колледжей, которые прежде никогда не были в Израиле, — был печален, и я спросил его, насколько мог мягче: «Здесь лежит кто-то из ваших близких?» Гид был очень вежливым и доброжелательным человеком, и поэтому я уверен, что презрительный взгляд, которым он меня смерил, вышел у него совершенно непроизвольно. «Ты что, дурак? Тут все — мои близкие», — было написано у него на лице. Страна воинов оказалась также страной скорбящих.

Эта поездка позволила мне взглянуть на мир мужества и горя, которым я не переставал восхищаться как во время последующих семи визитов в Израиль, так и между ними. Один из своих фильмов Джон Уэйн[6] назвал «Настоящее мужество», однако его герои и в подметки не годились обычному рядовому израильтянину. Не то чтобы

Орудийные стволы восьми арабских государств: Судана, Алжира, Объединенной Арабской Республики (сегодня — Сирия и Египет), Саудовской Аравии, Иордании, Ирака, Сирии и Ливана. Ливанская ежедневная газета Аль-Джарида, 31 мая 1967 года

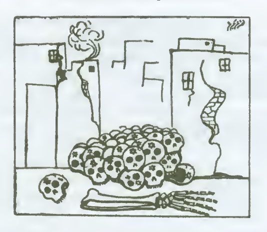
в открытии этого мира было для меня что-то особенно новое. Я знал и чувствовал его с тех пор, как научился говорить, во время Нюрнбергского процесса и израильской Войны за независимость. Я не просто на два года старше еврейского государства: в формировании моей личности огромную роль сыграло одновременное осознание слабости и уязвимости моего народа и в то же время — переживание триумфа, невероятной физической силы евреев.

В детстве я много фантазировал о своем тезке[7] и о том, что бы он сделал с немцами, окажись он в Европе вместе со своим Б-25. Наше крыльцо идеально подходило для размещения экипажа бомбардировщика, хотя мои друзья всегда удивлялись, почему это я хочу быть именно вторым пилотом.

Раввин нашей ортодоксальной синагоги часто говорил о возрожденном еврейском государстве и нашей ответственности за его судьбу. Мне было тринадцать, когда в мягкой обложке был впервые издан «Эксодус» (покупать книги в твердой обложке, а тем более накопить деньги на поездку в Израиль нам было не по карману) — и я с жадным восторгом прочел этот удивительный роман о трудном становлении страны, был очарован Кити Фремон (да-да, нееврейкой!), мечтал стать таким же сильным и смелым, как Арье Бен-Книан[8].

Однако все это были книжные фантазии, а Израиль — воплощал реальность. Хотя я знал о победах израильской армии, все равно мне было странно видеть юношей и девушек с еврейскими лицами в форме и с автоматом «узи» за плечами. Я до сих пор помню, какой приятной неожиданностью для меня было встретить статного юношу в морской форме, которого мы увидели в Музее нелегальной иммиграции в Хайфе: а я даже не предполагал, что у Израиля есть еще и флот. А в Масаде, поднимаясь к развалинам крепости, где сотни евреев предпочли покончить с собой, чтобы не сдаться римлянам, я услышал неожиданный шум, поднял к небу глаза и увидел два боевых вертолета со звездами Давида на борту. Лучи солнца отражались от них ярко и ослепительно, и на душе у меня сразу стало гораздо спокойнее.

Мне довелось встречать настоящих героев. Моя знакомая Пазит была ответственной за эвакуацию раненых, когда ее танковый корпус сражался на Голанских высотах в 1973 году[9]. Во время этой войны ее муж, Михаэль, был пилотом вертолета, поднимавшегося над Синаем, — идеальной целью

«Баррикады на улицах Тель-Авива»,
карикатура, опубликованная в сирийском
армейском журнале «Аль-Джунд аль-Араби»
6 июня 1967 года

для арабских снайперов и ракетчиков. Знакомый профессор Еврейского университета рассказывал мне, как в 1967 году его часть вошла в Иерусалим и евреи впервые со времен разрушения Храма получили свободный доступ к Храмовой горе и Стене Плача[10]. Уже немолодой кибуцник в одиночку убил двух террористов, проникших в его поселение. Знакомый, подполковник запаса, эмигрировавший из Англии накануне Войны за независимость, уже не помнил, в скольких сражениях участвовал. Этот список героев можно продолжать бесконечно.

А вот следующее поколение. Дочь Пазит и Михаэля служит в разведке и занимается чем-то настолько секретным, что ничего не может рассказать родителям (старая израильская шутка — «это настолько секретно, что я сам не знаю, чем занимаюсь»). Ее талантливая, эмоциональная

младшая сестра, изучающая сравнительное литературоведение, устроила мне экскурсию по ночному Иерусалиму и описала по моей просьбе (с неохотой, как большинство израильтян, с которыми я беседовал на эти темы, мне пришлось буквально клещами вытягивать из нее разъяснения) отличия разных автоматов, которые мы видели за плечами встреченных солдат. Прежде чем поступить на гуманитарный факультет, она тоже отслужила в армии. Наконец, самый младший, предмет всеобщей любви, во время моего визита приехал домой на выходные. Ученик выпускного класса, он проводил все время в изнурительных тренировках, чтобы в перспективе получить возможность служить в элитных частях: подъем тяжестей, гимнастические упражнения, бег с мешком песка на спине — в общем, все, о чем мечтал Макс Нордау. Он показал четвертый результат среди сотен потенциальных кандидатов; его сосредоточенность и серьезность немного контрастировали с добродушным выражением юного лица.

Я спросил его отца, ставшего менеджером крупной компьютерной фирмы и учителем йоги, не приведет ли эта будущая служба к тому, что его сын окажется в самых горячих местах. Тот ответил: «Элитные части выполняют опасные задания, но зато тебя окружают самые лучшие люди». Разумеется, он гордился своим мальчиком, но его не могло не тревожить то, что его талантливый сын непременно, подобно своим предкам, вынужден учиться защищать свою родину. Впоследствии юноша стал штурманом боевого самолета. Как-то я встретил на остановке двух молодых людей в форме офицеров авиации.

Каркатура из бахрейнского журнала,
июнь 2002 года. Еврей: «Скажи — я ненавижу арабов».
Попугай-Буш дважды повторяет. В октябре 2001 года.
Бахрейн был объявлен важнейшим союзником
США среди стран, не входящих в НАТО

Мы разговорились. Один из них, с бледным, приятным, красивым лицом, сказал как нечто само собой разумеющееся: «Мы летаем ежедневно».

Это всего лишь несколько храбрых ребят из миллионов. Хотелось бы верить, что я смог бы быть таким, как они, но кто знает... Я был активным противником войны во Вьетнаме, и я никогда не служил ни в боевых, ни в каких-либо других частях. Как любому антропологу, мне приходилось совершать рискованные поступки, некоторые из которых требовали физических усилий и умения терпеть неудобства. Но как я бы я повел себя, доведись мне сражаться за то, что мне дорого? Большинству из нас хочется верить, что мы смогли бы стать подлинными героями, однако настоящие герои — это особые люди, и их очень немного.

Разумеется, я не закрываю глаза на страдания палестинцев, среди которых есть несколько уважаемых мною людей. Безусловно, они стали жертвами истории, в центре которой, как в фокусе, оказалась трагедия и страдания евреев. Однако в судьбе палестинцев в гораздо большей степени рикошетом отразилась враждебность арабского мира к евреям, вернувшимся на свою древнюю землю; их сделали жертвой «мировой общественности», цинично поддерживающей «палестинскую» непримиримость и террористическую деятельность; наконец, жертвой насильственного изгнания евреев из практически всех арабских стран, где они жили на протяжении столетий — изгнания гораздо более масштабного, чем изгнание палестинцев в первые годы существования Израиля. Впрочем, как и большинство израильских евреев, я поддерживаю идею создания независимого палестинского государства.

Забавно наблюдать, как арабские враги Израиля используют традиционные идеи и образы антисемитской и нацистской пропаганды. В последние годы появилось несколько сериалов по мотивам «Протоколов сионских мудрецов»[11] — фальшивки, описывающей, как кучка евреев правит миром. Они были с огромным успехом показаны по каналам арабского телевидения. Карикатуры ведущих газет, школьные учебники и армейские плакаты изображают евреев точно такими же, как в свое время их изображали нацисты. По иронии судьбы большинство израильских евреев — потомки выходцев из арабских стран, поэтому внешне они похожи на своих арабских соседей, а вовсе не на карикатурные изображения европейских евреев.

Впрочем, израильтяне также не похожи на плакатных воинов-крестьян. Как писала моя знакомая Пазит, «изменившееся отношение к телу включает, кроме того, спорт и фитнес, экстрим, понимание роли профилактической медицины, увлечение балетом, театром, боевыми искусствами, модой, а также разнообразные развлечения, о которых наши предки не имели ни малейшего представления». Однако почти все эти спортсмены, модники и танцоры одновременно являются солдатами.

Иногда я чувствую, что получаю из-за океана совершенно незаслуженную, по сути мистическую, поддержку. Я американец до корней волос, но я также еврей, и я счастлив, что в мире есть такие евреи. Как писал Макс Нордау: «Станем опять широкоплечими, крепкими людьми с острым взглядом». Эмма Лазарус спрашивала, где же еврейские воины-строители, герои прошлых лет, — и вот эти герои вернулись, их несколько миллионов, и они совершенно реальны.

Глава 13
Взгляд наблюдателя

Мечта Нордау об исцелении еврейского тела пришлась по вкусу и современным антисемитам, и будущим докторам-нацистам, вместе с тем она без всякого сомнения отражала многовековое еврейское пристрастие к медицине. В середине 1930-х, когда нацисты, на радость коллегам-арийцам, запретили неевреям обращаться к еврейским врачам, последних только в Берлине было около 60 процентов. Успешные евреи-врачи использовали интеллектуальные навыки, в течение поколений отточенные изучением Торы и Талмуда, но применяли их не в мире идей, а в мире тел, рационально их исследуя.

Как известно, интерес к медицине проявляли уже некоторые мудрецы Талмуда. Еврейскую систему представлений о здоровье и болезнях создали знаменитые врачи-евреи[1], некоторые из них к тому же возглавляли еврейские общины.

По иронии судьбы в конце XIX века, когда еврейских врачей стало особенно много, большинство из них, подобно их нееврейским коллегам, также считали евреев особой расой, причем с каждым десятилетием этот подход становился все более популярным, что имело непосред-

ственное воздействие на выбор лечения и укрепление здоровья. Еврейские врачи старались дать своим пациентам наилучшее лечение, что, применительно к медицинским представлениям конца XIX столетия, означало смотреть на них сквозь весьма искаженную, но общепринятую тогда призму расовых предрассудков. Поэтому, как показал Сандер Гилман в своей книге «Еврейское тело» («The Jewish Body»), врачи-евреи были одновременно субъектами и объектами. Чтобы считаться хорошими медиками, они должны были смотреть на свою неисправимую «инаковость» с точки зрения «другого». В результате «расовые очки», которые они надевали, потому что так было принято у других, искажали или смазывали их собственные представления о себе, своем народе, своих пациентах.

Идеалом высших европейских умов XX века был аполлонический идеал Греции и Рима; «биологическим продолжением» этого идеала стала арийская расовая теория, превыше всего ценившая красоту, здоровье и силу. В античном мире еврейский религиозно-культурный выбор (обрезание) служил непреодолимым препятствием на пути аполлонических устремлений эллинизированных евреев. В современном мире таким препятствием стала кровь, или, говоря научным языком, гены. Согласно представлениям конца XIX века о наследственности, которые в равной степени разделяли еврейские и нееврейские врачи, недостатки еврейского тела признаны не приобретенными, а врожденными, вот почему еврейское тело предстало как антитеза арийско-аполлонической модели.

Евреев считали в большей степени подверженными расстройствам нервной системы, диабету, туберкулезу, плоскостопию и ряду других заболеваний, включая сифилис. При взгляде сквозь «расовые очки» казалось, что у евреев эти болезни встречаются гораздо чаще, чем у любых других европейцев. Считалось, что у евреев характерные и весьма подверженные болезням волосы, кожа, ноги, особые голос и запах (знаменитый foetor Judaicus, приписываемый в Средние века менструации, которая якобы регулярно происходит у еврейских мужчин), а также, разумеется, носы. Как мы уже видели, во времена нацизма эти стереотипы были столь успешно усилены, углублены, кодифицированы, отточены и доведены до всеобщего сведения, что еврей даже без особенных отличительных еврейских признаков мог быть легко вычислен хорошо подготовленным немецким ребенком. Несколькими десятилетиями ранее последствия этих предрассудков были не столь заметны, но не менее пагубны.

Как ни странно, одним из самых опасных стереотипов было утверждение, что евреи страдают плоскостопием[2]. Это было намного серьезнее, чем может показаться читателю на первый взгляд, и имело огромное значение для отвержения и стигматизации евреев: по причине плоскостопия евреи становились непригодными к воинской службе, и, следовательно, на них можно было поставить клеймо трусов, неспособных сражаться. Сомнительное исследование, проведенное в Австрии в 1804 году, показало, что из-за плоскостопия многие евреи, призванные в армию, были освобождены досрочно, «большинство еврейских солдат проводили больше времени в госпитале,

чем на службе». Этот подозрительный отчет стал первым аргументом в длившемся больше ста лет споре, пригодны ли евреи к армейской службе.

Пехота вовсе не случайно получила свое название, как говорил мой дядя, воевавший в Первую мировую, «думать — не солдатское дело; солдатское дело — месить ногами грязь и подставлять голову под пули». Поэтому если плоскостопие мешает маршировать, а евреи страдают плоскостопием, то, следовательно, евреи непригодны к армейской службе. При этом на кон было поставлено не что иное, как судьба еврейской эмансипации: ведь тот, кто не может сражаться и умирать за свою страну, не может требовать и полного гражданского равноправия.

Этот стереотип существовал вопреки множеству примеров совершенно противоположного свойства. Теодор Фонтане[3], писавший о войне 1866 года[4], рассказывал о трех еврейских резервистах, призванных в первый батальон собственного Его Высочества полка: «Один из них, уже далеко не юный и физически не слишком крепкий, сильно страдал накануне боя. Его нога была одной сплошной раной. Тем не менее он остался в строю и сражался под палящим солнцем, пока не кончился бой.... Накануне боя его убеждали обратиться в госпиталь, но он отказался»[5]. Впрочем, даже в этом рассказе, написанном вроде бы в защиту еврейской чести, еврейские солдаты показаны слабосильными и с больными ногами. Иными словами, евреи, безусловно, не такие, как все, однако, утверждал их защитник, они также могут храбро сражаться в о п р е к и своим расовым недостаткам.

Фонтане считал стремление служить в армии свидетельством желаемого преображения: «Ка-

1979 год. Автор книги на военном кладбище в Мёз-Аргонне, где погребены тысячи солдат, павших во время Первой мировой войны

залось, будто евреи дали клятву покончить с древним предрассудком, будто они не любят войну и неспособны воевать». В XIX веке евреи служили не только в австрийской и германской, но и практически во всех европейских армиях, нередко сражаясь друг против друга. Рассказывают о голландском артиллеристе, который в битве при Ватерлоо после каждого выстрела кричал: «*Шма Исраэль*!» Его товарищ объяснил: «Поскольку его выстрел мог попасть в еврея, он никогда бы не простил себе, если бы его брат покинул из-за него этот мир без слов *Шма*».

Еврейские врачи и исследователи принимали активное участие в обсуждениях еврейской болезненности в целом и еврейского плоскостопия в частности. Они соглашались с этим предположением, но утверждали, что речь идет не о наследственных и неизменных качествах. Напротив,

причина еврейской болезненности — в тяжелых условиях жизни людей, ослабленных бедностью и угнетением, но в то же время в течение многих лет развивавших свой ум в ущерб собственному телу. Макс Нордау, придумавший «мускулистых евреев», описывал, как жизнь в гетто лишила евреев всех первоэлемементов физики Аристотеля — земли, воды, огня и воздуха; как еврейское тело забыло, что значит свободно двигаться, как еврейские глаза ослабли в домах, лишенных солнца, а еврейский голос превратился в испуганный шепот[6].

«Нордау кричал, — писал Гилман, — что евреи убивают свои тела в вонючих закоулках гетто и мы теперь должны возродить их силу на спортивных площадках Берлина и Вены»[7]. Добавим к этому — под огненным взором Аполлона.

Несмотря на то, что этот вопрос стал предметом бесконечных споров, с начала XVII века господствующим оставалось мнение, что евреи не принадлежат к белой расе[8]. Историк Хьюстон Стюарт Чемберлен, заложивший основы нацистской расовой теории, утверждал, что евреи — монголоиды, которые смешались с неграми в Александрии Египетской. По мнению другого теоретика, Роберта Кнокса[9], евреи имеют «африканские черты», включая кувшиноподобное лицо, полные губы, выдающийся рот, маленькие челюсти; одним словом, «вся физиономия, особенно если еврей смугл, имеет африканские черты»[10]. Смуглость еврейской кожи также связывали с сифилисом и считали признаком предрасположенности к истерии.

В 1862 году Моше Гесс[11], немецкий революционер еврейского происхождения, с нескрывае-

мой иронией писал, что «даже крещение не спасет германское еврейство от ужасов немецкой юдофобии... Еврейский нос не изменить, темные кудрявые еврейские волосы также не станут после крещения прямыми и светлыми... Еврейский тип неистребим»[12]. Это было ясно и многим из тех, кто добровольно крестился, чтобы быть принятым в «хорошее общество» и продвинуться по социальной лестнице: Генриху Гейне, Феликсу Мендельсону; Карлу Марксу, Биньямину Дизраэли...

Усилия первых реформистов, во многом повторявших опыт протестантизма и пытавшихся избавиться от ортодоксальной обрядности, также были тщетными, поскольку еврейская обособленность (и еврейская неполноценность) носила расовый, а не религиозный характер.

Однако некоторые евреи продолжали упорствовать. Они распрямляли волосы и перекрашивались в блондинов, выщипывали и выравнивали брови, обесцвечивали кожу, подтягивали уши к черепу при помощи специальной хирургической операции... Наконец, величайшим достижением еврейской пластической хирургии стало выпрямление и уменьшение еврейского носа, который в результате лишился наиболее характерных своих признаков. Как убедительно продемонстрировал Гилман, в христианской Европе еврейский нос был не просто косметическим отклонением, а симптомом и следствием многочисленных болезней, признаком финансовой смекалки и извращенной сексуальности. Не случайно Зигмунд Фрейд работал со многими пациентами (чаще всего с пациентками) на пару со своим другом, хирургом Вильгельмом Флисом, — Флис оперировал носы, устраняя «фи-

зический симптом» психиатрических отклонений (что, впрочем, даже тогда считалось весьма странным и сомнительным лечением).

Тогда же появилась еще одна пластическая операция, к которой прибегают по сей день и не только евреи: ринопластика, придуманная еврейским хирургом Жаком (Яаковом) Йозефом. Рожденный в 1865 году, Йозеф принадлежал двум мирам, еврейскому и нееврейскому, отдавая предпочтение последнему. Подобно многим молодым людям этой эпохи, включая евреев, он гордился шрамами, оставшимися на его лице в результате юношеских дуэлей. Он был одним из тех, кого молодые немцы называли «Satisfaktionsfahig» — достойным сатисфакции. Для еврея это было неслыханным комплиментом. Шрамы, полученные им на дуэлях (нередко их специально хирургически обрабатывали, чтобы сделать более заметными), выполняли ту же роль, что и надрезы и татуировки во многих африканских культурах: они свидетельствовали, что у их носителя достаточно мужества, чтобы бросить или принять вызов, и что другие мужчины того же социального круга признали за ним право принадлежать к избранному братству.

Евреев, искавших общественного признания, нередко пытались лишить возможности приобрести эти знаки мужества и принадлежности к избранному обществу. В 1896 году (Гитлеру исполнилось только 7 лет) несколько дуэльных братств постановили, что:

поскольку между евреями и арийцами есть множество моральных и этических различий; поскольку мы неоднократно страдали от еврейской злокозненности; поскольку многократно было доказано, что у евреев нет ни чести,

ни мужества; а также поскольку они совершенно лишены достоинства в соответствии с нашими германскими представлениями... еврей не может получить сатисфакцию с применением любого оружия, поскольку он ее недостоин[13].

Этот символический плевок в лицо был куда большим оскорблением, чем многочисленные ритуальные пощечины или брошенные в лицо перчатки, ставшие причиной десятков дуэлей; боль от него была куда нестерпимей, чем от шрамов, оставшихся после дуэли. Однако Йозеф смог обойти этот запрет, поэтому до конца жизни мог ходить с высоко поднятой головой, демонстрируя шрамы, полученные в соответствии с кодексом чести.

Несомненно, «случайная пластическая хирургия», к которой Йозеф прибег, чтобы стать «настоящим немцем», помогла ему понять, что коррекция черт лица может изменить расовое предопределение. Будучи известным хирургом-ортопедом, он неоднократно сращивал сломанные конечности, а также исправлял врожденные недостатки вроде косолапости, дабы облегчить жизнь людям, получившим от рождения несовершенные тела. Однако начальник хирургического отделения уволил Йозефа, после того как он прооперировал ребенку слишком оттопыренные уши, поскольку считал, что операция по устранению косолапости, несомненно, полезна для здоровья, однако изменение формы ушей — пустая блажь, недопустимая с точки зрения профессиональной этики.

После того как ему символически «надрали уши», Йозеф открыл частную клинику. Вскоре к нему обратился молодой человек, которого

сильно беспокоил его крупный, выдающийся нос. Йозеф исправил этот недостаток, проведя первую в истории ринопластическую операцию. В докладе, прочитанном в 1898 году, Йозеф подчеркнул, что «огромное значение имел психологический эффект операции. Подавленное состояние... полностью исчезло. Пациент счастлив, что может ходить по улице незамеченным.... пациент, прежде избегавший социальных контактов, сегодня стремится бывать на вечеринках и давать приемы»[14].

Подобно процедурам, «предписанным» Фрейдом, операция по коррекции формы носа решала многие психологические проблемы. Не требовалось глубоких теорий, чтобы понять, почему это происходит; достаточно было здравого смысла, приправленного каплей социологии: если ты не можешь соответствовать господствующим представлениям о красоте и если «расовый» признак делает тебя несчастным, то почему бы не обратиться к хирургу, чтобы он исправил твою внешность?

В стране, где ежегодно делают десятки тысяч обычных пластических операций, так что практически каждое появляющееся на экране лицо или тело старше 40 лет уже подвергалось хирургической обработке, большинство из нас не видит в этом ничего предосудительного. Но сто лет назад эстетические хирургические операции были весьма рискованным предприятием, и общественное негодование было почти всеобщим. Тем не менее косметическая хирургия получила широкое распространение, и множество евреев прибегали к услугам пластических хирургов.

Сам Йозеф лично «подрезал» десятки еврейских носов. Как метко заметил Гилман, тем самым он делал своих пациентов менее заметными для окружающих.

Шестнадцатилетняя Адольфина Шварц была одной из тех, чей нос исправил Йозеф; несколько раньше так же поступил ее брат. Они происходили из небогатой семьи, однако, по ее словам, «если [Йозеф] видел, что кто-то страдает из-за своего еврейского носа, он оперировал его бесплатно»[15]. Как выразился один пластический хирург, «довольно легко провести границу между реконструктивной и косметической ринопластикой: все зависит от того, сколько страданий приносит необычная форма носа»[16]. Несмотря на то что два американских хирурга разработали похожую технику практически в то же время, для немецких врачей американский опыт был вчерашним днем. Йозеф чувствовал себя первопроходцем, и среди его учеников были врачи, специально приезжавшие из Штатов, чтобы овладеть соответствующей техникой под руководством мастера.

Между тем у этой медицинской специальности уже имелось значительное прошлое. Медицинские и «научные» упоминания о еврейском носе появились в 1850-х годах, когда Роберт Кнокс, прославившийся псевдонаучными трудами о неполноценности африканцев, описал его как «большой, массивный, булавовидный, горбатый, в три или четыре раза больше, чем это подходит для данного лица... По этой причине еврейское лицо никогда не бывает и никогда не может быть красивым»[17]. После того как Йозеф сделал этот недостаток исправимым, все это перестало быть

объектом чисто теоретического научного интереса. Поэтому в 1920-х годах медицинские журналы, писавшие о ринопластике, прямо говорили о «еврейском носе».

В журнале «Laryngoscope» за 1930 год некий хирург писал, что «модификация наследственных, семейных или расовых признаков, вроде тех, которые часто наблюдаются у семитов, нередко имеет огромное значение для пациента». Другой врач писал в 1936 году в «Journal of the American Dental Association», что, в свете набирающих силу антисемитских предрассудков «изменение формы характерного еврейского носа может быть вызвано социальными или деловыми соображениями». Можно назвать немало медицинских статей того времени, где легитимность косметической (эстетической) хирургии оправдывалась тем, что речь идет совсем не о пустой прихоти, но о реальной помощи «социальным инвалидам».

Другие смотрели на это иначе. Когда знаменитая еврейская актриса Фанни Брайс (Борач)[18] в 1932 году изменила свой нос, талантливая писательница-сатирик Дороти Паркер[19] язвительно заметила, что Брайс назло своей расе сделала обрезание своему носу[20] (сама Паркер родилась в Нью-Джерси в семье Ротшильд, однако унаследовала шотландский носик своей матери).

В 1945-м Бесс Меерсон, королева красоты Нью-Йорка, стала первой еврейкой, получившей титул «Мисс Америка». Несмотря на настойчивые требования сменить имя, она гордилась своим еврейским происхождением и вынуждена была преодолевать множество предрассудков не только до, но и после своей победы. Она сделала успешную и разностороннюю карьеру, в том числе в

Энди Уорхол, «До и После», 1962 год

правительстве Нью-Йорка, активно участвовала в благотворительности, включая еврейскую, и никогда не пыталась изменить свою внешность. Однако Бесс Меерсон никогда не выглядела как типичная еврейка.

В 1960-е годы «исправление носа» было массовым явлением, особенно популярным среди еврейских девушек-подростков. Те, кто учился в те годы в старших классах в Нью-Йорке или любом другом городе с многочисленным еврейским населением, должны помнить, насколько часто девушки возвращались после каникул с небольшой повязкой на переносице, а затем выглядели совсем не так, как прежде. Эта операция служила своего рода «женским обрезанием», дававшим пропуск в нееврейский мир, правда, с «обратным знаком»: обрезание сознательно отделяло еврейского мальчика от всего мира, тогда как пластическая операция позволяла девочке слиться с остальным человечеством.

Как выразился один писатель, «можно сказать, что евреи стали первыми популяризаторами пластической хирургии. Евреи, которые издавна испытывали сложный комплекс любви и ненависти к пластической хирургии (и к своей собственной внешности), — помогли раскрутить тренд, который благодаря их активному участию приобрел всеобщую популярность. Желая выглядеть как можно менее по-еврейски, евреи открыли пластическую хирургию тем самым людям, которым они так стремились уподобиться»[21]. Недовольство своей внешностью, бывшее прежде групповым, стало всеобщим.

Не существует достоверной статистики, однако, судя по всему, максимальное число операций приходится на шестидесятые и семидесятые годы. Это были первые дети послевоенного взрыва рождаемости. По словам пластического хирурга Джеймса Бейкера, работавшего в Орландо, «в то время еврейские родители не хотели, чтобы их дети были похожи на евреев. Они боялись предрассудков, оставшихся после войны». Доктор Томас Реес, подготовивший десятки пластических хирургов, выражается еще резче: «Каждая еврейка хотела выглядеть, как *шикса*»[22].

Женщина, за которой я когда-то ухаживал, призналась мне, что ее лицо — частично дело рук человеческих. Духовно и этнически она была еврейкой, однако в детстве сделала ринопластику и с тех пор ощущала себя самозванкой. То, что раньше ей казалось лекарством от неравенства и отчуждения, стало причиной мучительного беспокойства и чувства вины; она считала себя недостойной внимания, которое ей оказывали мужчины. Это признание не сделало ее менее

красивой, и наш роман закончился совсем по другим причинам, но я все время думал, что, если бы у нас вдруг родилась дочка, в старших классах она оказалась бы в такой же ситуации, как и ее мать. Интересно, что бы она выбрала?

Сегодня ответ на этот вопрос совсем не так очевиден. У нас нет статистики, охватывающей весь период от начала семидесятых до наших дней, однако все свидетельствует о том, что ринопластика пользуется среди евреев все меньшей популярностью. С начала девяностых, когда общее количество пластических операций возросло почти вдвое, «исправление носа» делают все реже и реже. Может быть, сказалось влияние Барбры Стрейзанд? Представления о красоте стали более широкими и включают сегодня самые разные, а не только европейские стандарты? Стало модным гордиться своим еврейством?! Наконец-то стало забываться, что сделали с евреями в Европе? Однозначного ответа никто не знает.

В последнее время пластических операций снова стало больше, однако не известно, какой процент среди клиентов — евреи. Среди современных звезд еврейского происхождения, хирургически изменивших форму носа, — Тори Спеллинг, Розанна Барр, Катя Хадсон, Гвинет Пэлтроу (Палтровиц), Натали Портман (Хершлаг)[23], Вайнона Райдер (Горовиц)...

Барбре Стрейзанд явно не удалось положить конец моде на ринопластику среди еврейских актрис. (Ответить на вопрос, делала ли та или иная актриса пластическую операцию, часто непросто, хотя в Интернете есть множество любителей сравнивать старые и новые фотографии.)

Мнение о том, что в корректировке прежде всего нуждаются специфически еврейские носы, по-прежнему популярно среди пластических хирургов. Два недавно вышедших учебника говорят о некоторых носах как специфически еврейских[24]. К примеру, в книге «Aestetic Rhinoplasty», увидевшей свет в 1996-м, сказано, что работа с еврейским носом заключается в «спрямлении переносицы, сужении костной пирамиды, уточнении формы и подтягивании слишком отвислого кончика».

А Вирджиния Блюм, врач еврейского происхождения, в своей книге «Fresh Wounds: the Culture of Cosmetic Surgery» высказывается еще конкретнее: «Некоторые носы свидетельствуют о еврействе… Евреи, ассимилирующиеся с окружающей нееврейской культурой, параллельно избавляются от внешних признаков, указывающих на их национальность… Мы распрямляем кудрявые волосы, делаем темные волосы светлыми… Мы не забываем ни одной мелочи, пытаясь спрятать то, что кажется нам специфически еврейской черточкой или жестом. То, чем мы решаем заняться, — это качества, выбранные окружающей культурой в качестве наших отличительных физических признаков». Говоря «заняться» вместо «изменить», мы тем самым подтверждаем всеобщее признание существования болезненной расовой идентичности.

Поскольку евреи действительно не совсем белые, то для того, чтобы быть «принятым в обществе», многие из нас, подобно некоторым афроамериканцам, распрямляют волосы, стараются не загорать, истончают бедра и ягодицы, хирургически меняют форму лица — и все это для того, чтобы больше походить на представителей соци-

альной и культурной элиты. Меньшинство всегда и везде судит о своих телах согласно стандартам, установленным не им. Возможно, евреи рождаются ближе других к искомому идеалу, однако, когда окружающие проявляют отвращение ко всякому мелкому различию, они страдают от этого еще больше.

Один пластический хирург, ортодоксальный еврей, поделился интересными наблюдениями: «Если исследовать, что люди считают красивым, мы увидим, что им нравится симметрия. Непропорциональные вещи кажутся непривлекательными. Это справедливо для самых разных культур… Я родился в семье, где четверо из пяти детей мечтали о ринопластике. Мне не кажется, что они хотели выглядеть, как шведы. Мне кажется, что у них у всех были носы с горбинкой»[25].

Простите, как вы сказали? У них были носы с горбинкой? По словам уважаемого доктора, в данном случае дети думали о хирургическом вмешательстве не потому, что хотели скрыть свою национальность, а потому, что горбатый нос казался им уродством. Их носы «были непропорциональны», а потому «казались уродливыми представителям иных культур».

Однако неужели существует универсальный, абсолютный эстетический стандарт, никак не связанный с культурными предпочтениями? Художники со времен Ренессанса мечтали найти этот стандарт, некоторые из них использовали геометрический или математический подход, пытаясь отыскать искомые абсолютные пропорции.

Современные исследования, проделанные психологами и эволюционными биологами, также

наводят на некоторые предположения. Во-первых, разные люди оценивают лица и тела весьма похоже, независимо от расы и культуры оцениваемых и оценивающих. Во-вторых, к тем, кого считают красивыми, относятся лучше, кем бы они ни были: грудными детьми, школьниками, соискателями работы, кандидатами на выборах, свидетелями в суде или даже пациентами в приемном покое больницы. В нашу эпоху политкорректности красота остается последним убежищем для тех, кто ищет незаслуженных привилегий; она открывает дверь в клуб избранных, везде и всюду пользующихся режимом наибольшего благоприятствования. В-третьих, не только красота, но и восприятие красоты, возможно, имеет биологическую основу.

Разумеется, есть и исключения. Пирсинг, макияж и парфюмерия безусловно связаны с культурой. Идеальный вес также меняется от культуры к культуре — большинство предпочитает полных, а не худых! Специфические гендерные предпочтения при выборе идеальных пропорций лица (при оценке их мужественности или женственности) показали любопытную зависимость от культурных кодов. Однако, опираясь на факты, невозможно, положа руку на сердце, заявить, что красота не важна и/или зависит исключительно от культуры.

Почему определенные комбинации кажутся нам красивыми?.. Индекс талия–бедро ¾ позволяет обычному наблюдателю-мужчине прийти к выводу, что женщина не беременна; мужчины, игнорирующие этот сигнал, могут проиграть в эволюционном соревновании. Причина, почему большинство культур (достаточно взглянуть

на греческие статуи Афродиты или живопись эпохи Ренессанса) предпочитает полных женщин, заключается в том, что полная женщина, если мужчине посчастливится взять ее в жены, легче перенесет беременность и период грудного вскармливания. Наиболее привлекательные мужские тела отличаются широкими плечами и тонкой талией, что обеспечивает идеальное сочетание силы и подвижности; не удивительно, что именно таким изображали Аполлона.

Пожалуйста, постарайтесь понять: я говорю о том, что есть, а не о том, что это правильно и так должно быть. Когда речь заходит о лицах, ситуация несколько сложнее, однако и здесь исследования позволяют сделать по крайней мере четыре вывода.

Во-первых, в выборе приоритетов пол имеет значение. Женщины предпочитают мужчин, у которых крупные челюсти, густые брови и легкая щетина, то есть признаки, указывающие на высокий уровень тестостерона (хотя некоторые женщины предпочитают более андрогинный тип). Мужчин больше всего привлекает прямо противоположное.

Во-вторых, поскольку у женщин способность к деторождению больше зависит от возраста, чем у мужчин, мужчины предпочитают женщин, которые молодо выглядят (мужчины также утрачивают с возрастом и привлекательность, и способность к деторождению, но это происходит позднее). В результате эволюции первая менструация в среднем случается у девушек в возрасте около 16 лет, а первого ребенка женщина рожает тремя годами позже. Мужчины, которых привлекают женщины этого возраста, увеличивают

свои шансы оставить после себя многочисленное здоровое потомство.

В-третьих, симметрия имеет значение — правда, не та симметрия, о которой говорил цитируемый мною врач-ортодокс, а простая билатеральная: является ли правая сторона лица зеркальным отражением левой? Разумеется, все лица в какой-то степени асимметричны, однако асиметрия, превышающая «стандартное допущение», обычному человеку покажется непривлекательной. Опять же, любое уродство указывает на слабое здоровье — это так же, как симметрия, справедливо и для мужчин, и для женщин. Напротив, яркие, сочные губы свидетельствуют о молодости, крепком здоровье и сексуальном возбуждении.

Наконец, самое интересное: лица, особенно женские, пользуются успехом, если кажутся детскими: когда у женщин большие глаза, тонкие черты лица, светлая кожа и волосы. Вы можете что угодно говорить о сексизме (и в основном это правда), но у этого предпочтения есть и другое объяснение. В любой человеческой популяции у большинства детей большие глаза и маленький подбородок, а лицо и волосы светлее, чем у взрослых, которыми им предстоит стать. Детский облик вызывает у нас инстинктивное умиление, которое служит гарантией продолжения человеческого рода. Поэтому пятый критерий красоты лица — побочный продукт нашего отношения к маленьким детям. Когда женщина смотрит на мужчину, этот критерий вступает в борьбу с естественным влечением к мужчине, который сможет защитить ее от других мужчин. Возможно, поэтому андрогинность порой побеждает маску-

линность. Разумеется, когда мужчина смотрит на женщину, подобного противоречия не возникает.

Культура использует эти тенденции. Косметика скрывает дефекты и следы старения и делает глаза более заметными, так что они кажутся крупнее. Некоторые выходцы из Азии хирургически меняют форму глаз, делая их больше и круглее; некоторые афроамериканцы осветляют свою кожу. Подтяжки и ботокс[26] нейтрализуют процесс старения. Корсеты придают телу нужную форму и т. д.

Что касается носов, то, во-первых, у младенцев и детей они гораздо меньше, чем у взрослых, а во-вторых, они продолжают расти всю жизнь. Поэтому если уменьшить большой нос, это даст преимущество сразу в двух направлениях. Впрочем, цивилизация не стала дожидаться, пока эволюционная психология возникнет и покажет всем нос[27]. С древних времен именно нос считался «органом репутации». Поэтому отсечение носа было унизительным наказанием для врагов и преступников, а любое повреждение считалось недостатком, который надо исправить как можно быстрее. Физиогномисты, утверждавшие, что характер человека можно понять по его внешнему облику, обнаружили пять типов носов: римский нос указывал на силу, греческий — на утонченность, курносый — на слабость и неразвитость, вздернутый — на слабость и любопытство и, наконец, еврейский (чей же еще?!) — на хитрость и жадность. Так что в начале XX века, по мере развития и распространения ринопластики, евреи получили возможность избавиться от внешнего признака, который не только указывал на принадлежность их к презираемой группе, но

также свидетельствовал о недостойных чертах характера.

Таким образом, культура, в значительной степени рефлексивно, отвечает на врожденные человеческие предпочтения и в то же время и сдерживает и/или преувеличивает некоторые из них. «Черное прекрасно» — этот гордый клич шестидесятых был наименее очевидным культурным выбором, — напротив, это было сознательное предпочтение разума, который, безусловно, на это способен. В свою очередь, приоритет белого — это не только адаптация к ситуации, когда у детей всех этнических групп кожа светлее, чем у взрослых, он также был связан с тем, что волей случая светлокожие люди оказались доминантной группой практически во всем мире. Когда светлокожие правили, а темнокожие им прислуживали, независимо от того, насколько произвольным был этот социальный порядок, и господа, и слуги преуменьшали ценность темного цвета кожи. Таким образом, в ходе культурного процесса естественная тенденция была чудовищно раздута, так что, если черные когда-нибудь возьмут власть, «черное прекрасно» станет официальной точкой зрения.

Нечто подобное можно сказать и о носах. Даже если симпатия к маленьким детским носам и является естественной, пребывание евреев под властью народов с маленькими носами многократно усилило эту тенденцию, гарантировав тем самым успех ринопластики. Сегодня большинство евреек, обращающихся к пластическим хирургам, не пытаются скрыть свою национальность, но хотят выглядеть привлекательнее в соответствии со своими не важно откуда взявшимися представле-

ниями о красоте. Зная, что непропорционально большой нос на женском лице считается некрасивым в самых разных культурах, а люди с небольшими прямыми носами, напротив, соответствуют общепринятому стандарту, мы не удивляемся их выбору. Поэтому, пусть ринопластика и весьма популярна среди евреев, они в этом стремлении не одиноки. Забавно, что у женщин Ирана, страны, представляющей наибольшую угрозу существованию Израиля на момент написания этой книги, пластические операции носа также весьма популярны. На Ближнем Востоке враги нередко внутренне похожи друг на друга; а кроме того, все люди на земле хотят выглядеть хорошо и чувствовать себя красивыми.

Глава 14
«Телесная» литература

Операцию по изменению формы носа можно назвать своего рода формой творческой рефлексии евреев в отношении собственно еврейского тела. Однако подобное переосмысление происходит и в сознании писателей. Учитывая еврейскую озабоченность анатомией, неудивительно, что именно трансформация тела стала одной из главных тем современной еврейской литературы. В крайних формах эта озабоченность приобретает комический характер. В «Превращении» Ф. Кафки Грегор Замза, проснувшись, обнаруживает, что превратился в огромное насекомое, а потому его движения ограничены, и он не в состоянии даже перевернуться. Ему надо заново строить свою жизнь в этом новом облике, который кажется отвратительным даже ему самому:

Лежа на панцирно-твердой спине, он видел, стоило ему приподнять голову, свой коричневый, выпуклый, разделенный дугообразными чешуйками живот, на верхушке которого еле держалось готовое вот-вот окончательно сползти одеяло. Его многочисленные, убого тонкие по сравнению с остальным телом ножки беспомощно копошились у него перед глазами[1].

После нескольких неудачных попыток Грегор выбирается из кровати и, открыв запертую дверь,

сталкивается с управляющим его фирмы, который в ужасе отшатывается от него и устремляется к выходу. Забавно, что Грегору, утратившему прежний облик, кажется, «что он ни в коем случае не должен отпускать управляющего в таком настроении, если не хочет поставить под удар свое положение в фирме», как будто это главное, что может помешать ему вернуться к исполнению своих обязанностей. Впрочем, новая жизнь оказывается не только ужасом и несчастьем: «Особенно любил он висеть на потолке; это было совсем не то, что лежать на полу; дышалось свободнее, тело легко покачивалось», правда, это «почти блаженное состояние» иногда заканчивалось падением, однако «теперь он, конечно, владел своим телом совсем не так, как прежде, и с какой бы высоты он ни падал, он не причинял себе при этом никакого вреда».

Однако прогулки по стенам и потолку не понравились строгому отцу Грегора. Он начинает кидать в сына яблоками, одно из них, застряв в спине, причиняет ему страшную боль, и он теряет сознание как раз в тот момент, когда мать отчаянно кидается к отцу, спасая жизнь сына.

Яблоко так и не вынули, оно остается гнить у Грегора в спине. В результате начинается воспаление, от которого несчастный умирает. После смерти Грегора его семья получает возможность вернуться к нормальной жизни. Впервые за несколько месяцев супруги Замза отправляются на прогулку, «при виде их все более оживлявшейся дочери они почти одновременно подумали, что, несмотря на все горести, покрывшие бледностью ее щеки, она за последнее время расцвела и стала пышной красавицей. Приумолкнув и почти без-

отчетно перейдя на язык взглядов, они думали о том, что вот и пришло время подыскать ей хорошего мужа. И как бы в утверждение их новых мечтаний и прекрасных намерений, в конце их поездки дочь первая поднялась и выпрямила свое молодое тело». Таким образом, смерть одного тела, слишком гротескного, чтобы жить, освобождает юное прекрасное тело его сестры для жизни, здоровья и, скорее всего, для секса.

Дедушка Франца Кафки был резником, и в детстве писателя потряс его вид: руки деда были покрыты кровью и кусочками мяса. Взаимоотношения Кафки с его отцом Германом складывались драматично: Франц был обижен на него и в письме, написанном в 1919 году, обвинил отца в том, что тот превратил в отвратительный фарс его *бар мицву*, а также семейные пасхальные *седеры*[2]. В 1914 году Кафка записал в своем дневнике: «Что у меня общего с евреями? У меня даже с самим собой мало общего, и я должен бы совсем тихо, довольный тем, что могу дышать, забиться в какой-нибудь угол»[3].

Разумеется, именно это и было тем общим, что он разделял с другими евреями. Кафка отверг религию, однако в разные годы жизни проявлял живой интерес к еврейскому фольклору, обожал театр на идише и сам язык, считал свою болезненность, не позволившую ему служить в армии во время Первой мировой, специфически еврейской; обращался к еврейским темам во время романов с еврейскими женщинами, изучал иврит, думал о переезде в Палестину. Словом, молодой Франц имел с евреями гораздо больше общего, чем принято считать.

Между двумя мировыми войнами евреи хотели быть такими же, как все, то есть забиться в

какой-нибудь угол и радоваться тому, что могут дышать. Однако их лишили даже этого. Грегор проснулся насекомым, лишившись возможности претендовать на нормальную жизнь, быть представителем среднего класса. В двух самых известных романах: «Процесс» и «Замок», написанных под впечатлением от роста антисемитизма и дела Дрейфуса, главные герои — евреи, Йосеф К. и просто К. — бессмысленно и безнадежно мечутся в мире, в котором они ощущают себя совершенно чужими и где им решительно нет места.

В «Искусстве голодания» главный герой голодает по 40 дней, чтобы произвести впечатление на посетителей и директора цирка. Он все время борется с искушением поголодать подольше, вопреки требованиям импресарио, который в конце номера «отдает» артиста какой-нибудь даме:

Теперь артисту приходилось терпеть все; его голова висела на уровне груди, как будто скатилась туда и необъяснимым образом там держалась; его туловище так и зияло своей впалостью; его ноги, точно в инстинкте самосохранения, плотно жались в коленях одна к другой, но тем не менее передвигались по полу так, словно это был не настоящий пол, настоящий они пока только искали... И весь, правда, очень незначительный вес его тела лежал на одной из дам, которая в поисках помощи, с учащенным дыханием — такой она не представляла себе эту почетную должность — сперва усиленно вытягивала свою шею, чтобы предохранить хотя бы лицо от прикосновения к артисту, затем же — поскольку ей это не удавалось и ее более удачливая спутница не оказывала ей поддержки, а довольствовалась тем, что, вся трепеща, несла перед собой руку артиста, этот маленький пучок костей, — затем она не удерживалась от того, чтобы под восторженный хохот зала не расплакаться, вследствие чего заменялась давно стоящим тут же наготове прислужником[4].

Практически сексуальное увлечение сменялось у этих нееврейских дам отвращением, стоило им понять, что они имеют дело с патологически страдающим существом. «Еврейская» слабость, избавившая Кафку от воинской службы, доведена здесь до предела, за которым следует небытие.

Однако наиболее горьким является в этом смысле рассказ «Отчет для академии», в котором обезьяна, которую заставили стать человеком, выступает перед ученой аудиторией с самоотчетом. Обезьяна рассказывает, как ее ранили и поймали (полученная при этом рана оставила незаживающий шрам, напоминающий хромоту Яакова после схватки с ангелом), как ей поневоле пришлось отказаться от собственного «я», и дает уничижительную моральную оценку этой трансформации: «Повторяю, меня не прельщало подражать людям; я подражал им только потому, что искал выход, иных причин у меня не было»[5]. И ей это удалось, когда она произнесла свое первое слово «алло», когда у нее шумело в голове в результате овладения искусством пить шнапс. Если таков обезьяний взгляд на мир людей, к которому ей пришлось присоединиться, то точно так же еврей смотрит на мир неевреев, которым он вынужден подражать и который также грубо требует платы в виде подавления собственного «я».

«Превращение» породило множество подражаний. У Филипа Рота трансформация происходит в результате «всплеска гормонов» и «эндокринной катастрофы»[6]. В результате герой превращается в женскую грудь: «Я — женская грудь, молочная железа, отделенная от человеческого тела… организм, напоминающий мяч для американского

футбола... с плотностью губки...» Большая часть плоти превращается в жир, и тело становится практически овальным, если не считать соска сверху, где прежде была голова. Этот вырост имел семь отверстий, изначально молочных канальцев, «каждый примерно вполовину меньше мужского мочеиспускательного устройства».

Кроме того, еще одно свойство связывает нынешнюю гротескную внешность с тем, что, судя по всему, стало его отправным пунктом: «Мой сосок нежно-розового цвета — как и складочка, которую я обнаружил у основания пениса, когда пошел в душ в ту ночь, когда это со мной случилось». В отличие от изменения Грегора, у Давида трансформация от начала до конца связана с сексуальностью. Оно начинается «мягкими спорадическими покалываниями в области паха», затем следует изменение цвета, «как будто раздавили у основания пениса маленькую клубничку или, может быть, вишенку», отчего он стал «несомненно красного цвета». Более того, причиной столь заметной болезни становится странная внезапная гиперсексуальность. После годичной эротической скуки с миловидной женой герой неожиданно испытывает к ней сумасшедшую страсть:

Секс — не в голове, не в сердце, а в эпидермисе пениса... Я обнаружил, что пишу с наслаждением, царапая бумагу... Я взял в рот Кларино ухо и стал вылизывать его, как собака. Я лизал ее волосы. Я заметил, что, тяжело дыша, облизываю собственное плечо... «Это и называется развратом?» — спросил я счастливую подругу... Она лишь улыбнулась.

Расплатой за необузданную маскулинность становится погружение личности в бесформенную, пухлую грудь. Как-то санитарка, мывшая его в

больнице, роняет фразу, которая обжигает его, как огнем: «Я всего лишь мою тебе лицо» — «Мое лицо? Где мое лицо! Где мои руки? Где ноги? Где мой рот? Что со мной стало?» Подобно Грегору, он утратил свое тело, а то, что он получил взамен, сделало его одновременно бессильным и отвратительным.

При этом новое тело оказывается физически, даже сексуально пышным. Панцирь Грегора также вызывает отвращение, однако образ насекомого сугубо гротескный, это олицетворение неспособности жить полноценной жизнью, в то время как клубничка (или вишенка) Давида — зарница, предвещающая гормональный шторм, Грегор погибает от сексуального яблока, застрявшего в его высохшем теле и превратившегося в яд.

Герой «Искусства голодания» больше похож на Грегора, поскольку в результате преобразования его тело из-за отсутствия аппетита постепенно превращается в бестелесное ничто. Объясняя, зачем он голодал, умирающий герой шепчет, сложив губы, как для поцелуя:

Я вынужден голодать, я не могу по-другому... потому что я не мог найти еды, которая была бы мне по вкусу. Если бы я нашел ее, поверь мне, я бы не стал привлекать к себе никакого внимания, а ел бы в свое удовольствие, как ты и все остальные люди...

— А сейчас наведите-ка здесь порядок! — приказал смотритель, и артиста, практиковавшего искусство голодания, похоронили вместе с соломой. Впрочем, клетка артиста пустовала недолго — ее отдали молодому леопарду:

«Даже для самого отупевшего взора было ощутимой отрадой видеть, как в некогда безжизненной клетке теперь грациозно мечется этот дикий зверь. У него ни в чем не

было недостатка. Пищу, которая была ему по вкусу, надсмотрщики приносили для него без долгих раздумий; казалось, даже по свободе он не скучал; представлялось, что это благородное, до последнего мускула наделенное всем необходимым тело даже и свободу носило с собой; казалось, она сидела где-то в его клыках. И радость жизни таким горячим жаром била из его пасти, что зрителям нелегко было перед ним устоять. Но они брали себя в руки, обступали клетку со всех сторон и ни в какую не хотели от нее отходить...»

Так же как «Превращение», этот рассказ заканчивается торжеством юного, пышущего жизнью тела. Причем, как пишет Кафка, вид действительно живого существа таков, что «зрителям нелегко было перед ним устоять. Но они брали себя в руки». Напротив, Давид превращается в нечто слишком живое, слишком голодное и слишком удовлетворенное. Найдя «пищу», которая ему по вкусу, он пресыщается ею, пока она не становится им самим. Эти взаимные противоположности, изображенные средствами анатомического гротеска, напоминают крайности антисемитской карикатуры: евреи, изображенные на них, имеют либо слишком большие, либо очень маленькие тела. Сегодня их изображают кастрированными (слишком обрезанными) евнухами с биржи, завтра — гиперсексуальными монстрами, преследующими христианских девственниц.

В любом случае они наделены гротескными чертами и обречены на поражение.

В отличие от деспотичного отца Грегора, отец Давида — «высокий, почтенный мужчина», бывший повар, ставший владельцем отеля в Катскильских горах, где несколько поколений нью-йоркских евреев традиционно проводят лето. (В каком-то смысле он потворствует ев-

рейским аппетитам, когда те позволяют себе расслабиться.) Обычный еврей, погруженный в еврейскую жизнь, он оказался достаточно сильным, чтобы сидеть с Дэви во время его «болезни», развлекая сына легкой беседой. Впрочем, отец перестал его целовать.

Что касается матери Давида, «слава Богу, что она мертва — если бы она была жива, это свело бы ее в могилу».

«Отчет для академии» намекает, что еврей может быть вынужден отказаться от своего языка в пользу чужого и даже изменить облик своего тела, однако он поступает так не по своей воле, а по принуждению, опьяненный своими тюремщиками, принудительно и не чистосердечно. Обезьяна Кафки (или еврей) может стать человеком только при помощи уловок — таков нелицеприятный взгляд на основы человеческой морали.

Действительно, аморальность европейского отношения к евреям не знала границ, и довольно скоро еврейские писатели оказались перед величайшим вызовом, с которым когда-либо доводилось сталкиваться людям искусства. Несколько крупных еврейских писателей мысленно представляли этот ужас как полное превращение тела в ничто. Величайшая поэма Пауля Целана[7], «Todesfuge» («Фуга смерти») — холоднопрекрасное произведение об Освенциме — раз за разом возвращается к противопоставлению двух девушек: золотой Маргариты и пепельной Шломит.

Однако поэма развоплощает и убитых евреев. Примо Леви[8], известный итало-еврейский писа-

тель, также переживший Катастрофу, говорил о «Фуге смерти»: «И ношу ее в себе, как прививку». В своем романе «Если не сейчас, то когда» сам Леви цитирует партизанскую песню, где среди прочего пелось, что убитые евреи «вырыли себе могилу в воздухе». Через много лет после войны Целан и Леви покончили с собой: пережив эпоху Гитлера, они не смогли оставаться в жизни с тем, что пережили там и что оттуда вынесли.

В поэме, посвященной убитому сыну, Авраѓам Суцкевер[9], возможно величайший поэт, писавший на идише, «превратил» его в столь иллюзорную субстанцию, как дым и облака. Другой образ из этой поэмы также звучит отголоском традиционного «прах ты, и в прах возвратишься»:

Я оставлю тебя спать
В манящем снегу,
И ты утонешь в нем,
На закате дня.
Ты станешь погружаться
Все глубже и глубже,
И передашь мой привет
Замерзшей траве.

Синтия Озик[10], писавшая десятилетия спустя о том, что ей, к счастью, не довелось пережить лично, представляет превращение другого убитого ребенка, как оно видится его убитой горем матери:

Далеко, очень далеко Магда с трудом перегнулась через живот, протянула вперед ручки-прутики. Она взлетела высоко и ехала на чьем-то плече. Но плечо, на котором сидела Магда, двигалось не к Розе и не к шали, оно уплывало прочь, и пятнышко силуэта Магды удалялось в дымчатую даль. Над плечом поблескивала каска. Луч света упал

на каску, и она засияла как драгоценный кубок. Черный плащ домино, с капюшоном под каской, и черные сапоги двинулись к забору с током.

Человек в каске бросил ребенка на электрическое заграждение. «Электрические голоса загомонили. "Мааааа, мааааа, мааа", — в унисон гудели они. Теперь Магда была совсем далеко от Розы, их разделяли площадь и десяток бараков — она была уже на другом краю. Такая маленькая, не больше мотылька»[11].

Отголоски рассказа «Шаль» звучат в повести «Роза», в которой постаревшая мать Розы, Магда, придумывает взрослую жизнь своей погибшей дочери и регулярно пишет ей письма. В прачечной самообслуживания она знакомится с семидесятилетним стариком «с фальшивыми зубами, отвислым подбородком, с залихватским рыжим париком, купленным Бог знает где»[12]. Они решают пойти в кафе «Кошерная камея Коллинза», к этому моменту она чувствует себя измученной.

Роза посмотрелась в витрину. Пряди волос, выбившиеся из пучка, свисали до плеч. В витрине отражалась старая потрепанная птица с обвисшими перьями. Тощая — аист. На платье не хватало пуговицы, но, может, этот срам прикрывала пряжка ремня.

Она, задыхаясь, села. Кругом позвякивали ножи с вилками. Одно старичье собралось. Словно в столовой санатория. У каждого палка, спина колесом, акриловые зубы, туфли специально для подагрических ног. В вырезах и распахнутых воротах крапчатая кожа, устрашающие ключицы, морщины над сникшими грудями. Кондиционер работал слишком рьяно; она чувствовала, как прохладный пот струится вниз, от шеи, по позвоночнику, к копчику. Она боялась пошевелиться; у стула была плетеная спинка и черное пластиковое сиденье. Еще одно

движение, и поползет старушечий запах — мочи, соленого пота, усталости. Одышка прошла, теперь била дрожь. Да плевать мне. Я ко всему привыкла.

В воображении матери Магда — молодая замужняя женщина живее всех живых. «Прости меня, моя желтая львица», — начинает она одно из своих писем, в котором также называет дочь «моя чистая, моя снежная королева». Письмо заканчивается так: «Стелле я говорю то, что ей нравится слышать. Мое дитя погибло. Погибло. Она всегда этого хотела. Она всегда к тебе ревновала. У нее нет сердца. Даже теперь она верит, что я тебя потеряла, а ты — ты живешь в Нью-Йорке у нее под боком, камнем можно добросить. Пусть думает что хочет; у нее, бедняжки, мозги набекрень; ты есть, и для меня это главная радость. Мой желтый цветок! Лепесток солнца!»

У Магды нет тела, тогда как ее мать — практически только тело, причем весьма дряхлое. Однако воля ее по-прежнему сильна. Она оказалась во Флориде после того, как «бросила свой магазин: разгромила собственными руками, часть — большим молотком, часть — железной штуковиной, которую подобрала в сточной канаве, и переехала в Майами». Она также способна призвать, по своему желанию, свою погибшую дочь:

Вся комната была полна Магдой: она была как бабочка, сразу и в том углу, и в этом. Роза ждала: в каком возрасте окажется Магда? Чудесно, если шестнадцатилетней девушкой; расцветающие девушки движутся так быстро, что их блузки и юбки раздуваются, как воздушные шары; в шестнадцать они всегда бабочки. Перед ней была Магда — вся в расцвете юности. На ней платье, которое Роза носила в старших классах. Роза обрадовалась: это было платье небесного цвета, умеренно-голубое, с черными пуговицами,

будто сделанными из круглых кусочков угля, они казались погасшими осколками звезд. Перски никогда не видал таких пуговиц, таких черных и таких блестящих, необычных, с неровными гранями: они были как кусочки настоящего угля, взятого из недр Земли или какой-то другой планеты. Волосы у Магды были по-прежнему желтые, как лютики, и такие тонкие и гладкие, что две заколки в форме фунтиков все время соскальзывали к подбородку, который очень украшал ее лицо, с другим подбородком оно было бы не таким выразительным. Нижняя челюсть была самую чуточку длинновата, овал лица продолговатый, поэтому рот ее, и в особенности нижняя губа, не теснились, а отлично распределялись на достаточном пространстве. Соответственно рот выглядел столь же значительно, как небесное тело, застывшее посреди орбиты, и Магдины напоенные небом глаза, чуть ли не прямоугольные в уголках, выглядели как два услужливых спутника.

Роза воссоздает лицо Магды из прозрачного ничто, и оно оказывается удивительно прекрасно.

Однако Роза позволяет любимой дочери уйти, когда звонит ее новый семидесятилетний поклонник; она выбирает вместо идиллии после Катастрофы реальность престарелого, безобразного, нелепого, но поразительно живого тела; на месте бесплотной фантазии оказываются два дряхлых, плохо пахнущих тела. Впрочем, Магда не менее реальна, чем Роза или ее поклонник; все вместе они создают почти связный нарратив тела и того, как оно нас предает (несколько медленнее, но так же наверняка, как тело Грегора); нарратив плотскости, нарратив слабости, прерываемой вспышками силы и томительной сексуальности; нарратив глубоко еврейский и вместе с тем — глубоко человеческий.

В написанных на идише романах и рассказах Исаака Башевиса Зингера[13] преображение тела

неразрывно переплетено с преображением духа. В «Сатане в Горае» обиженная судьбой молодая женщина (действие романа происходит в XVII веке, в эпоху погромов, ложного мессианства и всеевропейских волнений) одержима *дибуком*[14], посланцем дьявола, и таким образом она становится угрозой для всей еврейской общины, пока наконец не удается изгнать беса из ее тела. Измученная экзорцизмом, бедная женщина умирает: ее тело не способно выдержать это духовное вероломство.

Напротив, в комическом романе «Люблинский штукарь» главный герой, внешне вполне обычный еврей, ведет тайную жизнь фокусника. Эта тайна вынуждает его к бесконечным переодеваниям и побегам в духе Гудини; кроме того, у него одновременно четыре любовницы и жена, так что, маневрируя между ними, ему все время приходится что-то скрывать. Но в конце книги благодаря какой-то непонятной магии он вновь становится хорошим, благочестивым евреем.

В чудесном рассказе «Тойбеле и ее демон» настоящих демонов нет, однако некий мужчина с богатым воображением становится «заместителем демона». Тойбеле — покинутая жена (для религиозной еврейки это практически безвыходная ситуация), ее муж бросил жену тогда, когда умерли трое их детей, и сейчас она не может снова выйти замуж, пока не будет доподлинно известно, что ее беглый муж умер. Бобыль Элхонон, обнищавший помощник учителя, подслушал ее ночной разговор с подругой о книге, в которой молодую еврейку изнасиловал демон. Тогда он прокрадывается к Тойбеле в спальню и представляется «племянником Асмодея», короля демонов,

после чего заявляет, что ее муж мертв. «Тойбеле, поскольку это был демон, а не мужчина, не ответила на его поцелуи, и борода Элхонона увлажнилась от ее слез. Пусть это и был злой дух, но он не принес ей зла...»[15]

Элхонон уверяет Тойбеле, что специально оставил свое настоящее бесовское тело и принял человеческий облик, чтобы она не умерла от страха. «Демон» в течение года навещает ее дважды в неделю, бывает с ней невероятно ласков и постепенно очаровывает ее сказками о мире демонов. Он утверждает, что у него семь жен-демониц, и подробно описывает каждую из них.

Тойбеле полюбила Элхонона, и, хотя она умирает, так и не узнав, кто он на самом деле, ему удается полностью изменить жизнь женщины благодаря этой причудливой человеческой уловке, напоминающей любовные обманы, столь часто встречающиеся на страницах Библии, нередко — с весьма счастливым исходом. Она приходит на похороны настоящего Элхонона, но не видит никакой связи между ним и ее возлюбленным и просто оплакивает свою и его одинокую жизнь, не зная, что много лет они скрашивали одиночество друг друга. В этом и других произведениях Зингера секс многолик: он телесен и фантастичен, искренен и лжив, эгоистичен и жертвенен, несет разрушение и избавление — в общем, все совсем как в жизни.

Несексуальная физическая доблесть тоже может стать темой еврейского литератора (хотя, как и в Библии, тема сексуальной доблести возникает не реже). В романе «Гендерсон, повелитель дождя»[16] главный герой, огромный мужчина почти сверх-

человеческой силы, участвует в войне, строит ферму, где своими руками выращивает и забивает свиней, а затем отправляется в Африку, где, подняв огромного каменного идола, которого никто не мог сдвинуть с места, становится преемником племенного вождя, вынужденным ублажать всех многочисленных жен своего предшественника.

В романе «Прирожденный умелец»[17] величайшего в истории бейсболиста ранит выстрелом в живот безумная женщина, вынудив его оставить спорт на двадцать лет. Однако он все-таки возвращается, уже будучи, по спортивным меркам, глубоким стариком, и находит в себе достаточно сил, чтобы принести победу своей команде. Правда, при этом у него открывается рана, и он истекает кровью на глазах у своего сына.

Однако оба этих сильных героя — неевреи, и подобные образы весьма нетипичны для творчества обоих писателей. Героями Сола Беллоу и Бернарда Маламуда обычно становятся те, кого еще один талантливый писатель, Джозеф Эпштейн, назвал «легендарными маленькими евреями». У Беллоу это обычно насмешливые, погруженные в себя интеллектуалы, для которых крайне мучительно решиться на какое-либо действие. У Маламуда это торговцы, писатели и другие классические жертвы русского кровавого навета, которые чаще становятся объектом чужих действий, чем субъектами собственных. На их фоне и Гендерсон, и герой «Прирожденного умельца» — своего рода *големы*, то есть явно нееврейские существа, созданные писателями-«раввинами» для демонстрации сверхчеловеческой (и явно «сверхъеврейской») силы — того «дыхания жизни», которое вдохнули в них неверующие мудрецы.

Еще один неверующий мудрец, Филип Рот, также считается комическим певцом еврейского тела, причем не только и даже не в первую очередь благодаря упомянутому выше рассказу «Грудь». Начиная с повести «Прощай, Коламбус», с подробным описанием прекрасного спортивного (хотя и практически невидимого) тела Бренды Патимкин, и «Театра шаббата», где герой средних лет благоговейно мастурбирует на могиле своей возлюбленной, заканчивая романами «Обычный человек» и «Призрак уходит», где престарелый главный герой тщетно ухаживает за молодыми, пышущими здоровьем женщинами, — во всех своих книгах Рот неустанно описывает телесные проявления еврейской сексуальности.

Однако по-настоящему его комический талант раскрылся в «Случае Портного». Один из самых плотских еврейских романов, эта книга — томящая раблезианская импровизация на тему еврейского тела. Причем это роман не только о сексе. Рассказчик подробно описывает мучительную борьбу своего отца с непроходимостью кишечника, а также борьбу его матери с единственным сыном, который, по ее мнению, плохо ест. В одном из эпизодов, заставляя его съесть завтрак, она угрожает сыну длинным ножом, и, к сожалению, именно эта фарсовая сцена становится символом еврейского материнства.

Отвращение к самому себе, нередко проецируемое на окарикатуренных родителей, — один из самых сильных мотивов в жизни Портного. Впрочем, хотя он пытается нас уверить, что любил бы свое тело, если бы они ему не помешали, мы-то знаем лучше. Тело дает достаточно поводов

для недовольства, независимо от того, пытались ли наши родители настроить нас против него, поскольку старение, болезни, травмы, естественная слабость, неприятный запах, страх и грусть рано или поздно поражают любое нормальное, тленное человеческое тело, чаще всего, естественно, не вовремя. Причем это может произойти и с евреем, и с кем угодно.

Однако сердцевина комедии, безусловно, — сексуальная анатомия. Одно из трех возможных пониманий названия романа, медицинское, вынесено уже в эпиграф: «Невроз Портного (получил название по имени пациента Александра Портного, 1933 года рождения) — нервное расстройство, представляющее собой хронические половые извращения на фоне постоянного столкновения нравственных альтруистических побуждений и крайних сексуальных устремлений»[18]. Вся книга представляет беседу рассказчика с психоаналитиком, к которому часто обращается «доктор». Однако, хотя в книге звучат отголоски психоаналитических теорий, мнение самого Портного гораздо реалистичнее.

Сюжет и характер романа глубоко еврейские, а сама книга «наперчена» идишем, так что французский перевод, который я обнаружил на рынке в маленькой деревне Кессон-сур-Орб, был снабжен словарем идишских слов и идиом, большинство из которых сегодня не знают уже и в Америке. И рассказчик, и доктор — оба евреи, так же как и карикатурная семейка. Измученный запорами отец, проведший половину жизни в туалете и не умеющий взять в руки бейсбольную биту, мать с ножом и криком «кушай, а не то я тебя убью», с соблазнительны-

ми ногами в надушенных чулках, — все это, по крайней мере для рассказчика, носит ярко выраженный еврейский характер. Все вокруг обращают внимание на его национальность, и это заставляет его жестоко страдать:

Слушай, страдающий народ, сделай милость, засунь свои страдания в свою многострадальную задницу, а от меня отвяжись. От вас только и слышно: ты еврей, ты еврей, ты еврей! Нет, я прежде всего человек.

В это время в Европе полным ходом идет уничтожение евреев, но мальчик, естественно, мечтает о нормальной жизни.

Волею судьбы этот человек также оказывается гиперсексуалом и, начиная с *бар мицвы,* мастурбирует ежедневно в любое время дня и ночи, стоит ему увидеть нечто напоминающее часть женского тела.

В ту пору я постоянно пребывал среди слипшихся носовых платков, мокрых салфеток, запачканных пижам. При этом и я, и мой задроченный член постоянно тряслись от страха, что наши постыдные упражнения будут кем-либо обнаружены: вдруг кто-нибудь увидит, как я дрочу и кончаю.

Возбудителем могли стать молочная бутылка, яблоко и даже кусок печенки из маминого холодильника: «...чью девственность я нарушил за афишной тумбой в рамках подготовки к бар мицве»[19]. Впрочем, этот кусок печенки был не первым:

Первый раз я трахал эту, мамину печенку в ванной, пока ее не было дома, где-то приблизительно в три тридцать, а в пять тридцать мы все вместе ее начали есть. Вот, теперь вы все знаете о моем самом страшном злодеянии — я трахнул целый обед.

Вскоре он начинает проделывать это и с женщинами (как трахать, так и оскорблять их в лучших чувствах), однако исключительно с *шиксами*. Некоторые его подруги были из типичных англосаксонских протестантских семей, но одна из них «дочь шахтера из Западной Виргинии, некогда принадлежавшая к сливкам общества, бывшая манекенщица», с трудом умеющая читать и писать, не только обладала красивой внешностью, но и была самой сексуально одаренной женщиной планеты. На первых порах героя еще сдерживал характерный еврейский *шнобель*. Однако когда он обнаруживает, что многим нееврейским женщинам он нравится как еврей, то насыщается ими до предела.

Вместе с тем в Израиле, где он дважды пытается флиртовать с еврейскими женщинами в еврейской стране, он дважды оказывается импотентом. Первый раз, когда он знакомится

> …с молодой женщиной. У нее зеленые глаза и загорелая кожа, а кроме того, она лейтенант израильской армии… Я восхищен ее миниатюрной чувственной фигуркой, перехваченной в талии широким ремнем цвета хаки.

А затем у него ничего не получается с бывшей солдаткой, кибуцницей, когда она, сопротивляясь попытке изнасилования, обличает при этом его еврейскую галутную слабость. Используя тактику израильской армии, она ненадолго одерживает верх, но затем он придавливает ее своим телом — и тут у него пропадает эрекция. «Доктор, мой член не встает в государстве Израиль! Какой тут к черту символизм, буби?»

Впрочем, это не главная проблема, которая ему мешает: «Доктор, скорей, доктор, помогите —

верните либидо еврейскому мальчику! Верните ему его собственное достоинство! Назовите любой гонорар, только помогите — я, не моргнув, заплачу!» Он убежден, что лишен возможности наслаждаться своим телом из-за своего еврейского — читай, подавляющего — детства. Поэтому его возбуждают любые нееврейские женщины, однако американские еврейки слишком напоминают ему его маму, а израильтянки — лишают мужской силы, поскольку они гораздо больше мужчины, чем он. Израильтянки — женское воплощение «мускулистых евреев», очистившиеся несколькими поколениями войн и труда на своей земле; он же — классический женственный европейский галутный еврей, ставший в Америке еще более жалким — оторванным от традиций, мечтающим о мужестве, но не продвинувшимся дальше детской сексуальности тринадцатилетнего подростка. В соответствии с почтенной галутной традицией, он пытается решить свои проблемы, покончив со своим телом, однако книга заканчивается словами доктора: «Ну-с, тепер ми можем, пожалуй, начинайт. Да?»

Рассказ английского писателя Клайва Синклера «Футбольный клуб Уингейта» начинается с сообщения, что этот клуб — единственная еврейская команда в Лондонской лиге, причем, вопреки всем прогнозам, однажды она даже стала чемпионом. Названная в честь Орда Уингейта[20], английского офицера, участвовавшего в создании сил еврейской самообороны в Палестине («наш ответ Лоуренсу[21] — *гой*-сионист»), команда обычно пребывает в нижней части турнирной таблицы, однако в этот раз неожиданно выходит в финал.

Так же как боксерские бои с участием Барри Росса, финальный матч проходит в атмосфере национального соперничества, в которую погружены и игроки, и зрители. Рассказчик, еврейский мальчик, называет одного из игроков «еврейской ртутью», а хорошо одетого зрителя — «принцем старьевщиков». Игра заканчивается победой «Уингейта»: «Как только прозвучал финальный свисток, женщина в шубе из искусственного леопарда громко сказала: "Гитлер был прав! Евреев — в душ!" Подросток, сидевший рядом, обозвал ее "сукой", она дала ему пощечину, он ответил, она назвала его "грязным жидом", и ее здоровенный спутник начал избивать парня, пока не вмешался Эли Пинский».

«Эли был небольшого роста, поэтому *голем* лишь презрительно засмеялся». Он не знал, что Пинский в прошлом был чемпионом Англии в легком весе. «*Голем* отпустил мальчика и замахнулся на Пински. Его кулаки был размером с задницу. Пинский нырнул, как будто хотел отвесить поклон, потом выпрямился и спокойно разбил сопернику морду».

Под впечатлением этой двойной победы рассказчик решил записаться в школьную футбольную команду. Тренер отнесся к его затее скептически, пока не увидел парня в деле: «Неплохо, — отметил он, — я думал, ваш народ не очень жалует спорт… Полагаю, твой отец ведь зарабатывает кучу денег, а?» Однако другой еврейский ученик, Соломон, трусоват и плохо играет в футбол. Когда он отказывается присоединиться к играющим одноклассникам, тренер дает ему крепкий подзатыльник со словами: «У тебя нет выбора, ты — грязная куча рубленой печени».

Соломон присоединяется к играющим, которые, следуя примеру тренера, избивают его до слез.

Позже, уже в университете, в рассказчике пробуждается сексуальность благодаря Линде, «самой опытной девственнице Западного полушария». Под ее влиянием он начинает восхищаться Израилем (они встречаются в Еврейско-израильской ассоциации), особенно — во время Шестидневной войны, которая напоминает ему слова, услышанные перед победной игрой «Уингейта»: «Мы, евреи, все время были слишком суетливыми. Когда наша осторожность принесла нам хоть какую-то пользу?» Он хочет полететь в Израиль, чтобы хоть чем-нибудь помочь еврейской стране, но война заканчивается слишком быстро, так что им с Линдой остается только смотреть телевизор: «На экране танки пересекали Синайскую пустыню... Солдаты целовали Стену Плача... они выглядели так, будто выиграли главный приз... Такого душевного подъема я не чувствовал с того дня, как "Уингейт" выиграл Лондонскую лигу».

Они с Линдой поженились и провели медовый месяц в Израиле — там, где маленький Шломо, «грязная куча рубленой печени», стал солдатом и участвовал в войне. «Он больше не был хилым жиденком, каким его считали в школе... мужчина среди мужчин, настоящий еврейский *менч*[22]». Когда, выйдя из кинотеатра, Линда сталкивается с шайкой еврейских отморозков («четыре Эсава, искавших, с кем бы подраться»), Шломо вступается за нее и обращает их в бегство. Выясняется, что он стал чемпионом армии по боксу в легком весе.

В составе израильской сборной Шломо едет на Мюнхенскую Олимпиаду, но там на «сражение»

с ним выходит палестинский террорист: «Шломо не мог противостоять человеку с автоматом в руках; его “отбросили”, он вновь стал таким же беспомощным, как в школе». Конец рассказа возвращает нас к истории еврейского тела. Евреи стремились стать сильными, чтобы избавиться от многовековой слабости и презрения тех, кто был сильнее. Хилые еврейские мальчики становились чемпионами, хотя одной физической силы оказалось мало перед лицом современных технологий: сегодня побеждают не столько мышцы, сколько оружие, танки и самолеты. У израильских евреев, однако, есть и то и другое. Гибель Шломо подтолкнула его убитого горем друга к репатриации в Израиль: «Я хочу, чтобы мои дети родились в Израиле. *Ле-шана ѓаба бе-Йерушалаим* — в следующем году в Иерусалиме!»[23]

Глава 15
Еврейская сила

Уже в древнейшей из еврейских книг, Торе, сказано, что евреи уповают на силу Всевышнего. Одна из самых известных неевреям ивритских фраз, *бе-яд хазака у-бе-зроа нетуя,* означает «рукою крепкой и мышцей простертой». Эта фраза многократно повторяется во время праздничной трапезы в *Песах*, наиболее популярный из еврейских праздников: «И вывел нас Господь из Египта рукою сильною и мышцею простертою, и страхом великим, и знамениями, и чудесами» (Второзаконие, 26:8).

Происхождение этой древней, бесценной идеи представляет для нас немалый интерес. В шестой главе книги Исход (недельный раздел Торы *Вайера*[1]) Бог отвечает на наиболее дерзкий вызов, брошенный Ему одним из Его посланцев с тех пор, как Авраам учил Его справедливости, объясняя, почему не следует разрушать Сдом и Амору[2]. На этот раз вызов бросает Моше, который ведет себя еще более дерзко, чем Авраам, ибо даже не считает нужным извиняться.

Моше болезненно переживает конфликт с рабами-евреями, чья работа на фараона стала еще невыносимее после указа фараона, ответившего

тем самым на требование Моше (и Бога) отпустить евреев на свободу. Раньше евреям хотя бы выдавали солому для изготовления кирпичей, теперь же они должны сами собирать ее по полям, тогда как норма обжига кирпичей осталась прежней. Иными словами, Моше (и Бог) возложил новое непосильное бремя на их измученные тела. Поэтому они потребовали, чтобы Бог покарал не фараона, а Моше:

И встретили они Моше и Аћарона, стоявших пред ними при выходе их от фараона. И сказали им: да видит Господь и да судит вас за то, что вы омерзили дух наш в глазах фараона и рабов его, дав им меч в руку, чтобы убить нас (Исход, 5:20–21).

Поэтому неудивительно, что Моше обращается к Богу с плохо скрываемой обидой:

И обратился Моше к Господу, и сказал: «Владыка! Для чего ты сделал такое зло этому народу, зачем послал Ты меня? Ибо с того времени, как я пришел к фараону говорить именем Твоим, он начал хуже поступать с народом сим; а избавить не избавил Ты народа Твоего» (Исход, 5:22–23).

На это следует резкий, решительный ответ, как будто Бог ждал, пока Моше преисполнится праведным гневом:

И сказал Господь Моше: «Теперь увидишь ты, что Я сделаю с фараоном; по (действию) руки крепкой он отпустит их; и по (действию) руки крепкой (даже) выгонит он их из земли своей» (Исход, 6:1).

Далее Бог продолжает:

Являлся Я Аврааму, Ицхаку и Яакову Богом Всемогущим, а именем Моим «Предвечный» не открылся им. И Я поставил завет Мой с ними, чтобы дать им землю Ханаанскую, землю пребывания их, в которой они пребывали. И Я услышал также стенание сынов Израилевых, которых

египтяне порабощают, и вспомнил завет Мой. Потому скажи сынам Израилевым: «Я Господь, и выведу вас из-под ига египтян, и избавлю вас от служения им, и спасу вас мышцею простертою и казнями великими...» (Исход, 6:3–6).

С тех пор крепкая рука невидимого Бога помогала евреям во многих битвах. Перейдя Ям-Суф (Красное море) и видя трупы своих преследователей, они запели:

Господь муж брани, Господь имя Ему... Десница твоя. Господи, мощью вознесена, десница Твоя врага сокрушает... От гневного дыхания Твоего взгромоздились воды, стали, как стог, струи, смерзлись пучины в сердце моря. Ты простер десницу Твою: поглотила их земля (Исход, 15:3,6,8, 12).

Эта песня Моше, которую читают в синагогах каждый *шабат*[3], также описывает грядущие войны:

Услышали народы и трепещут; трепет объял жителей Филистии. Тогда смутились князья Эдома, вождей Моава объял трепет, оробели все жители Ханаана. Нападет на них страх и ужас; от величия десницы (силы) Твоей да умолкнут они, как камень, доколе проходит народ Твой, Господи, доколе проходит народ сей, который Ты сотворил (Исход, 15:14–16).

И действительно, египтяне оказались лишь первыми врагами евреев, на которых обрушилась крепкая рука Бога.

Поэтому в книге Второзаконие Моше призывает евреев не бояться битвы:

И скажет им: «Слушай, Израиль! Вы приступаете ныне к сражению с врагами вашими; да не ослабеет сердце ваше, не бойтесь, не трепещите пред ними и не ужасайтесь их. Ибо Господь, Бог ваш, идет с вами, чтобы воевать за вас с врагами вашими, спасти вас» (Второзаконие, 20:3–4).

В книге Судей Израилевых мы читаем, что Бог отдал Гидону странный приказ — распустить перед боем большую часть своей армии, поскольку

...слишком много народу с тобою, чтобы Я предал мидьянитян в руки их, дабы не возгордился предо Мною Израиль, сказав: «Моя рука спасла меня» (Книга Судей Израилевых, 7:2).

В 18-м псалме Бог

обучает руки мои битве, и разбит лук медный руками моими, Ты препоясал меня силой для войны, подчинил мне восставших на меня (Псалмы, 18:35, 40).

24-й псалом спрашивает: «Кто этот Царь славы? » — и отвечает: «Господь сильный и могущественный, Господь, могущественный (в) войне» (Псалмы, 24:8).

Нет оснований предполагать, что древние евреи, как современные люди, воспринимали эти и другие подобные высказывания метафорически. Напротив, есть все основания полагать, что они понимали эти слова в высшей степени буквально. И если это справедливо для времен до разрушения Храма римлянами, когда евреи с оружием в руках сражались против своих врагов, то это тем более справедливо для диаспоры, где у евреев редко была возможность защищаться и где они вынуждены были всецело полагаться на Бога, который один мог защитить их от многочисленных врагов. Поэтому в диаспоре евреи культивировали иные способности, позволяющие не победить, а выжить.

Особенности еврейской силы редко кому удавалось описать так красноречиво и лаконично, как это сделал Марк Твен в статье «О евреях», опубликованной в журнале «Harper Monthly» в 1898 году.

В статье Твен писал о деле Дрейфуса и все чаще звучащих призывах изгнать евреев из Германии. Заканчивается статья так:

Если статистика верна, евреи составляют лишь четверть от одного процента всей человеческой расы. Это всего лишь пылинка по сравнению со сверкающей галактикой Млечного Пути. Было бы естественным, чтобы о евреях никто и никогда не слышал, но евреи всегда и везде у всех на слуху. Евреи выделяются среди всех народов планеты, и их важность вызывающе значительна вне всякой пропорции, определяемой их численностью.

Еврейский вклад в мировую цивилизацию — это огромный список великих имен в литературе, искусстве, музыке, финансах, медицине и многих других отраслях знаний[4].

Это было написано в 1898 году, прежде чем евреи успели получить 155 Нобелевских премий. Далее Твен писал:

Возникла цивилизация Древнего Египта, вышли на арену истории вавилоняне, удивили своими подвигами персы, затем все они вымерли и исчезли с лица земли; греки и римляне последовали за ними, произведя шум и фурор. И где они теперь? Другие народы продолжили эстафету, подхватив факел цивилизации, но он догорел, и народы остались в сумерках или вообще не видны.

Только евреи видели все эти цивилизации и сохранились с тех пор, не придя в упадок, не ослабев от времени, не потеряв своей энергии, не притупив своего быстрого и цепкого ума.

Все народы смертны, за исключением евреев, все появляются и исчезают, за исключением евреев. В чем же секрет их бессмертия?

(К сожалению, вскоре жизнь показала, что евреи оказались вполне смертными.)

В этой статье Твен подчеркивал достижения еврейского разума. Однако позже он писал:

Я, как и все христиане, не знал, что у евреев есть множество достижений и в качестве солдат... Я обнаружил, что они дали немало солдат во время революции, войны 1812 года, Мексиканской войны... Во время Гражданской войны в армии и флоте Севера и Юга сражалось 10 процентов еврейского населения — такой же процент, как и у христиан... Во время войны они не отличались от прочих солдат ни стойкостью, ни верностью, ни храбростью.

Проницательность Марка Твена становится практически сверхъестественной, когда он пишет, что евреи активно участвуют в политике, однако «распыляют силы и голоса... и теряют преимущества, которые имели бы, если бы объединились». Далее он с кривой усмешкой продолжает:

Герцль... мечтает собрать всех евреев вместе в Палестине, чтобы они сами собой управляли... И я не возражаю, однако... Мне кажется, было бы политически правильно это остановить. Было бы не очень хорошо дать этой расе обрести свою силу. Когда лошади чувствуют своих, на них становится невозможно ездить верхом.

В конце концов евреи все-таки собрались на своей земле, обрели свою силу, и никто больше не ездит на них верхом.

Правда, ни Твен, ни даже Герцль не понимали, что сила, которую им нужно было обрести, была не только духовной (научной, литературной, коммерческой), но прежде всего физической и военной. Более аполлонической, чем дионисийской, и, безусловно, более греческой (или как минимум силой *иврим*), чем еврейской[5]. Иными словами, евреи должны были отказаться от длившегося две тысячи лет ожидания, когда же, наконец, могучая и крепкая длань Бога начнет сражаться даже не вместе с ними, а вместо

них. События, до которых не дожили ни Твен, ни Герцль, доказали, что Бог желает, чтобы они позаботились о себе сами, препоясавшись для реальных, физических битв.

Тогда евреи начали копить физическую и военную силу, чтобы иметь возможность защитить духовную, интеллектуальную и коммерческую мощь, которую они обрели задолго до этого. Бог, как они теперь полагали, может быть на их стороне, однако не пойдет в бой в первых рядах и не впишет свое Имя в историю новых войн. Вновь им пришлось сражаться, чтобы получить кусок своей древней родины. Многие из них надеялись, что Бог поможет, однако и они не ждали, пока Всевышний вступит в игру. Отныне они полагались на собственную «руку крепкую и мышцу простертую».

Разумеется, до полной безопасности было далеко. После взрыва в иерусалимской пиццерии[6] колумнист «Washington Post» Джордж Ф. Уилл писал: «Израилю необходимы короткая война и высокие стены». В статье он процитировал Джека Келли, очевидца взрыва:

От взрыва... кусочки плоти долетали до балконов второго этажа здания на расстоянии квартала. Три человека были отброшены на десяток метров, их головы катились по покрытой осколками мостовой... Одной женщине вонзилось в шею по крайней мере шесть болтов... Какой-то мужчина стонал... у него оторвало ноги... из торса хлестала кровь... Трехлетняя девочка, чье лицо было покрыто стеклом, шла между трупами и звала маму... Один раввин обнаружил оторванную руку, лежащую на крыше «субару», припаркованной напротив ресторана.

Шестеро из пятнадцати погибших были детьми; до того как был построен забор безопасности, подобное повторялось регулярно. Палестинцы

тоже теряли детей, однако, как заметил Уилл, «израильские дети не были случайными жертвами — они были целью. Абдулла Шами, один из лидеров Исламского джихада, праздновал успех операции против «свиней и обезьян». Заявление Шами было передано официальным телеканалом Палестинской автономии: «Любое оружие можно использовать против евреев... Благословен всякий, выпустивший пулю в сердце еврея».

Палестинцам необходимо собственное государство, они его достойны и рано или поздно получат — если согласятся с еврейским присутствием в древней еврейской стране.

Еврейские тела, одетые в форму солдат Армии обороны Израиля, были использованы для самых разных целей. В 1982 году они выволакивали поселенцев из поселений Синая, богатой нефтью земли, обретенной ценой крови многих израильских солдат и возвращенной Египту в рамках мирного соглашения. В 2005 солдаты насильно изгоняли поселенцев из сектора Газа — это был широкий жест в направлении реализации плана «два государства для двух народов». Следствием этого шага стал град ракет, обрушившийся из Газы на города Израиля, гражданская война между палестинцами в самой Газе и захват власти в этом регионе террористической организацией Хамас. Тем не менее мирный процесс продолжается.

Эти акции с участием израильских солдат показывают, что произойдет, когда с палестинской стороны найдется партнер, готовый заключить мир. Когда придет это время, еврейские солдаты снова будут силой изгонять сопротивляющихся поселенцев, которые либо ограничатся пассивным сопротивлением, либо поднимут руку на

Еврейских детей, переживших Катастрофу, отправляют в Гамбург после того, как британские власти запретили капитану «Эксодуса» высадить пассажиров нелегального корабля в Хайфе в 1947 году

своих соплеменников-солдат. Изгонять будут с земли, за которую заплачено многими еврейскими жизнями и которая станет территорией палестинского государства. От того, что эти земли на западном берегу Иордана — сердцевина библейского Израиля, легче, естественно, не будет. Однако все к этому идет.

Между тем мир должен понять, что для евреев Катастрофа еще не отошла в область преданий; это произошло буквально вчѐра, одно историческое мгновение назад. Враги евреев, естественно, предпочитают отрицать, или забыть Катастрофу, или, по крайней мере, преуменьшить ее масштабы; они критикуют евреев, «выпячивающих» эту трагедию. Некоторые также утверждают, что Катастрофа не имеет никакого отношения к Ближнему Востоку, хотя эту ошибку не повторяют даже историки-палестинцы. Мир задолжал

государство Израиль евреям. Эта земля принадлежала им с незапамятных времен. Они были изгнаны оттуда западной великой державой, и величайшая держава Запада одобрила их возвращение. Там они и останутся.

Но разве иранская атомная бомба не сможет уничтожить миллионы израильтян разом? Разумеется, может, но после этого все иранские города превратятся в радиоактивные руины — чудовищная симметрия, подобная той, что в течение 40 лет предотвращала ядерную войну между США и СССР. Как поняли израильские атлеты на Мюнхенской Олимпиаде, физическая сила не всегда может защитить, но, по крайней мере, она может заставить окружающих тебя бояться. «Нам не будет оказано причитающееся нам уважение, мы сможем его потребовать, а если не сможем потребовать, то сможем взять силой».

Многие из переживших Катастрофу поселились в Израиле. Их называют «седьмой миллион» не только в память о шести миллионах убитых евреев, но чтобы подчеркнуть их влияние на характер еврейского государства. Однако в конце концов суровые крестьяне и солдаты, приехавшие в начале XX века, неожиданно для себя смешались с толпой жертв нацизма, причем уцелевшие голодные узники концлагерей сразу были брошены в бой против вторгнувшихся в Землю Израиля армий шести арабских государств. Старожилов и новоприбывших объединяла единая цель: никогда больше. Они родили детей, которых в первую очередь учили никогда не быть жертвами.

Эти новые еврейские дети часто спрашивали, как шесть миллионов евреев, не сопротивляясь, дали себя убить. Им рассказывали об эпизодах героического сопротивления, но чаще объясняли, что евреи Европы не умели воевать, тогда как их (молодых израильтян) воевать непременно научат. От всех страхов и сомнений прописывали одно радикальное средство: три года армейской службы, чтобы накачать мышцы, научиться владеть оружием и стать настоящими солдатами.

Они бывают в *Яд ва-Шем*, израильском музее Катастрофы, зажигают свечи, произносят короткие молитвы, может быть, немного плачут. После этого они возвращаются в строй, чтобы защищать свои дома и семьи — право, которого евреи были лишены на протяжении столетий. И отвечают на вопрос, заданный самим себе: мы — другие. Поэтому тот, кто в будущем задумает нас уничтожить, заплатит такую цену, которая и не снилась никому из наших прежних врагов.

Глава 16
Дочери Дворы

Не обращая внимания на жалобы Портного, женщины играли огромную роль в сионистском проекте начиная с первой волны эмигрантов. Если бы их тела не встали в строй, не было бы и современного Израиля. В 1899 году одна из них писала: «Я все еще скучаю по России. Очень трудно переносить жару и хамсин (пустынный ветер)... зимой идут дожди, и это лучшее время года... Зимой здесь много разных овощей и фруктов... Здесь можно жить, если Бог даст силу и здоровье»[1]. Впрочем, Бог далеко не всегда проявлял подобную щедрость. «Я сильно страдаю от перемены климата, на пятый день после приезда я заболела малярией, Боже упаси, и вот уже восемь дней лежу в постели. Каждый иностранец, приезжающий сюда жить, должен испить эту чашу, которая еще никого не миновала».

Четверть века спустя другая женщина высказывала свои сомнения по поводу эксперимента: «Раньше, в 1881–1882 годах в Палестину приезжали замечательные люди — идеалисты, первопроходцы... Сейчас, после 25 лет в стране, мы видим, что они полностью полагаются на чиновников, утратили веру в свое дело и нанимают арабских

рабочих. Они все полны горечи и безнадежности… Их сыновья не хотят трудится на отцовских фермах, и они покидают страну, поскольку не выдерживают напряженной работы»[2].

Кибуцное движение в это время только начинало развиваться, причем не слишком быстро, поскольку представителям обоего пола не хватало соответствующей закалки. Физические нагрузки были очень велики. А в 1912 году женщина по имени Аня записала в своем дневнике:

Мы ведем здесь странную жизнь. Каждый день делаем одну и ту же работу. Это очень однообразно. Каждое утро, едва встав с постели, я должна затопить печь, вскипятить молоко, почистить картошку и сварить какой-нибудь суп… Потом я должна вымыть посуду и подмести комнату. Теперь можно немного отдохнуть. Потом опять самовар, обед, посуда, усталость, сон. На следующий день — все сначала. Руки все время грязные. Я постоянно их мою и расстраиваюсь, что они стали такими грубыми… Нас здесь сейчас восемь: шесть мужчин, еще одна девушка и я. Один из наших товарищей умер на прошлой неделе. Он был простоватый, вежливый, большеглазый. Очень милый и приятный, живой и практичный — молодой человек 24 лет от роду.

Мы все еще не совсем вместе. Много взаимного непонимания. Мы такие разные. Я часто болею малярией. Климат здесь не очень здоровый. Я потолстела и постепенно худею. Они говорят, что надо верить, что настанут лучшие времена, но я в это не верю. Все поселение, весь район заражены холерой… Уже поздно… Завтра рано вставать[3].

Однако другая молодая женщина в 1925 году чувствовала осуществление мечты в своем собственном теле:

Я счастлива быть свободной, я получила снова жизненную силу и тепло и чувствую твердую почву под ногами… Много лет я связана с кибуцным движением, но только

Хана Сенеш в униформе венгерской армии во время праздника Пурим

сегодня понимаю, как прекрасно идти в ногу с другими людьми... которые борются за лучшее будущее. Я не слепа. Я вижу все недостатки нашей жизни... Я счастлива, так как люблю *кибуц* и верю в наш путь. Я буду счастлива помочь каждому, кто поймет нашу правду — и сможет найти дорогу, ведущую к нам[4].

Хана Сенеш тоже любила свой *кибуц*, и ее почти не пугали тяжелые физические нагрузки. Но началась Вторая мировая война, и Хана присоединилась к группе добровольцев, которых за-

бросили в германский тыл для спасения евреев. Хану схватили, пытали и казнили[5].

Хана Сенеш была одной из многих. Ветка Кемпнер, героиня Вильнюсского гетто, в 1942 году подорвала немецкий военный эшелон — и это стало первой успешной партизанской операцией[6]. Юная Суля Рубина бежала из белорусского гетто, присоединилась к партизанам, но была схвачена. Ее пытали несколько часов, но она никого не выдала[7]. Лиза Могун также была замучена и также не сказала немцам ни слова, а призыв *Лиза руфт*! («Лиза зовет!») вскоре стал кличем бойцов гетто[8]. Нюта Тейтельбойм выросла в варшавской ультраортодоксальной семье, однако волею судьбы выглядела, как арийская красавица; «маленькая Ванда с косами», как ее называли, завлекала своей красотой немецких охранников и убивала их выстрелом в упор. Она также погибла под пытками, а после войны была посмертно удостоена высшей воинской награды Польши[9].

Не меньший героизм проявляли и израильские женщины. Сара Аронсон, одна из первопоселенцев, возглавляла еврейскую шпионскую сеть, работавшую на англичан в годы Первой мировой. Турки схватили ее, пытали, и она, улучив момент, покончила с собой[10]. Двора Драхлер и Сара Чижик были среди десяти героев, павших во время защиты легендарного северного форпоста Тель-Хай[11]. В сороковых годах десятки тысяч женщин служили в *Ѓагане*[12]; женщины составляли треть бойцов *Пальмаха*[13], знаменитого подразделения еврейских «коммандос».

Во время Войны за независимость женщины сопровождали транспорты, двигавшиеся по

Девушки-добровольцы Ѓаганы, 1941 год
Плакат в центре призывает:
«Твое место — среди них»

простреливаемой местности, участвовали в защите поселений. Среди воевавших были доктор Рут Вестхаймер, впоследствии известная всей Америке как веселая и мудрая врач-сексолог[14], и кибуцница Шорика Браверманн, которую во время войны забросили с парашютом в немецкий тыл, и она вскоре присоединилась к югославским партизанам[15]. После войны Шорика Браверманн была ответственной за подготовку

к службе девушек, призванных в израильскую армию.

В последующих войнах Израиля женщины служили в боевых частях в качестве радисток и санитарок; одна женщина пилотировала вертолет, доставлявший пехоту на поле боя.

Большинство незамужних израильтянок и сегодня служат в армии в течение двух лет после окончания школы. Некоторые становятся инструкторами по стрельбе и обучают других. Есть те, кто добровольно вызываются служить в боевых частях или даже в авиации. Некоторые девушки обучают экипажи танков, что порой приводит к недоразумениям с восемнадцатилетними курсантами, зараженными мужским шовинизмом (в конечном итоге курсанты обычно признают свое поражение, потрясенные профессионализмом девушек-учительниц, знающих и умеющих все, что необходимо танкисту, чтобы выжить в бою).

Именно такие женщины лишили мужской силы инфантильного американского щеголя Портного; они напоминают об эпохе Судей Израиля, когда складывалось первое еврейское государство.

Одна из судей, Двора, прославилась мудростью и пророчествами, но в первую очередь тем, что командовала еврейской армией, разгромившей ханаанского полководца Сисру. Одержав сокрушительную победу, Двора сложила песню в собственную честь:

Не стало открытых городов в Израиле, не стало их, пока не встала я, Двора, пока не встала я, мать в Израиле. Когда избрал он божества новые, тогда — война у ворот. Видели ли щит и копье у сорока тысяч израильтян? Сердце мое —

правителям Израиля, добровольным заступникам в народе; славьте Господа! Ездящие на ослицах белых, восседающие на суде и ходящие по дороге, повествуйте! С голоса тех, кто пускает стрелы у колодцев, там воспоют праведные деяния Господа. Праведные деяния с открытыми городами в Израиле; тогда сошел ко вратам (городов) народ Господень. Воспрянь, воспрянь, Двора, воспрянь, воспрянь! Воспой песнь! Встань, Барак, и бери в плен пленников твоих, сын Авиноама! (Книга Судей Израилевых, 5:7–12).

Однако Двора была не единственной героиней. Во время этой войны еще одна женщина, Яэль, приблизила победу, убив вражеского полководца, укрывшегося в ее шатре:

А Яэль, жена Хевера, взяла кол от шатра и молот взяла в руку свою, и подошла к нему тихонько, и вонзила в висок его кол, и воткнулся тот в землю, когда он уснул уставший; и он умер (Книга Судей Израилевых, 4:21).

Апокриф Книга Иудифи[16] (Юдифь, Йеѓудит) рассказывает о молодой богатой вдове.

Она была красива видом и весьма привлекательна взором; муж ее, Манассия, оставил ей золото и серебро, слуг и служанок, скот и поля, чем она и владела. И никто не укорял ее злым словом, потому что она была очень богобоязненна (Книга Иудифи, 8:7–8).

Когда город был осажден превосходящей ассирийской армией, горожане хотели сдаться. Тогда Юдифь

сняла с себя вретище, которое надевала, сняла и одежды вдовства своего, омыла тело водою и намастилась драгоценным миром, причесала волосы и надела на голову повязку, оделась в одежды веселия своего, в которые она наряжалась во дни жизни мужа своего Манассии; обула ноги свои в сандалии, и возложила на себя цепочки, за-

пястья, кольца, серьги и все свои наряды, и разукрасила себя, чтобы прельстить глаза мужчин, которые увидят ее (Книга Иудифи, 10:3–4).

Нарядившись, Юдифь направилась во вражеский стан, к военачальнику Олоферну. Увидев его, она сказала, что хочет стать его возлюбленной и готова доносить ему. Однако ночью, когда Олоферн, собираясь воспользоваться ее предложением, напился допьяна, Юдифь отрезала ему голову его же кинжалом. После этого ассирийцы сняли осаду.

Если Двору можно считать предшественницей израильских девушек-солдаток, то Яэль и Юдифь могут считаться предшественницами Нюты Тейтельбойм, «маленькой Ванды с косами», а также разведчиц *Мосада*, защищающих свою страну при помощи обмана и соблазнения.

Однако самая главная еврейская книга о женщине, «ставшей мужчиной», не имеет ничего общего с войной и насилием и описывает иное соперничество, бывшее неотъемлемой частью еврейской жизни в течение многих веков. Речь идет о рассказе Башевиса-Зингера «Ентл-ешиботник», где секретный мужской мир показан глазами долго и безнадежно мечтавшей о нем юной девушки. В музыкальной мелодраме, созданной на основе бродвейской постановки, Ентл играет Барбра Стрейзанд. Это девочка с огромными способностями к учебе, и ее отец соглашается стать ее учителем. Правда, при этом он говорит дочери:

— Ентл, у тебя мужская душа.

— Тогда почему я родилась женщиной?

— Даже Небо иногда ошибается[17].

Когда отец скоропостижно скончался, Ентл не согласилась с тем, чтобы ее дальнейшая жизнь превратилась в обслуживание неизвестного человека, который, скорее всего, будет глупее ее. Поэтому она «обрезала косы, заложила за уши пейсы и оделась во все отцовское. Затем, уложив в корзину кое-какое нижнее белье, *тфилин* и несколько книг, пешком отправилась в Люблин», где присоединилась к многочисленным юношам, оставившим маленькие местечки ради учебы в ешиве.

В ешиве ее лучшим другом, соседом по комнате, товарищем в учебе (и даже объектом тайных воздыханий) становится Авигдор, который покровительствует Ентл. Из-за тайны, связанной с его прошлым, он не может жениться на своей возлюбленной Ѓадасе, и на ней женится Ентл, ставшая Аншелем. Каким-то образом ей даже удается дефлорировать наивную Ѓадасу, которая «полюбила его без памяти». Однако Ентл в конце концов открывается Авигдору (в буквальном смысле — иначе он бы не поверил, что она женщина), и после первого шока — ведь они нарушили множество заповедей, касающихся отношений мужчины и женщины, — эта парочка думает о том, а не сочетаться ли им теперь браком. Однако Ентл отказывается: «Я хотела заниматься с тобой изучением *Гемары*[18] и комментариев, а не штопать твои носки!» Она покидает Ѓадасу, на которой наконец-то женится Авигдор. Своего первенца они называют Аншель.

Увидевший свет в 1962 году рассказ «Ентл-ешиботник» помог открыть перед женщинами ворота мужских бастионов. Вторая волна фе-

минизма породила у многих женщин желание стать раввином, кантором, руководительницей общины или просто изучать Талмуд, комментарии или еврейскую теологию (даже ортодоксальную). Так что сегодня в еврейском мире у женщин есть множество «соблазнов», и они чувствуют себя одинаково уверенно как в своем женском теле, так и в роли еврейских духовных лидеров.

Глава 17
Еврейские гены?

Эта книга начиналась как эссе о еврейских генах, но с первых же страниц нам пришлось брать в расчет еврейский разум. Народ, обрезавший свой детородный орган, чтобы улучшить его, доведя до совершенства акт Божественного творения своего тела, также вообразил Бога не имеющим тела и донес эту странную идею до миллиардов людей. Даже когда еврейское тело с его обрезанной крайней плотью, ежемесячными кровотечениями, диетой без свинины и креветок, обязательным для сексуальных отношений духовным слиянием, ритуальными омовениями в специальном бассейне и стремительным разложением после смерти превратилось в навязчивую идею еврейского закона, даже тогда приоритет еврейского разума над телом — эта своеобразная еврейская навязчивая идея — оказался гораздо сильнее.

Если евреи когда-либо поклонялись кому-то, кроме Бога, то это было поклонение тексту. После разрушения Первого храма и вавилонского изгнания молитва и изучение Торы постепенно заменили жертвоприношения. Когда евреи вернулись и восстановили Храм, по праздникам там вновь потекли реки жертвенной крови, однако параллель-

но евреи продолжали читать, изучать и обсуждать Тору. Когда же и этот Храм был разрушен, они в буквальном смысле прилепились к Торе: не расставались с ней, куда бы ни забросила их судьба, целовали свитки, упакованные в особые бархатные одежды с золотыми и серебряными украшениями, любовно разворачивали их для чтения нараспев и благословения, а главное — подчиняли ее законам повседневную жизнь собственного тела.

Чему нас это учит? Этот вопрос все время был на еврейских устах. При этом евреи не просто выясняли смысл фразы, абзаца или главы, но обсуждали, почему некое слово повторено дважды, вычисляли числовое значение слов и даже анализировали особенности формы некоторых букв, скрупулезно сохраняемые переписчиками-каллиграфами на протяжении столетий. Обдумывая эти «мелочи», евреи пытались понять желание самого Бога.

«Из уст Всевышнего, из рук Моше», — поют евреи, где бы они ни жили, каждую субботу во время утренней молитвы. У бестелесного Бога есть, по крайней мере, метафорические уста, которыми он диктовал Тору пророку, записывавшему своей верной рукой. Поэтому уже во времена Храма, когда бесчисленному количеству барашков без физических недостатков взрезали горло ножами без единой зазубрины, чтобы возложить их на священный алтарь, уже в эти времена начинались дискуссии, положившие начало тому, что позже станет Талмудом.

В этой многотомной книге, непонятой и проклятой врагами еврейского народа, были собраны дискуссии величайших мудрецов нескольких поколений, которые постепенно выкристаллизо-

вались в конкретные законы, диктующие евреям, как им следует жить.

Чтение, толкование, интерпретация, обдумывание, обсуждение, обсуждение обсуждения и т. д. были сутью иудаизма практически с самого начала.

Отвечать вопросом на вопрос — это не шутка, а образ жизни, это алгоритм рассуждения, основанного на том, что ни одна мельчайшая деталь закона не может остаться без внимания, ни один сюжет — нераскрытым, ни один символ — нерасшифрованным, ни один интеллектуальный камень (или страница) — неперевернутым.

С точки зрения постороннего, еврея или нееврея, еврейское тело и еврейский разум были неотделимы друг от друга, поскольку до недавнего времени никто не сомневался в том, что разум и души разных этнических групп различаются биологически не меньше, чем их тела. Последователь Аристотеля Феофраст называл евреев «племенем философов». Античные антисемиты и отцы церкви связывали физические особенности евреев с приписываемыми им отрицательными чертами характера: алчностью, ленью, слабостью, трусостью и порочностью. Так же поступали и великие писатели от Чосера до Диккенса, так что к концу XIX века большинство европейских мыслителей были твердо уверены, что евреи являются расой с неизменными физическими и психическими качествами. Со временем этот теоретический вывод привел к убийству шести миллионов.

С тех пор много воды утекло. Современные интеллектуалы отрицают, что евреи являются ра-

сой или даже нацией, и настаивают на том, что иудаизм, подобно христианству и исламу, никак не связан с какой-либо конкретной этнической группой. Это почти общепринятое мнение. Величайшая трагедия еврейской, если не всей человеческой истории в значительной степени произошла из-за ложного утверждения, что евреи являются *нацией*, что еврейство определяется кровью, генами, расой…

Однако нужно ли, в память о Катастрофе, раз и навсегда отказаться от любых предположений, что евреи могут биологически отличаться от прочих народов?

К сожалению, склонность к упрощению, так называемая политкорректность или даже просто обычная забота о физической безопасности приводят к тому, что на вопрос о еврейской национальности невозможно ответить, пользуясь философскими и политическими терминами. Нацисты, безусловно, отвечали на этот вопрос неверно, однако значит ли это, что правильный ответ непременно следует искать методом от противного? А если нет, то как на этот вопрос ответим мы?

Современная антропология определяет расу совершенно иначе, чем пятьдесят лет назад, когда, как нам казалось, мы усвоили урок разрушительных действий расовых теорий начала XX века. Поэтому то, о чем говорят социальные и культурные антропологи, имеет мало общего с биологией. Они вполне справедливо предполагают, что существует единый биологический вид, объединяющий шесть миллиардов человеческих разумов и сердец, искусственно разделенных на группы в соответствии с различиями,

вызывающими враждебную реакцию (чаще всего видимыми, такими, как цвет кожи, разрез глаз или форма носа). Эта тенденция отражает естественную человеческую слабость к упрощенной дихотомизации всего существующего: день и ночь, чистый и нечистый, истинный и ложный и, разумеется, черный и белый. Каждая из пар противоположностей отражает не сложную реальность и разнообразие, но ложную дихотомию.

Каждому элементу пары также приписывается ценность — один элемент считается лучше другого. Поэтому, когда мы разделяем человечество на расы, человечество фактически делится на две «неравных» части — мы и они, наши и чужие. Разумеется, реальность непрерывна, и почти все различия имеют статистическую природу, однако стремление к дихотомизации раз за разом приводит нас к биполярной картине — мы и они. Разумеется, мы при этом гораздо лучше.

Психоаналитик Эрик Эриксон называл это квазивидообразованием (pseudo-speciation), когда за некоторыми категориями людей фактически отрицается принадлежность к соответствующему виду и при этом в буквальном смысле происходит дегуманизация другого. Среди тех, кто когда-либо становился жертвой квазивидообразования, евреи пострадали едва ли не больше всех остальных.

Так что можно было бы предположить, что одного этого факта нам будет достаточно, чтобы не касаться биологических различий.

Вплоть до самого недавнего времени в книгах, посвященных еврейскому телу, мы вы-

нуждены были игнорировать вопрос, ответ на который, по мнению наших врагов, давно известен: «*Существуют ли какие-либо специфически еврейские генетические особенности?*» Еще десять–двадцать лет назад в ответ на этот вопрос можно было указать, насколько не похожи друг на друга евреи, живущие в разных частях света. Можно было бы также напомнить и о том, что евреем можно *стать*, приняв иудаизм, и поэтому еврейство в данном случае — это то же самое, что христианство или ислам, то есть это принадлежность к религии, к которой можно принадлежать и которую можно оставить, и, следовательно, еврейство не имеет ничего общего с биологией или наследственностью.

Я помню, как в молодости спорил со своим тестем (отнюдь не расистом, а, напротив, очень либеральным, интеллигентным человеком), который высказывал и по тем временам неполиткорректное, но весьма оригинальное предположение, что многочисленные успехи евреев могут быть как-то связаны с их генетикой. Я со своей стороны был совершенно убежден, что это не так.

В наши дни, в эпоху генной инженерии, в этом нельзя быть настолько уверенным. Еврейские гены, чем бы они ни были, — не только часть, но и «источник» еврейского тела. Эмма Лазарус и Макс Нордау были правы, утверждая, что еврейское тело можно изменить посредством физических усилий и силы воли, однако эти изменения небеспредельны. Мы не можем игнорировать гены, живя в эпоху, когда человеческий геном уже полностью расшифрован, происхождение различных генов стало предметом интенсивно-

го изучения и каждый день приносит новости о выявленных связях между генами и определенными качествами — как нормальными, так и аномальными.

Правда, никто еще не доказал существование особых еврейских генов[1]. Однако никто также не доказал, что их нет, так что мы больше не можем быть столь уверены в этом, как прежде.

Мы еще обсудим методы, какими современная наука пытается решить вопрос о существовании еврейских генов. Однако прежде задумаемся о другом: кого считать евреем?

Согласно *Га́лахе*[2], еврейскому религиозному закону, евреем считается тот, у кого мать еврейка или кто обратился в иудаизм в соответствии с требованиями этого закона. Для ортодоксов, включая подконтрольное им Министерство внутренних дел Израиля (которое решает, кто может претендовать на получение гражданства согласно Закону о возвращении), обращение должно быть ортодоксальным. Для иудеев-консерваторов евреем является всякий потомок еврейской матери или обратившийся в иудаизм в любом раввинском суде. А с точки зрения части реформистов, еврейство определяется не только по матери, а и по отцу и также считается евреем тот, кто самостоятельно делает такой выбор.

Итак, как мы видим, все определения еврейства, и прежде всего традиционное, имеют непосредственное отношение к вопросу о еврейских генах. Впрочем, существуют и другие, менее формальные определения еврейства:

Еврей — тот, кто верит в еврейского Бога и старается следовать законам, приведенным в Торе и Талмуде.

Еврей — тот, чьи родители или деды придерживались подобных взглядов.

Еврей — тот, кто ощущает свою причастность к истории и традиции еврейского народа.

Еврей — тот, у кого есть еврейские дети (бывший премьер Израиля Шимон Перес, достигнув преклонного возраста, внес в эту формулу небольшую поправку: «...у кого есть еврейские внуки»; с учетом того, что дальнейшее существование еврейского народа находится под угрозой, это определение не лишено здравого смысла)[3].

И наконец, еще одно полушутливое определение: еврей — всякий, кто утверждает, что он еврей, так как кто же настолько глуп, чтобы идти на риск называться евреем, не будучи таковым?

Все это — культурологические определения, однако, поскольку обращение в иудаизм — весьма нелегкое дело, ѓалахическое определение еврейства является в значительной степени генетическим. Правда, можно возразить, что если бы значение имели только гены, то еврейство по отцу было бы таким же законным, как и еврейство по матери (что, как мы уже сказали, не так). И действительно, «мудрый сын знает своего отца», а отцы в среднем испытывают к своим детям не меньшую привязанность, чем матери. Однозначного ответа на это возражение нет. Скорее всего, евреи отказались от патрилинеального принципа в пользу матрилинеального по причине многочисленных случаев насилия над еврейскими женщинами во время бесконечных войн.

Ни одно из вышеприведенных определений не ново, все они использовались с первых вре-

мен существования еврейского народа и иудаизма. Естественно, возникает вопрос, что было прежде: еврейский народ или еврейская религия?.. Ответ на него дает не генетика, а археология: народ был раньше, даже если под «иудаизмом» понимать не раввинистический иудаизм, а некую храмовую религию. Как бы мы ни называли этот народ, евреи, израильтяне или *иврим*, он существовал задолго до того, как был построен Храм и были сформулированы законы храмового культа. Более того, израильтяне непрерывно проживали на землях, находящихся сегодня на территории Израиля, даже в то время, когда, согласно Библии, они были сначала поселенцами, а затем рабами в Египте.

Правда, некоторые предки евреев действительно переселились в Египет, где были обращены в рабство египетской властью. Однако основная масса осталась в Палестине, так что археологи наблюдают несомненную преемственность между древней израильской культурой и более поздней культурой Израильского царства — иными словами, там, где сегодня находится Израиль, происходило постепенное и непрерывное развитие еврейской культуры. Разумеется, не обходилось без войн, однако, если не считать Библии, нет никаких свидетельств широкомасштабного завоевания страны значительной армией, пришедшей из-за Иордана. И это весьма важно, так как если евреи (или хотя бы израильтяне) были народом задолго до появления древней формы еврейской религии, то это значит, что для евреев национальность имеет приоритет перед религией.

Зачем нам понадобился этот экскурс в историю? Затем, что, если мы хотим говорить о еврей-

ских генах, прежде всего следует установить, где и когда жили предки современных евреев.

Врачи и генетики, причем далеко не только антисемиты, давно подозревали, что еврейский народ должен иметь какие-то генетические отличия. Разумеется, им, как и мне, было нелегко обнародовать это предположение после того, как шесть миллионов евреев были убиты вследствие нацистской расовой теории. Однако некоторые факты буквально бросаются в глаза. Израильский врач-педиатр Ричард Гудмен, посвятил свою жизнь изучению детей, страдающих генетическими заболеваниями. Его главный труд, «Генетические проблемы у евреев» («Genetic Disorders among the Jewish People»), опубликованный в 1979-м, подробно описывает все, что было известно на тот момент об этих тяжелых недугах[4].

Большинство из того, о чем писал Гудмен, попрежнему актуально, хотя сегодня известно намного больше[5]. По крайней мере сорок генетических заболеваний встречаются либо исключительно у евреев, либо гораздо чаще у евреев, чем у любых других народов. Этот список включает наследственные заболевания, которые встречаются и у других народов, однако у евреев они проявляются из-за одной или нескольких более или менее специфически еврейских мутаций. Ничего необычного в этом нет: серповидноклеточной анемией[6] болеют почти исключительно выходцы из Африки и их потомки, в то время как европейцы, включая евреев, гораздо больше подвержены муковисцидозу (кистозному фиброзу[7]). Чистых этнических групп не существует, однако все люди вступают в брак по большей части

со своими, что неизбежно приводит к появлению у каждой группы характерного набора генов.

Сегодня мы точно знаем, какой генетический дефект приводит к появлению основных моногенных еврейских заболеваний; во многих случаях также известен химический механизм, в результате которого мутация приводит к заболеванию. Кроме того, научное подтверждение получили многие давно известные факты.

К примеру, не только некоторые наследственные заболевания встречаются у евреев чаще, чем у неевреев, но есть и различные наследственные заболевания, которые распространены в культурно и географически автономных еврейских общинах.

К примеру, болезнь Тея–Сакса, одна из самых разрушительных форм умственной отсталости, чаще всего встречается у ашкеназских евреев. Это одна из нескольких лизосомных[8] болезней накопления (lysosomal storage disease), характерных для ашкеназских общин. У нормальных нервных клеток есть специальные отростки, называемые дендритами. Это древоподобные структуры, предназначенные для получения сигналов от других клеток. Тонкие ветви дендритов усеяны многочисленными бугорками, что многократно увеличивает контактную поверхность. Эти бугорки реагируют на обучение — они меняют форму, а их количество и плотность увеличиваются по мере того, как мы учимся.

При болезни Тея–Сакса мутация повреждает ключевой энзим[9] (hex A), который в нормальном состоянии отвечает за удаление определенной токсичной субстанции. В отсутствие этого энзима содержание токсина достигает критического

уровня, вызывая повреждение дендритов и уничтожение их бугорков. В результате клетки мозга теряют способность обмениваться сигналами, что приводит к физической и умственной отсталости и разнообразным соматическим заболеваниям. Ген, вызывающий мутацию, рецессивен[10], а это означает, что болезнь появляется в том случае, когда он парный. Чаще всего это происходит, если у обоих родителей этот ген присутствует в геноме, не проявляясь из-за наличия доминантного аллеля[11]. Ребенок с болезнью Тея–Сакса обычно умирает до пяти лет, на глазах у бессильных помочь ему врачей и родителей.

При деформирующей мышечной дистонии (torsion dystonia), поражающей детей от семи до десяти лет, умственное развитие остается в норме или даже бывает выше среднего, однако дистонические сокращения мышц вызывают непроизвольные скручивающие движения и/или позы. У одних детей болезнь сначала поражает ноги, у других — руки или шею; во всех случаях дистония приводит к быстро прогрессирующей инвалидности. Это заболевание также связано с определенным геном, хотя далеко не каждый носитель его в итоге заболевает. Деформирующей мышечной дистонией страдает один из двух тысяч (по другим данным — шести тысяч) ашкеназских еврейских детей. Эта болезнь поддается определенному лечению, однако окончательное исцеление попрежнему невозможно.

Поскольку оба моих родителя страдали глухотой, о наследственной глухоте я знаю довольно много. Эта болезнь европейских евреев (впрочем, страдающих ею не чаще других европейцев) связана с дефектом белка коннексин-26 части нерв-

ных клеток слухового прохода; потеря слуха при этом может быть частичной или полной. Моя мать была почти совершенно глухой — одним ухом она не слышала вовсе, другое сохранило только 5 процентов слуха. Ее речь было очень трудно понять, однако болезнь матери, скорее всего, не была связана с генетикой: ее родители и старшие братья вспоминали, что глухота наступила после приступа стенокардии, случившегося, когда малышке было около двух лет и она только-только училась говорить.

Мой отец был глух на одно ухо и сохранил 25 процентов слуха в другом, что означало, что он мог им чуть-чуть слышать; его младший брат был совершенно глухим. Папа утверждал, что брат оглох после того, как упал с прилавка в родительском галантерейном магазине в Бруклине и сильно ударился головой. Когда впоследствии я снова спросил его о причине болезни Сола (младшего брата), он повторил то же самое.

Скорее всего, глухота отца и дяди была вызвана проблемами с коннексином-26. Так же как в случае с болезнью Тея–Сакса, один из двадцати пяти ашкеназских евреев является носителем соответствующего гена. Среди них, скорее всего, были родители отца. Двое из четырех их детей были глухими, несмотря на то что статистически только один из четырех потомков двух носителей может получить летальную комбинацию, два из четырех также не нарушают законы вероятности. Насколько нам известно, других случаев глухоты среди их предков и потомков замечено не было. Возможно, за исключением меня. Я перестал слышать правым ухом раньше срока, да и левое сегодня совсем не то, что раньше. Возможно, это

просто возрастное ослабление слуха, но мне всего шестьдесят один год. Так что не исключено, что мне следует проверить мое еврейское тело на коннексин-26. Если у меня найдут соответствующий ген, мне будет вдвойне приятно осознавать, что именно этот ген одинаково часто встречается и у евреев, и у палестинцев, так что в данном случае мы с моими палестинскими друзьями сможем без всяких метафор говорить, что приходимся друг другу двоюродными братьями.

Однако более прочего пугают меня гены, которые связаны с предрасположенностью к раку молочной железы. Эта болезнь унесла мою жену, две мои дочери имеют высокие шансы заболеть. Генетическая предрасположенность может быть к чему угодно, однако наследственность играет огромную роль в 5 процентах случаев рака молочной железы. Среди остальных 95 процентов случаев некоторые происходят в результате неудачных комбинаций нескольких генов, однако большинство, скорее всего, имеют негенетическую природу. Эта болезнь, поражающая каждую восьмую или каждую девятую женщину, настолько распространена, что у многих тысяч больных раком молочной железы всегда находится мать, бабушка, тетка или сестра, которая также страдала этой болезнью, однако она не связана с наследственностью.

Другое дело — семья, в которой есть многократные случаи онкологических заболеваний. В восьмидесятых–девяностых годах прошлого века подобные семьи были предметом пристального изучения; в большинстве случаев речь шла об ашкеназских евреях. В результате были выявлены два гена BRCA1 и BRCA2 (от BREast CAncer — рак молочной железы), вызывающие многочислен-

ные онкологические заболевания в этих семьях. Это опухолевые супрессоры, которые из-за мутации не выполняют свою функцию — сдерживать развитие раковой опухоли. Сегодня эти гены являются предметом интенсивных исследований, могущих привести к открытиям, которые помогут всем женщинам с подобными онкологическими проблемами.

В общем, даже если не принимать в расчет гонения, быть «избранным» не всегда хорошо. Однако какое отношение имеет все вышесказанное к вопросу, кого считать евреем? Мы с братом хорошо знали, что значит расти в семье инвалидов, и явно считали еврейство еще одной разновидностью инвалидности. Теперь же выяснилось, что эти физическая и «национальная» инвалидности могут быть связаны друг с другом. Идет ли речь о болезни Тея–Сакса или о глухоте, генетики приходят к одному и тому же выводу: ашкеназские евреи в определенной степени генетически отличаются от остальных людей. Выделенные слова в данном случае принципиальны.

Талассемия[12] свойственна итальянцам и выходцам из Юго-Западной Азии, серповидноклеточная анемия — африканцам, кистозный фиброз — европейцам. Частота встречаемости различных групп крови меняется от популяции к популяции, то же справедливо относительно множества других генов и белков. Все это вовсе не свидетельствует о том, что человечество раздроблено на изолированные группы — просто все мы, как уже было сказано, предпочитаем жениться на своих, и ашкеназские евреи не составляют исключения.

Молекулярные технологии позволяют проследить историю генов и подтверждают многое, хотя и не все, из того, что евреи думают о себе. Практически все мировое еврейство генетически схоже с ближневосточными нееврейскими народами. Это означает, что евреи Суринама, Марокко, Польши, Англии, Индии, Афганистана и Бруклина родственны христианам и мусульманам, чьи предки на протяжении многих веков не покидали пределов Ливана.

Таким образом, еврейский народ существует[13]. Он возник примерно в то самое время и в том самом месте, о которых евреи знали, и в это они верили на протяжении веков. В древности численность евреев существенно возрастала благодаря новообращенным, однако в последние два тысячелетия прозелитов стало существенно меньше. Каждый, кто обратился в иудаизм, став «евреем по выбору», с точки зрения *Ѓалахи* считается стопроцентным евреем. Женщина, перешедшая в иудаизм, передает свое еврейство своим дочерям, они — своим дочерям, и так далее. Однако стать евреем достаточно непросто. Во-первых, на протяжении веков еврейский прозелитизм во многих странах карался смертью, а во-вторых, желающих соблюдать субботу, *кашрут*[14], законы семейной чистоты, а главное, подвергнуться обрезанию находилось немного. Как настаивают либеральные евреи, иудаизм не является расовой категорией или биологической характеристикой. Однако на практике иудаизм исторически накладывается на популяцию, которая в определенной степени отличается специфическими генетическими характеристиками.

Однако евреи отклонялись от семитских генетических тенденций и в сторону окружающих народов. Они могли верить, что никогда (или крайне редко) не вступали в смешанные браки, однако Йосеф (Иосиф), Моше, Рут, Эстер и другие библейские герои свидетельствуют об обратном, что также подтверждается генетически. Почему марокканские евреи похожи на соседей-марокканцев, индийские — на индусов, а польские — на поляков? Этому может быть только одно объяснение. Мы можем предположить, что в каждом конкретном случае имело место полноценное обращение в иудаизм будущих или уже имеющихся супругов. Однако как бы там ни было, импорт генов несомненно имел место, а вместе с ним неизбежно происходил «импорт» и их носителей.

Откуда же взялись ашкеназские генетические болезни? Здесь возможны два объяснения. Во-первых, нееврейские гены, скорее всего, были абсорбированы вскоре после возникновения ашкеназских общин. Анализ митохондриальной[15] ДНК[16], которая передается исключительно по женской линии, от матери к дочери, указывает, что все ныне живущие ашкеназские женщины являются потомками небольшой группы, состоявшей, возможно, всего из шести женщин. Однако не исключено, что эти «матери-основательницы» не были урожденными еврейками. Скорее всего, первые евреи, поселившиеся в Северной Европе, были купцами, прибывшими из дальних стран. Вряд ли они брали с собой в другие страны своих жен, так что можно предположить, что прибывшие выбирали себе женщин из числа местных жительниц. Возможно, при этом имело место об-

ращение в иудаизм по ѓалахическим правилам, хотя не думаю, что в тех местах было слишком много раввинов. Поэтому вполне вероятно, что, подобно Рут, эти женщины просто объявили о том, что присоединяются к еврейскому народу и будут служить Богу Израиля. Впоследствии к уже существующей общине захотели присоединиться другие женщины из приехавших в это место, однако их не могло быть слишком много. При таком небольшом количестве отцов-основателей концентрация определенных генов могла произойти случайно (генетики называют это «эффект основателя», когда происходит снижение и смещение генетического разнообразия при заселении малым количеством представителей рассматриваемого вида новой географической территории), а затем смогла сохраниться в силу относительной изоляции.

Другое объяснение ново и вызывает гораздо больше возражений. Дискуссия об этой гипотезе началась даже прежде, чем мой друг-генетик и двое его коллег (ни один из них не еврей) опубликовали ее в «Journal of Biosocial Science»[17]. Согласно этой гипотезе, генетические ашкеназские болезни являются результатом естественного отбора, благоприятного для носителей, или, как выразились авторы, «сбалансированного полиморфизма».

Попробую объяснить, что имеется в виду. Серповидноклеточная анемия (получившая свое название из-за характерной деформации красных кровяных телец) — разрушительная болезнь крови, которой болеют в основном дети африканского происхождения. Чтобы болезнь проявилась, необходимо иметь двойной набор соответствую-

щих рецессивных генов, однако она встречается намного чаще, чем другие рецессивные наследственные заболевания, например кистозный фиброз. Причиной последнего обычно считают мутацию, приводящую к преждевременной смерти, что естественным образом удерживает болезнь на достаточно низком уровне.

Однако мутации не объясняют большинство случаев серповидноклеточной анемии, поэтому ученые приступили к поиску другой причины. Как и в случае с любыми рецессивными генами, их носителей гораздо больше, чем тех, кто заболел по причине двойного набора. И если носитель по каким-либо причинам «ценится выше», чем человек с нормальной генетикой, это сохранит в популяции достаточно высокий уровень поврежденных генов. Выяснилось, что именно это и происходит в действительности: носители демонстрируют повышенную устойчивость к малярии, одной из самых смертоносных африканских болезней. В результате поврежденный ген передается из поколения в поколение, вызывая, в случае гомозиготности, тяжелейшую форму анемии. Естественно, это открытие привело к поиску аналогичных механизмов, связанных с другими наследственными заболеваниями.

Мои знакомые предложили применить эту гипотезу к еврейским генетическим недугам. При этом они исходили из следующих предпосылок.

Первая: случаев заболевания еврейскими генетическими болезнями слишком много, чтобы их можно было списать на мутации.

Вторая: после формирования ашкеназской популяции генетический обмен с другими общинами находился на весьма низком уровне.

Третья: результаты тестов на развитие интеллекта (IQ) у ашкеназских евреев значительно выше, чем у других групп, включая прочие еврейские общины, за исключением тестов на пространственный интеллект[18].

Наконец, четвертая: специфические условия жизни ашкеназских евреев могли способствовать естественному отбору лиц с высоким IQ.

Далее исследователи предположили, что генетические повреждения, связанные с некоторыми наследственными заболеваниями, в малых дозах могут влиять на рост и развитие нервных клеток. По их мнению, трудно объяснить только случайностью, что многочисленные дефекты, связанные с наследственными заболеваниями, обычно упоминаются всего на нескольких страницах учебника биохимии. К примеру, болезни Тея–Сакса и Гоше (глюкозилцерамидный липидоз) приводят к накоплению в нервных клетках особых жировых молекул (сфинголипидов), вызывающих умственное отставание. Однако в малых дозах те же молекулы могут стимулировать рост и ветвление отростков, отвечающих за коммуникацию с другими клетками.

Гены BRCA находятся на другой странице учебника биохимии. В нормальном состоянии они предотвращают рак, исправляя поврежденные участки ДНК. Соответственно, когда они повреждены, это приводит к пролиферации[19] раковых клеток. Однако эти энзимы обнаружены и в нервных клетках — даже если в будущем они вызывают рак, можно предположить, что прежде, еще до рождения, они стимулируют пролиферацию нервных клеток, что может перевесить ущерб, связанный с опасностью рака молочной

железы, который обычно развивается уже после того, как гены были переданы следующему поколению.

И действительно, исследование, опубликованное в мае 2008 года в ведущем американском научном журнале «Science», подтвердило, что гены BRCA входят в генетический комплекс, регулирующий формирование нервных окончаний, служащих для коммуникации между нервными клетками[20]. Подобные объяснения, возможно, следует привести и в случаях с другими ашкеназскими генетическими проблемами. Наконец, известно, что у больных деформирующей мышечной дистонией, а также другой ашкеназской болезнью, врожденной гиперплазией коры надпочечников, нередко наблюдается высокий IQ, хотя никто не знает, как это связано.

На сегодняшний день эта теория является всего лишь интересной гипотезой, однако от нее невозможно попросту отмахнуться. Среди ашкеназских евреев действительно могла существовать усиленная селекция в пользу повышенных интеллектуальных способностей, особенно связанных с речевым развитием и аналитическим мышлением. Ограничения профессиональной деятельности, существовавшие едва ли не во всех странах христианской Европы, вынуждали евреев выбирать торговые специальности (как писал в дневнике Теодор Герцль, «мы цеплялись за деньги, поскольку нас толкали к деньгам»[21]). Подобные занятия требовали повышенной сообразительности, а также позволяли выжить и вырасти большему количеству еврейских детей. Впрочем, известно, что на протяжении истории

ашкеназские евреи выбирали самые разные профессии, включая ремесла, медицину, преподавание и ученые изыскания.

Религиозное еврейство создало образовательную систему, породившую традицию, согласно которой высшей ценностью является изучение Торы. У этой системы мог быть побочный эффект. На протяжении веков молодые люди из небольших местечек перебирались в крупные города, где находились известные центры изучения Торы. Там, под пристальным взглядом своих учителей, эти юноши боролись за признание и продвижение. При этом они часто столовались у богатых семей, которых не обременял лишний рот. Лучшие ученики нередко женились на дочерях наиболее преуспевающих городских торговцев или брали в жены дочерей известных раввинов. Естественно, дети купцов также заключали браки друг с другом. Как бы то ни было, самые одаренные молодые люди, а также их дети оказывались в наиболее благоприятном окружении.

Воспользуемся примером из биологии. У многих животных есть «центры размножения» (breeding grounds), где самцы соревнуются за внимание самок, отдающих предпочтение лучшим из них. Иногда самцы вступают в единоборство (например, бизоны или антилопы, выясняющие отношения при помощи рогов), однако нередко они «соревнуются», кто окажется наиболее привлекательным.

К примеру, роскошный павлиний хвост — результат многовековой селекции, поскольку обладатель красивого хвоста пользовался большим вниманием самок и, следовательно, имел больше шансов оставить потомство. Некоторые теории,

объясняющие стремительную эволюцию человеческого мозга, предполагают, что аналогичный механизм действовал и у людей: наши прародительницы почему-то предпочитали мужчин с более развитым интеллектом. Возможно, эти парни могли в свое время лучше других «уболтать» свою избранницу или, к примеру, делали более качественные каменные инструменты.

Вполне вероятно, что крупнейшие ешивы также служили подобными «центрами размножения». В этом случае неудивительно, что ашкеназские евреи традиционно отличались умственными способностями и высоким уровнем развития речи, то есть теми качествами, которые необходимы для успешной учебы. Добавим к этому гипотетическому процессу «эффект основателя», а также умеренный инбридинг (близкородственное скрещивание) — и вы получите рецепт повышения интеллектуального уровня. Это также позволяет понять, почему даже после гибели шести миллионов ашкеназы по-прежнему составляют более 80 процентов мирового еврейства.

Гены представляют собой невидимую галактику молекулярных спиралей, придающих форму всему нашему телу, от кончиков ногтей до корней волос. Могут ли эти частицы быть в какой-то степени ответственными за многочисленные достижения еврейского разума? Сегодня мы этого еще не знаем, однако, учитывая стремительное развитие генетики, не исключено, что мы узнаем ответ в самое ближайшее время.

ЭПИЛОГ

Итак, мы сделали полный круг, связав некоторые врожденные особенности еврейского тела с некоторыми свойствами еврейского разума. Евреи были первым народом, поверившим в Бога, лишенного тела. У людей есть тела, у Бога его нет. Этот революционный символ веры бросал вызов всем культам и культурам Древнего мира. Другие народы также ценили свои религиозные верования: они простирались в слезах у ног статуй богов и богинь, кружились вокруг них в радостной пляске, просили у них победу в войне и исцеления от бесплодия, благодарили их от всего сердца за жизнь детей или несколько редких лет мира и процветания. Разумеется, никто из них не верил, что эти идолы, собственноручно отлитые или вырезанные, сами по себе являются божествами. Однако они почитали этих «полномочных представителей» небесных сил почти так же, как самих богов и богинь.

Всем этим людям древние евреи заявили в лицо: вы глупцы и шарлатаны! Древние греки называли евреев атеистами — несомненно, таково было всеобщее мнение, начиная с того момента, как евреи предприняли первые попытки очистить

мир от всех богов, кроме своего бесконечного, абстрактного, невидимого Божества. Презрение? Недовольство? Страх? Видимо, именно эти слова лучше всего описывают чувство, которое евреи вызывали у окружающих, причем по вполне естественным причинам. Оглядываясь в прошлое, поражаешься самонадеянности, с которой этот крошечный народ заявлял всем остальным, что религиозные верования человечества ложные.

Евреи стали народом Книги, «племенем философов», которые проводят время в беседах о Боге и в то же время — в беседах о собственном теле. Евреи много писали и о теле, так что через две тысячи лет один еврейский исследователь назвал их «народом тела» (хотя точнее всего было бы сказать о евреях «народ Книги и тела»). Евреи не могли просто принять тело как нечто само собой разумеющееся. Все, что входило в тело, должно было быть очищено и благословлено. Даже то, что выходило из тела, нередко считалось заслуживающим благословения — благодарности Богу, создавшему столь чудесную машину по Своему образу и подобию (хотя о том, как это следует понимать, евреи ожесточенно спорили на протяжении тридцати столетий). По иронии судьбы бесконечные рассуждения о Боге и слове Божьем с определенной долей вероятности создали условия, вызвавшие изменения мозга как физического носителя разума.

Евреи хотели сохранить свои тела в чистоте, однако не лишали их наслаждений, в том числе грубых. Иудаизм в целом запрещает аскетизм, однако горе тому, кто предается беспорядочным удовольствиям, причиняя вред или оскорбляя при этом мужчину, женщину или Бога. Поэтому руководства по получению наслаждений были

столь же важны, как и сами наслаждения. Однако после смерти тело сразу становилось «нечистым», чем-то решительно бесполезным, и его следовало как можно быстрее вернуть в то состояние, из которого оно было создано, то есть в прах. Но в этом не было пренебрежения. Совсем наоборот: в тот момент, когда машина волею Божией «ломалась» и переставала служить вместилищем души и разума, она становилась бесполезным хламом, насмешкой над тем дивным инструментом, каким она была еще недавно.

Почитание тела привело многих евреев к искусству врачевания. Интерес к анатомии превратился в настоящую одержимость, которая привела к исполнению важнейшей из всех заповедей: улучшать и исправлять дело рук Божьих. В то время как мудрецы Античности едва ли не вслепую пытались разобраться в вопросах здоровья, средневековые врачи, с Торой в одной руке и трактатом Галена в другой, действительно исцеляли тягчайшие недуги своих пациентов. В свою очередь, еврейские нобелевские лауреаты совершили множество важнейших открытий, касающихся человеческого тела, а многие известные евреи традиционно вставали на сторону тех, кто испытывал физические страдания, будь то евреи или неевреи.

Впрочем, евреи никогда не верили, что другие страдают так же, как они, и в конечном итоге, возможно, они были правы. Их Бог избрал одновременно для величия и страданий, и это повторялось снова и снова. Избранность означала для евреев рабство в Египте и Вавилонии, опустошение родной земли, двукратное разрушение Святилища, едва ли не геноцид от рук римлян, многовековое гонение со стороны католической

церкви, периодические изгнания из разных стран и городов, принудительное проживание в гетто, массовое изгнание из Испании, ужасы инквизиции, погромы и, наконец, после нескольких поколений эмансипации, — наиболее масштабное и организованное в истории человечества массовое убийство целого народа. Вочеловечившийся христианский Бог единожды претерпел муки и был распят, в то время как еврейское тело убивали бесчисленное множество раз.

Неудивительно, что самозащита превратилась у евреев в навязчивую идею, а современный Израиль в итоге стал конечной остановкой для всех евреев, помнящих свое прошлое. Израильтяне превратились не просто в «мускулистых евреев» — они стали евреями с автоматами, евреями-воинами и даже евреями с ядерным оружием в качестве окончательного ответа на многовековые преследования. Впрочем, и автомат, и бомба — это фактически продолжение нового или, точнее, возрожденного еврейского тела, поскольку Йеѓошуа Бин-Нун и Шимшон, Давид и Йеѓуда Маккавей, Бар-Кохба и другие еврейские герои демонстрировали такую же силу и храбрость и в древние времена и жили в еврейских легендах. Разумеется, далеко не каждый раз израильская «игра мускулами» оказывается успешной или хотя бы полезной — в некоторых случаях она заканчивается горем и слезами еврейских матерей.

На протяжении восемнадцати столетий евреи делали ставку на духовную силу и пренебрегали силой физической, и результаты в итоге оказались весьма неоднозначными. Поэтому теперь они делают ставку на силу и тела, и духа и стремятся воссоздать еврейское тело, чтобы оно

могло бы стать достойным партнером еврейского разума. Мне кажется, игра стоит свеч.

Каким станет еврейское отношение к телу в будущем? Будут ли они и дальше считать накачивание мышц национальным и государственным долгом? Обращаться к пластическим хирургам чаще, чем все остальные? В полной мере участвовать во всемирной борьбе с ожирением? Ненавидеть себя за собственную мягкотелость? Сражаться, убивать и погибать ради национального самосохранения? Какое место займут ценности тела в их развивающемся, постоянно меняющемся представлении о самих себе? У нас нет однозначного ответа на все эти вопросы. А вот на вопрос, сколько еврейских тел будет в ближайшем будущем, можно ответить достаточно достоверно.

Евреи всегда были немногочисленны и находили силу в слабости — это было одним из секретов их преуспеяния. Однако сегодня демографическое будущее евреев находится под вопросом. Израильские евреи «плодятся и размножаются», однако гораздо медленнее, чем их нееврейские соседи в Израиле и сопредельных странах. Американское еврейство просто не воспроизводит само себя. Последние переписи населения свидетельствуют о неуклонном снижении численности евреев, несмотря на значительную еврейскую эмиграцию из стран бывшего Советского Союза в Израиль. На каждые сто еврейских смертей приходится всего восемьдесят пять рождений; в каждой возрастной категории бездетных еврейских женщин больше, чем нееврейск. Среди евреев, вступающих в брак, один из трех женится на нееврейке/выходит замуж за нееврея, а большинство смешанных пар не воспи-

тывают своих детей евреями. Словом, американские евреи ежедневно нарушают то, что философ Эмиль Факенгейм назвал 614-й заповедью:

«Не даровать Гитлеру посмертных побед».

Есть множество причин нынешнего демографического кризиса. Евреи принадлежат к экономически преуспевающим образованным сторонникам равенства полов. Это означает, что их не могла не затронуть общая тенденция к малосемейности, свойственная этому классу. Еврейские женщины были среди первых лидеров и идеологов феминизма, и сейчас они с огромным энтузиазмом осваивают новый спектр профессиональных возможностей, закрытый для них на протяжении столетий. Эти возможности нелегко совместить с радостями материнства. Кроме того, воспитание детей как никогда требует больших расходов, особенно в семьях, принадлежащих к амбициозному среднему классу, да и не у всех есть достаточно времени, чтобы после школы отвезти ребенка на футбольную секцию, а оттуда — на занятия по подготовке к *бар мицве*.

Однако у нынешнего кризиса есть и физиологические причины. Возможно, еврейское тело, по крайней мере американское еврейское тело, нуждается в совершенно ином обновлении. Израильские евреи накачали реальные и метафорические мышцы. Американские евреи, пользуясь комфортом спортивных залов, достигают того же эффекта с гораздо меньшим риском для жизни и здоровья. Однако, вопреки внешней привлекательности их хорошо ухоженных тел, эти тела в каком-то смысле утратили зов продолжения рода, ибо их обладатели не рожают детей в

количествах, необходимых для создания надежного еврейского будущего.

Думаю, нетрудно понять, с чем это связано. Беременность мало кого украшает; болезненны ощущения, связанные с тем, как растягивается влагалище женщины, у женщины кровоточат соски, которые с силой захватывает грудной младенец; крошечное кричащее тельце вдобавок требует постоянного ухода и выделяет неприятно пахнущие продукты жизнедеятельности. Все это не самые положительные стороны жизни.

Если даже отцовство отнимает множество времени, предназначенного для бега на тренажере, то что же говорить о растянутом влагалище?.. В общем, вы меня поняли. Секс — это замечательная вещь, однако он осложняет жизнь, а его последствия и результаты — это беспорядок, путаница и полная смена жизненного уклада, не говоря уже о головной боли и боли в других органах.

Мудрецы допускали беспорядок пополам с удовольствием. И так же на протяжении тысячелетий поступали обычные простые евреи и еврейки. Возможно, пришло время меньше заботиться о самих себе и стать более открытым для «беспорядка и путаницы», связанных с продолжением рода; нужны также специальные программы поощрения рождаемости: следует материально поддерживать деторождение, включая поддержку детей, рожденных незамужними еврейскими женщинами; важно предоставить общинное финансирование программам лечения бесплодия. Помощь по уходу за ребенком и пребывание его в детском саду должны стать общедоступными и бесплатными. И самое главное: следует всемерно поощрять секс — да-да, именно секс! Это поощре-

ние будет совершенно кошерно и будет полностью соответствовать еврейскому закону. По словам средневекового мудреца рабби Хизкии, когда человек попадает на Небеса, первое, о чем его спросит Бог: почему ты так мало предавался наслаждениям, которые не были запрещены?

Мудрецы поощряли секс между мужем и женой, видя в нем гарантию еврейского будущего, а также цемент, скрепляющий супружеские узы. Как известно, сегодня секс нередко никак не связан с продолжением рода. Однако раввины нашли способ стимулировать сексуальные отношения мужчины и женщины, связанные с будущим деторождением, запретив сексуальные отношения в течение двенадцати так называемых безопасных дней каждого цикла. Благодаря этому долго сдерживаемая страсть запускает маховик демографической машины. Возможно, светским еврейским парам стоит взять эту ортодоксальную стратегию на вооружение, хотя есть и менее религиозные способы достичь той же цели. Можно сразу предложить несколько вариантов: серьезные денежные премии на третьего, четвертого, пятого и шестого ребенка, бесплатную раздачу виагры и т.п. Одним словом, евреи должны использовать все средства, чтобы на планете стало больше еврейских тел: не для того, чтобы кого-либо обогнать, но просто для того, чтобы восполнить колоссальную убыль. Евреев сегодня практически столько же, сколько было до Катастрофы, и их число не увеличивается.

В Библии, особенно в Песни Песней, и в Талмуде сексуальность считается неотъемлемой частью нормальной здоровой жизни. Современные еврейские писатели сделали ее главной темой своего

творчества — со всей ее беспорядочной абсурдностью, брутальным юмором, неизбежным драматизмом, редкой нежностью и неземной красотой. С древнейших времен орган, который Бог повелел Аврааму улучшить (в обмен на обещание многочисленного потомства), а также его женский аналог вызывали у евреев изумление и почтение. Евреи хорошо понимали, что эти части тела необходимо соединить друг с другом в соответствии с определенными правилами, однако как можно раньше, как можно чаще и с минимальными препятствиями, отделяющими их от еврейских тел, которые появятся в будущем. Они разбивали стакан — и приступали к делу. Потомки Авраама могут быть многочисленными, как звезды на небе, однако, как известно, и звезды иногда гаснут и умирают. Чтобы заменить их, еврейские тела должны делать то же, что делают все человеческие тела, — а дальше все произойдет естественным образом.

Библия повествует о национальной и религиозной истории евреев, гордых не только своей верой, но и своими телами. Авраам был воином, причем в то время, когда люди сражались, подставляя свое тело, а не используя машины; его жена Сара была ослепительной красавицей. Яаков боролся с ангелом, а возможно, что и с самим Богом, и победил; он не мог скрыть своего разочарования, когда вынужден был стать мужем Леи прежде, чем жениться на ее более красивой и любимой им сестре Рахели. Давид побеждал десятки тысяч врагов, но красота Бат-Шевы толкнула его на прелюбодеяние и на еще худшее

преступление[1] — однако сын Давида и Бат-Шевы стал впоследствии мудрым, могучим и прекрасным царем Шломо (который, в свою очередь, имел тысячи жен и наложниц[2]).

Впрочем, Библия также указывает пределы, положенные телу, и связанные с ним опасности. Рыжеволосый могучий охотник, старший из двух братьев-близнецов и любимец своего отца Эсав был обманут и оттеснен в сторону братом и матерью, которые противопоставили его силе и даже законному праву хитрость и веру. Будучи голоден, Эсав продал первородство за чечевичную похлебку[3], а затем его брат Яаков имитировал перед отцом могучее, заросшее волосом тело Эсава, обернув свои руки козлиными шкурами[4]. Шимшон обладал сверхъестественной для человека силой, однако слабость к соблазнительным нееврейкам, и нарушение обетов, данных Богу, привели к тому, что он утратил свою силу, был ослеплен и погиб в плену, правда сумев превратить личную трагедию в триумф победы над врагами. Давид, скорее всего, был прекрасным воином, однако во времена, когда он был простым пастухом-музыкантом и делал свой первый шаг к славе, будущий царь заявил, что вера, а не сила помогала ему против льва и медведя — и поможет ему в поединке с вражеским богатырем[5].

Тем не менее можно сказать, что древние евреи, включая величайших библейских героев, почитали физическую мощь едва ли не так же, как древние греки. Неудивительно, что некоторые места из Книг *Шофтим* (Судей Израилевых), Книг *Шмуэля* (Самуила) или *Млахим* (Книг Царей) созвучны воинственной «Илиаде» (естественно, если не считать числа богов). В бронзовом веке

физическая мощь и воинская доблесть считались добродетелью и у монотеистов, и у язычников.

Однако после разрушения Первого храма, проливая слезы «на реках вавилонских», израильтяне, ставшие евреями, утратили веру — нет, не в Бога, но в физическую силу и воинскую доблесть. Они вновь доверились «руке крепкой и мышце простертой», которой Бог изгнал их из Земли Израиля; более того, отныне они полагались исключительно на мощь метафорической руки и мышцы своего признанного бесплотного Бога.

Даже получив назад Иерусалим и отстроив Храм, они все скептичнее относились к телесному. Животные жертвоприношения были возобновлены, однако параллельно увеличивалось число изучающих Тору. Тексты, абстрактные рассуждения, искусство интерпретации стали важны как никогда. Правда, в те времена существовала и еврейская сила, однако она всегда находилась в тени превосходящих сил персов, греков и римлян. В то же время греко-римский физический идеал соблазнял многих евреев, и в конце концов некоторые ушли, скрывая обрезание, отказавшись от многовекового еврейского пути веры и завета.

Однако это были отщепенцы. Основной поток еврейской истории отныне направился в иное русло. В то время как большинство европейцев стремились к аполлоническому идеалу спортивного мастерства и физической красоты, евреи склоняли спины над страницами книг. В конце этой эпохи главных еврейских героев порождала жизнь разума, а не жизнь тела. Так продолжалось на протяжении восемнадцати столетий, пока наконец нежизнеспособное сочетание интеллек-

туальной силы и физической слабости едва не привело к исчезновению еврейской веры и еврейского народа. Тогда появились мужчины и женщины, подобные Эмме Лазарус, Максу Нордау и Теодору Герцлю, которые призвали евреев вернуться к ценностям тела и тем самым спасли их.

Точнее сказать, евреи, вдохновленные их призывом, спасли себя сами. Тысячи мужчин и женщин, в большинстве своем молодых и крепких, покинули страны, где их предки жили столетиями: Россию, Польшу, Германию, Францию, Англию, Турцию, Египет и др. — ради страны, где их предки жили намного раньше. Им предстояло стать народом, живущим на своей земле, каким евреи были прежде, до многовекового изгнания; на земле, которую нужно было обрабатывать и защищать своими телами или, перефразируя Нехемию и Эмму Лазарус, — на которой предстояло жить со строительным мастерком в одной руке и винтовкой в другой.

Они это сделали, возродив тело еврейского народа. В результате после столетий ненависти, когда евреев презирали за их слабость (и поступали с ними соответственно), их стали ненавидеть за их силу. Впрочем, быть ненавидимым за силу всетаки лучше. Как сказала Голда Меир, «если у нас есть выбор между тем, чтобы погибнуть, вызвав всеобщее сочувствие, или выжить нанеся ущерб своей репутации, то лучше уж мы останемся живы, имея плохую репутацию». Когда пишутся эти строки, этот выбор актуален как никогда. Нобелевские премии, академические достижения и деловой успех по-прежнему очень важны, однако сегодня эти достижения еврейского ума опираются на новый идеал еврейского тела, ко-

торый заставил весь мир уважать евреев нового типа и который, скорее всего, не исчезнет в ближайшее время.

Голда Меир, премьер-министр Израиля с 1969 по 1974 год, несколько раз пыталась объяснить, что сделало ее сионисткой. Маленькой девочкой в России в начале XX века она несколько раз становилась свидетельницей кровавых еврейских погромов. Во время одного из погромов она играла с друзьями на улице, когда прискакали казаки и, пришпорив лошадей, перемахнули прямо через головы детей[6]. «Если существует рациональное объяснение, почему я выбрала этот путь, — както заметила Голда Меир, — то все объясняется желанием и решимостью уберечь еврейских детей от подобных переживаний»[7].

Вдумаемся: всего через сорок лет после того, как девочка Голда стала свидетельницей этой сцены, полтора миллиона еврейских детей были убиты немцами и их пособниками из числа украинцев, литовцев, поляков, французов и других европейских народов. Чтобы оценить масштаб Катастрофы, представьте себе американскую начальную школу, в которой в среднем учится пятьсот учеников, и сделайте соответствующие расчеты: вы увидите более трех тысяч уничтоженных школ, все ученики которых были схвачены, нередко подвергнуты издевательствам и убиты. Одних еврейских детей выбрасывали из окон, другим — разбивали головы об стену; были дети, которых медленно умерщвляли голодом, болезнями и медицинскими опытами или убивали быстро, обычными методами: расстрел, газовая камера, крематорий.

Если Голда Меир стала сионисткой после одного увиденного ею в детстве погрома, то какой вывод должен был сделать «седьмой миллион», испытав на себе ужасы антисемитизма, в миллионы раз превосходящие то, что довелось пережить израильскому премьеру? Что должен думать обычный израильский старшеклассник, пытающийся осознать эти факты?

В результате сионистское учение о новом еврейском теле выросло из горестных плачей и горькой смеси надежды, решимости и ярости, выросших из пепла миллионов сожженных еврейских тел. Тело, закаленное подобным опытом и наполненное такими чувствами, безусловно, становится опасным. Вот почему когда израильтяне говорят «никогда больше», они подразумевают нечто очень серьезное. Настолько серьезное, что за это они готовы на все: сражаться и умирать с оружием в руках, принимать случайную гибель невиновных, производить ядерное оружие и возводить стену для защиты детей.

Ведь ни один народ, которому угрожает подобная опасность, не может позволить себе никаких поблажек в случае, если речь идет о его безопасности. А тут речь идет о народе, у которого до сих пор не зажили раны, оставленные величайшим массовым убийством в человеческой истории. Поэтому до тех пор, пока останутся еврейские тела, у которых будет рот, чтобы говорить, и руки, чтобы защищать себя, правило «никогда больше» не будет знать исключений.

Что еще почитать?..

Поскольку нас постоянно обвиняют в том, что мы отдаем предпочтение своим, начну с книг и статей, написанных неевреями. Общее представление о еврейской истории можно получить с помощью книги Пола Джонсона Популярная история евреев. М., 2000 (*Paul Jonson*. A History of the Jews).

О вкладе евреев в древнюю и современную мировую культуру можно прочесть у Марка Твена (*Mark Twain*. Concerning Jews. Philadelphian: Running Press, 1985); см. также: *Thomas Cahill*.The Gifts of the Jews.New York: Random House, 1999, и *Charles Murray*. Jewish Genius. Commentary. April 2007.

По истории преследований евреев рекомендуем книги: *Edward Flannety*. The Anguish of the Jews. New York: Mackmillan, 1965 и *James Carroll*. «Constantine's Sword». The Church and the Jews: A History. Boston and New York: Houghton Mifflin Company, 2001. По истории сионизма читайте: *Conor Cruise O'Braien*. The Siege. New York: Simon & Schuster, 1996; в русском переводе: Коннор О'Брайен. Осада. В 2 т. Иер.: Библиотека–Алия, 1990.

Для более подробного и детального изучения еврейского тела необходимо обратиться к ра-

ботам двух еврейских исследователей. Историк культуры Сандер Гилман посвятил этой теме несколько книг, в том числе *The Jewish Body*. New York: Routlege, 1991, *Making the Body Beautiful*: A Cultural History of Aesthetic Surgery. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1999, и *Sander Gilman*. Fat Boys: A Slim Book. Lincoln and London: University of Nebraska Press, 2004.

С антропологической точки зрения тему раскрывают исследования Говарда Эйлберга-Шварца, прежде всего: *Howard Eilberg-Schwartz*. The Savage in Judaism: An Anthropology of Israelite Religion and Ancient Judaism (A Midland Book). Bloomington: Indiana University Press, 1990, и вышедший под его редакцией сборник *People of the Body: Jews and Judaism from an Embodied Perspective* (Suny Series, the Body in Culture, History, and Religion). Albany: State University of New York Press, 1992.

Для понимания религиозного еврейского отношения к сексуальности и еврейскому телу я рекомендую: *Judith Hauptman*.Rereading the Rabbis: A Woman's Voice, Boulder, Colo, Westview Press, 1999, и *Rabbi Avraham Peretz Friedman*. Marital Intimacy. Spiritual Survival for Law Enforcement. Linden, N.J.: Compass Books, 2005.

Хотя я вырос в ортодоксальной семье, я узнал много нового благодаря книге: *Harvey E. Goldberg*. Jewish Passage: Cycles of Jewish Life. Berkly: University of California Press. На мой взгляд, это лучшее секулярное исследование об антропологии, истории и символизме еврейских обрядов от рождения до смерти.

Интернет-архив германской пропаганды (The German Propaganda Archive http://www.calvin.

edu/academic/cas/gpa/), созданный Рендбаллом Битверком, служит бесценным путеводителем для каждого, кто касается этой леденящей душу трудной темы. И наконец, огромное впечатление на меня произвели образы, созданные Игалем Лосином в альбоме «Огненный столб. Возрождение Израиля, визуальная история» (Jerusalem: Shikmona Publishing, 1983, фотоматериалы Йорама Сабо), а также снятый по его мотивам одноименный документальный израильский фильм.

Автор благодарит...

Несмотря на то что я и только я несу полную ответственность за все ошибки и неточности этой книги, я с удовольствием хочу поблагодарить некоторых из тех, кто помогал мне в работе над ней. Я благодарю Йонатана Розена, редактора сети Jewish Encounters, предложившего мне написать книгу, посвященную еврейскому телу. Хотя изначально ни я, ни он понятия не имели, о чем будет эта книга, вместе мы наметили план и остались довольны тем, что получилось в итоге. Во время работы Йонатан неоднократно поддерживал меня мудрыми и полезными советами.

Мои друзья: Стив Берман, доктор Шломит Риц-Финкельштейн и доктора Герберт и Хацль Карп — существенно углубили мое понимание различных вопросов, имеющих отношение к еврейству. Профессора Давид Блументаль и Дебора Липштадт, мои талантливые коллеги по университету Эмори, в течение многих лет делились со мной своими идеями, а профессор Сандер Гилман, считающийся ведущим специалистом по культурной истории еврейского тела, щедро делился со мной своими знаниями, а также оказывал поддержку в процессе написания книги.

Создатель интернет-архива германской пропаганды (The German Propaganda Archive) профессор Рендбалл Битверк из Кальвин-колледжа дал мне несколько ценных советов, а также помог найти наиболее интересные иллюстрации.

Очень полезным оказалось сотрудничество с Эдом Колкером, который редактировал и иллюстрировал небольшое издание моих переводов Авраѓама Суцкевера. Благодаря этой работе, поддержке Эда, короткому, но впечатляющему знакомству с самим Суцкевером в этой книге появилось несколько сюжетов.

Я не религиозен, однако вот уже шестьдесят лет раввины играют важную роль в моей жизни. Особенно хочу отметить рабби Бернарда Берзона (ортодокс), рабби Арнольда Гудмена (консерватор) и рабби Герберта Фридмана (реформист), которые на различных этапах помогли мне глубже понять иудаизм, еврейство и Израиль.

Многое из того, что я знаю об Израиле, известно мне благодаря докторам Пазит и Михаэлю Сэла, доктору Сьюзан Лоренцо, подполковнику израильской армии в отставке Луису Уильямсу, рабби Эммануэлю Фельдману, доктору Эли Регеву, рабби и профессору Давиду Шепсу и многим другим.

Хотя я вырос в ортодоксальной семье и с детства ходил в синагогу, Фонд наследия Векслера (Wexler Heritage Fondation), а позднее рабби Герберт Фридман помогали мне получить дополнительное еврейское образование, дав возможность участвовать в их замечательной двухлетней семинарской программе. Среди прочего я приобрел там несколько новых знакомых, ко-

торые впоследствии немало содействовали моей работе.

Мой ассистент Катя Моте всегда была мне хорошим другом и незаменимым помощником и в жизни, и в работе, однако на последних стадиях работы над книгой она удвоила свои усилия, без которых своевременная публикация вряд ли стала бы возможной. Адам Карел-Францен, исследователь агентства «Getty Images», помог найти несколько ценных фотографий. Йорам Сабо, готовивший фотоматериалы для израильского фильма «Огненный столб», нашел фотографию жертв погрома в Ходоркове.

Дан Франк, главный редактор издательства «Schocken/Panteon», всецело поддерживал меня в ходе работы и сделал несколько ценных замечаний, касавшихся редактирования книги. Его помощница, Фрэн Бигман, и ее преемница Ханна Оберман-Берендель всегда были готовы помочь и прислушаться к моим соображениям. Бриан Барт, готовившая обложку, подошла к этому творчески, но была готова прислушаться к моим предложениям. Рахель Лернер снабдила книгу продуманной хронологией. Большую помощь также оказали Элейн Марксон, мой многолетний агент и близкий друг, а также ее сотрудники.

Марджори Шостак была мне женой, товарищем и лучшим другом на протяжении тридцати лет, вплоть до своей смерти в 1996 году. Она подарила мне трех детей, сегодня уже совсем взрослых, которым я посвящаю эту книгу. Если бы не эти четверо, мое понимание не только еврейского, но и общечеловеческого тела и духа было бы гораздо беднее.

Четыре года назад я снова женился. Моей новой спутницей стала Анн Кэйл Крюгер. Ее замечательные душевные качества помогли мне залечить раны, оставленные многолетним одиночеством и болезнями. Я знаю, что не всем удается начать жизнь заново. Поэтому я счастлив, что мне повезло, и благодарен ей за это.

Хронология

Ок. 1900 г. до н. э. Эпоха праотца Авраама, которому в возрасте 90 лет Бог повелел сделать обрезание себе и всем домочадцам мужского пола.

Ок. 1280 г. до н. э. Бог вывел евреев из Египта «рукою крепкой и мышцей простертой».

XII в. до н. э. В эпоху Судей Израилем правит судья-женщина Двора. Во время одной из войн Дворы другая женщина, Яэль, соблазняет и убивает вражеского военачальника и тем самым окончательно склоняет чашу весов в пользу Израиля.

Конец XII в. до н. э. Шимшон, богатырь нечеловеческой силы, ведет войну против филистимлян; его побеждает женщина Далила, хитростью лишающая его силы.

Ок. 1000 г. до н. э. Юный Давид побеждает Голиафа, а затем становится царем Израиля. Он прославился как бесстрашный воин, любвеобильный мужчина и выдающийся поэт.

586 г. до н. э. Иудейское царство захвачено вавилонянами; еврейская элита угнана в Вавилонию.

539 г. до н. э. Персидский царь Кир Великий, захвативший Вавилонское царство, позволил

еврейским изгнанникам вернуться на родину и отстроить Храм.

Ок. 407 г. до н. э. Афинский драматург Еврипид написал трагедию «Вакханки», где описывается культ греческого бога Диониса.

332 г. до н. э. Александр Великий завоевывает Землю Израиля, что приводит к распространению эллинистической культуры и культа тела.

174 г. до н. э. Ясон, первосвященник-эллинист, открывает в Иерусалиме греческий гимнасий; евреи обнаженными участвуют в греческих состязаниях, некоторые из них даже пытаются скрыть следы обрезания.

167–164 гг. до н. э. Семья священников возглавляет восстание против эллинистического режима. Под руководством Йеѓуды Маккавея они одерживают победу, и евреи вновь обретают религиозную свободу.

37 г. до н. э. Царь Ирод начинает возводить в Иудее стадионы, каждые четыре года устраивает игры и приглашает для участия в них атлетов с разных концов света.

70 г. н. э. Разрушение Храма и Иерусалима после подавления римлянами восстания в Иудее.

73–74 гг. н. э. Массовое самоубийство защитников последнего оплота повстанцев — Масады, крепости в Иудейской пустыне.

132 г. н. э. Антиримское восстание в Иудее под руководством Бар-Кохбы. Восстание было подавлено в 135 г., многие руководители казнены в Кесарии, на арене Колизея.

Ок 200 г. н. э. Завершена редакция *Мишны* — сборника еврейских законов, которые станут основой Талмуда. Эти законы охватывают

все сферы человеческой жизни и деятельности, включая секс; ряд законов касается женской ритуальной нечистоты во время менструации (*нида*), когда мужчинам запрещено к ним прикасаться.

Ок. 250 г. н. э. Шимон бен Лакиш (Реш Лакиш), бывший еврейский гладиатор, потрясен видом р. Йоханана, купающегося в Иордане; он женится на сестре р. Йоханана и становится знатоком Торы.

1038 г. Шмуэль ѓа-Нагид становится великим визирем Гранады и неоднократно водит в бой армии королевства.

1138 г. Родился Моше бен Маймон (Маймонид), прославленный средневековый еврейский врач, подчеркивавший важность не только душевного, но и телесного здоровья.

Ок. 1270–1280 гг. В Жероне, Испания, завершен *Зоѓар*, важнейший текст каббалы (еврейской мистики). Каббала приписывает Богу разнообразные качества, которые соответствуют различным органам тела.

1492 г. Король Фердинанд и королева Изабелла, завершившие объединение Испании под властью христианских монархов, вынуждают евреев покинуть Испанию или креститься. Те, кто решает остаться, подвергаются преследованиям инквизиции; многих казнят как соблюдающих законы иудаизма.

Ок. 1515 г. Микеланджело создает статую Моисея, центральной фигуры гробницы папы Юлия II. Моисей изображен с рожками; этот образ, обязанный своим возникновением ошибке Блаженного Иеронима, становится частью антисемитского дискурса.

Ок. 1596 г. Уильям Шекспир заканчивает пьесу «Венецианский купец», знаменитую образом алчного еврея Шейлока, пытавшегося получить с должника-христианина «фунт плоти».

1609 г. Умер рабби Йеѓуда-Лива бен Бецалель (Маѓарал) из Праги, который, согласно легенде, создал *голема* — некоего монстра, защищавшего евреев города.

1792 г. «Светоч Израиля» Даниэль Мендоза становится шестидесятым чемпионом Лондона по боксу.

1881–1882 гг. Волна кровавых еврейских погромов в Российской империи, вызвавшая массовую еврейскую эмиграцию, а также создание первых групп и отрядов еврейской самообороны.

1882 г. В «Послании к евреям» Эмма Лазарус призывает евреев снова стать физически сильными и научиться воевать.

1882 г. Начало первой *алии* — приезд в Палестину членов группы *Ховевей Цион* (Любящие Сион).

1886 г. Знаменитый немецкий патолог и создатель системы общественного здравоохранения Рудольф Вирхов приходит к выводу, что еврейские дети физически не отличаются от нееврейских.

1896 г. Жак Йозеф (Яаков Левин), немецкий врач еврейского происхождения, проводит первую ринопластическую операцию.

1897 г. Первый сионистский конгресс в Базеле под председательством Теодора Герцля; в течение года сионистское движение объединяет 800 европейских отделений, в которых более 100 тысяч участников-евреев.

1898 г. На Втором сионистском конгрессе Макс Нордау призывает к созданию «Muskeljudentum», новой расы «мускулистых евреев». Вместе с Максом Мандельштамом он создает еврейские спортивные клубы *Маккаби* и *Бар-Кохба*, для пропаганды спортивного образа жизни среди еврейской молодежи.

1904–1914 гг. Вторая *алия*. Более 40 тысяч евреев, преимущественно из России, переселяются в Землю Израиля.

1905 г. Первая публикация антисемитской фальшивки «Протоколы сионских мудрецов».

1905 г. Еврейский врач Зигмунд Фрейд опубликовал «Три очерка о теории сексуальности», посвященных анализу физического опыта, подсознательных желаний и эдипова комплекса.

1907 г. Евреи Палестины берут охрану поселений в свои руки; в 1909 г. возникает организация *ѓа-Шомер* (Страж), объединяющая несколько небольших еврейских отрядов, несущих охрану поселений.

1910 г. Заложен первый кибуц «Дгания» — первый шаг в попытке построить новое общество на Земле Израиля.

1913 г. Женская сионистская организация *Ѓадаса*, возглавляемая Генриеттой Сольд, посылает в Иерусалим двух медсестер для работы в новой клинике.

1916 г. Ф. Кафка написал «Превращение», рассказ о теле, вызывающем отвращение и ужас.

1916 г. Создан *ѓа-Шомер ѓа-цаир*, молодежное социалистическое сионистское движение, ставящее целью подготовку европейских евреев для жизни в *кибуце*; движение на-

ходилось под влиянием палестинского *га-Шомера*, однако отвергало военный аспект его деятельности.

1917 г. Владимир (Зеэв) Жаботинский создает Еврейский легион, сражающийся в составе британской армии во время Первой мировой войны; Жаботинский надеялся, что легион со временем превратится в еврейскую армию, которая будет защищать Землю Израиля.

Октябрь 1917 г. Арест нескольких членов организации *Нили*, занимающейся разведывательной деятельностью в пользу Англии в Палестине, находящейся под властью Османской империи; Сара Аронсон, одна из руководительниц группы, кончает с собой после трехдневных пыток.

2 ноября 1917 г. Британское правительство опубликовало Декларацию Бальфура, обещающую «создать в Палестине национальный дом для еврейского народа».

1932 г. Первая Маккабиада в Тель-Авиве. Задачей игр была популяризация физических упражнений и спорта среди евреев; многие участники впоследствии эмигрировали в Палестину. Начиная с 1950 г. Маккабиада проводится каждые четыре года, собирая в Израиле еврейских спортсменов со всего мира.

1934 г. Еврейский боксер Барри Росс стал чемпионом мира в легком весе.

Октябрь 1934 г. Хэнк Гринберг, ведущий бейсболист команды «Детройт тайгерс», пропускает один из важнейших матчей, чтобы не нарушать *Йом Кипур*.

Сентябрь 1935 г. В Германии вступают в силу Нюрнбергские законы, согласно которым евреи считаются отдельной расой; евреи лишены германского гражданства, запрещены браки между евреями и неевреями.

1939–1945 гг. В годы Второй мировой войны нацисты уничтожают 6 миллионов европейских евреев, среди них 1,5 миллиона детей; большинство уцелевших становится беженцами.

1943 г. Доктор Менгеле получает назначение в Освенцим, где ставит на заключенных десятки жестоких медицинских экспериментов; десятки тысяч узников, евреев и неевреев, погибают в газовых камерах лагеря.

Ноябрь 1944 г. Казнена Хана Сенеш, венгерская еврейка, иммигрировавшая в Палестину и заброшенная в Европу в рамках операции *Гаганы* по спасению европейских евреев.

1944–1945 гг. Еврейские части британской армии объединены в Еврейскую бригаду, которая принимает участие в боевых действиях в Италии. Впоследствии солдаты бригады помогают уцелевшим евреям освобожденной Европы; многие из них станут офицерами и генералами израильской армии.

1955 г. Бесс Меерсон, еврейская девушка из Нью-Йорка, получает титул «Мисс Америка», доказав, что еврейка может соответствовать американским идеалам красоты, разумеется, если у нее не типично еврейская внешность.

14 мая 1948 г. Провозглашено Государство Израиль; на следующий день молодое еврейское государство подвергается нападению пяти арабских армий.

4 июня 1948 г. Двадцатилетняя Карола Рут Зигель (Рут Вестхаймер), впоследствии прославившаяся как доктор Рут, вступает в *Ѓагану* и становится снайпером; во время Войны за независимость Рут была тяжело ранена.

1958 г. Опубликован роман Леона Юриса «Эксодус», воспевающий храбрость и мужество евреев в ходе Войны за независимость.

1959 г. В книге «Прощай, Коламбус» Ф. Рот впервые поднимает в большой американской литературе проблему еврейского тела.

1962 г. И. Башевис-Зингер публикует рассказ «Ентл-ешиботник», в котором женщина вынуждена спрятать свое тело, чтобы учиться в ешиве вместе с мужчинами.

Октябрь 1965 г. Бейсболист Сэнди Коуфакс отказывается участвовать в матче финальной серии, выпавшем на *Йом Кипур*.

Июнь 1967 г. Шестидневная война, в которой Израиль наносит сокрушительное поражение превосходящим по силам арабским армиям; после этой победы евреев воспринимают во всем мире как храбрых и умелых воинов.

1968 г. Барбра Стрейзанд получает «Оскар» за роль еврейской актрисы Фанни Брайс в фильме «Смешная девчонка». В отличие от Брайс, сделавшей пластическую операцию, Барбра Стрейзанд сохранила свой еврейский нос в неприкосновенности.

5 сентября 1972 г. 11 членов олимпийской сборной Израиля захвачены террористами во время Олимпиады в Мюнхене; все они убиты. Еврейский пловец Марк Спитц, завоевав-

ший семь золотых медалей, покидает Мюнхен под усиленной охраной.

1990 г. Генетик М.-К. Кинг обнаруживает, что ген BRCA1 является причиной наследственных онкологических заболеваний. Этот ген чаще всего встречается у ашкеназских евреев.

2003 г. Илан Рамон, чьи родители пережили Катастрофу, становится первым израильским космонавтом. На орбиту он берет маленькой свиток Торы, а также рисунок Земли из космоса, сделанный ребенком, который погиб в Катастрофе. Во время посадки произошел взрыв, и Илан Рамон погиб вместе с другими членами экипажа.

Август 2004 г. Виндсерфингист Галь Фридман становится первым израильским олимпийским чемпионом[1].

2005 г. Исследования ученых из университета Юты показали, что многие генетические еврейские заболевания могут быть связаны с высоким уровнем развития интеллекта.

Примечания

Предисловие

[1] *Howard Eilberg-Schwartz*. The problem of the Body for the people of the Book. — In: People of the body: Jews and Judaism from an embodied perspective. / Ed.: Albany: State University of New York Press, 1992, pp. 17–46.

[2] Рабби Бернард Берзон (1913–1989) родился в Литве, эмигрировал в США в возрасте 12 лет. В 1935 г. закончил теологическую семинарию им. рабби Элханана Спектора. В течение сорока трех лет возглавлял конгрегацию *Аѓават Исраэль* в Бруклине. В начале семидесятых годов он был президентом Совета раввинов Америки (Rabbinical Council of America) (*здесь и далее — прим. перев. и ред.*).

Пролог

[1] Стикбол — детская игра, напоминающая бейсбол; для игры годится любой маленький мяч и палка.

[2] Панчбол — разновидность бейсбола без бит.

[3] Автор ошибается. После реформы 1874 г. сроки военной службы были существенно сокращены: вместо 25-летней рекрутчины для солдат — 6 лет действительной службы, после чего отслуживших переводили в запас на 9 лет, а затем в ополчение; для матросов — 7 лет действительной службы и 3 года запаса.

[4] Включение или выключение электрической лампочки, даже непреднамеренное, считается нарушением святости субботы.

[5] *Тфилин* — написанные на пергаменте отрывки из Торы, которые помещены в коробочки из кожи.

Тфилин прикрепляются к голове и левой руке, напротив сердца, при помощи кожаных ремешков, продетых через основания коробочек. Обычно *тфилин* накладывают во время утренней молитвы, хотя при необходимости это можно проделывать до заката. Наложение *тфилин*, наряду с обрезанием и соблюдением субботы, считается одной из важнейших заповедей.

[6] Числа, 24:5.

[7] Это благословение произносят после посещения туалета. Здесь и далее цитируется по молитвеннику *Тегилат га-Шем* («Хвала Всевышнему»). М.–Н.-Й.–Иер.: Лехаим, 2011.

[8] Эти благословения произносят во время утренней молитвы *шахарит*. Женщины вместо: «Благословен Ты, Господь, Бог наш, Владыка мира, не создавший меня женщиной!» — произносят другое благословение: «...создавший меня по воле Своей!».

[9] Раздел Вавилонского Талмуда *Нашим* («Женщины») в основном посвящен законам заключения и расторжения брака, родительским обязанностям, воспитанию детей и обучению их ремеслам.

[10] *Тогорот* («Чистота») — раздел Талмуда, целиком посвященный теме ритуальной чистоты и нечистоты. В Вавилонском Талмуде из этого раздела есть только трактат *Нида* (от корня, который означает «отдаление»).

[11] *Микве*, или *миква*, — водный резервуар для омовения (*твила*) с целью очищения от ритуальной нечистоты. *Миква* представляет собой резервуар с минимальным количеством воды в 40 *сеа*, согласно различным подсчетам, от 250 до 1 тыс. литров. Религиозные женщины окунаются в *микву* по прошествии семи дней от окончания менструации, и лишь после этого супруги могут возобновить интимную близость.

[12] Подробный анализ этих талмудических историй см.: *Judith Hauptman*. Rereading The Rabbis: A Woman's Voice. Boulder, Colo: Westview Press, December 11, 1998, pp. 40–45.

[13] Рав (Аба бен Эйво, умер около 246 г.) — выдающийся *амора* (учитель) Вавилонии, основатель академии в Суре, один из лидеров создателей *Гемары* Вавилонского Талмуда. Прозвище «Рав» получил за

то, что был «учителем (равом) всей диаспоры». Йеѓуда ѓа-Наси (вторая половина II в. — начало III в.) — собиратель и редактор *Мишны*. Целью его деятельности было укрепление веры и упрочение позиции евреев в Эрец-Исраэль, многие *амораи* первого поколения были его учениками.

[14] Р. Акива в молодости служил пастухом у знаменитого богача Калба-Савуа. Дочь Калба-Савуа, Рахель, приглядываясь к бедному пастуху и видя в нем честного и достойного юношу, полюбила его.

— Акива, — сказала она ему однажды, — если я соглашусь стать твоею женой, поступишь ли ты в школу, чтобы посвятить себя науке?

— Да, — ответил Акива.

Они тайком и обручились. А когда об этом узнал Калба-Савуа, он выгнал дочь из дому и объявил о лишении ее наследства (*Ктубот*, 62а. Перевод С. Фруга).

[15] Хия Раба — родился в Вавилонии, один из наиболее авторитетных талмудических мудрецов последнего поколения *танаев* Эрец-Исраэль, современник и сотоварищ редактора *Мишны* рабби Йеѓуды ѓа-Наси.

[16] Мартин Лютер Кинг (1929–1968) — самый известный афроамериканский баптистский проповедник, яркий оратор, лидер ненасильственного сопротивления расизму. Кинг стал первым борцом за гражданские права черных в США. Наиболее известна его речь «У меня есть мечта» («I have a dream»), которую он произнес во время марша на Вашингтон в 1963 г. у подножия монумента Линкольну в присутствии около 300 тысяч американцев.

[17] Соответствует российской тройке (высшей оценкой является A, низшей, проходной — D).

Глава 1
Бог, у которого нет тела

[1] Высоты — возвышенности на холмах и горах, которые в библейские времена нередко избирались местом истинного служения Богу, однако весьма часто служили также и для идолопоклонства.

[2] Имеется в виду Теофраст, или Феофраст (ок. 372 до н. э. — ок. 287 до н. э.), древнегреческий философ, естествоиспытатель, теоретик музыки. Полностью

цитата звучит так: «Будучи племенем мудрецов, они проводят в беседах друг с другом о божестве, а с наступлением ночи созерцают звезды, глядя на них и вознося Богу молитвы. Они первыми стали приносить живые существа в жертву, в том числе и самих себя, однако делая это по принуждению, а не по желанию». Цитируется по: Штерн М. Греческие и римские авторы о евреях и иудаизме. В 3 т. Москва–Иерусалим, 1997–2002.

[3] Гостия (*лат.* hostia — жертва) — маленькая лепешка из пресного (незаквашенного) пшеничного теста, которую католики и протестанты используют на литургии для совершения таинства причастия (евхаристии). В православных церквях с той же целью употребляют заквашенный хлеб — просфоры.

Глава 2
«Божественный надрез»

[1] *Мидраш* (букв. «рассуждение», «толкование») — метод изучения Писания, основанный на восприятии всего текста как единого целого, имеющего множество смысловых уровней, а также литературный жанр, основанный на этом методе. Жанр *мидраша* развивался на протяжении более чем тысячелетнего периода, с поздней Античности до позднего Средневековья.

[2] *Rabbi Moshe Weissman, The Midrash Sais: The Book of Beraishis* (Brooklyn, NY: Bnai Yakov Publications, 1980), p. 153. Рус. пер.: Вейсман М. Мидраш рассказывает. Иерусалим: Швут Ами, 1990.

[3] «А жене сказал: умножая умножу муку твою в беременности твоей; в муках будешь рожать детей, и к мужу твоему влечение твое, и он будет господствовать над тобою. Адаму же сказал: за то, что ты послушал голоса жены твоей и ел от дерева, о котором Я заповедал тебе, сказав: "не ешь от него", проклята земля за тебя; в муках будешь питаться от нее все дни жизни твоей» (Бытие, 3:16–17).

[4] Каина.

[5] См.: *Howard Eilberg-Schwartz*. The Savage in Judaism: An Anthropology of Israelite Religion and Ancient Judaism. Bloomington: Indiana University Press, 1990.

[6] «И начал Ноах возделывать землю, и насадил виноградник. И выпил он вина, и опьянел, и обнажил

он себя посреди шатра своего. И увидел Хам, отец Кнаана, наготу отца своего, и рассказал двум братьям своим на дворе» (Бытие, 9:20–22, 24–25).

[7] Папилломавирус человека (HPV — Human Papillomavirus) — вирус, передающийся от человека к человеку и приводящий к характерному изменению роста тканей. Известно более 100 видов HPV. Из них более 40 могут вызвать поражение половых органов и заднего прохода. Некоторые из HPV безвредны, другие — вызывают бородавки, есть такие, которые способствуют возникновению злокачественных опухолей.

[8] Маккавеи (Хасмонеи) — так называют священников Мататьяѓу бен Йоханана и пять его сыновей, из-за гонений на иудаизм поднявших во II в. до н. э. победоносное восстание против эллинистической империи Селевкидов.

[9] *Harvey E. Goldberg*. Jewish Passages. Cycles of Jewish Life.University of California Press, 2003, p. 28. Вторая глава книги полностью посвящена разнообразию обычаев, связанных с обрезанием.

Глава 3
Греки и евреи

[1] *Camille Paglia*. Sexual Personae: Art and Decadence from Nefertiti to Emily Dickinson. London & New Haven: Yale University Press, 1990, p. 27.

[2] Успешное восстание под предводительством Маккавеев. В честь победы в этом восстании евреи празднуют *Хануку*. Против Рима евреи восставали не дважды, а по крайней мере трижды: дважды в Палестине и один раз — в Северной Африке.

[3] *Shaye J. D. Cohen*. From the Maccabees to Mishnah. Philadelphia: Westminster Press, 1997, ch. 2. *David Stern*. Hellenism and Hebraism Reconstruction, Poetic Today, 19(1). 1998, p. 117.

[4] Пасхальный *седер* (*седер Песах*) — ритуальная семейная трапеза в праздник *Песах*, во время которой читается Пасхальная *агада* об Исходе из Египта.

[5] *Маца* — опресноки из муки и воды, заменяющие хлеб из дрожжевого теста, запрещенный к употреблению на протяжении семи дней *Песаха*; есть мацу в пасхальную ночь предписано повелевающей заповедью

Торы. Законы изготовления *мацы* крайне строги: муку для нее принято подготавливать заранее, а если на эту муку попадает влага, она превращается в квасное и для выпечки не годится. Между замешиванием теста и выпечкой должно пройти не более восемнадцати минут.

[6] Автор, видимо, имел в виду следующий отрывок: «Так вот, Эрот Афродиты пошлой поистине пошл и способен на что угодно; это как раз та любовь, которой любят люди ничтожные. А такие люди любят, во-первых, женщин не меньше, чем юношей; во-вторых, они любят своих любимых больше ради их тела, чем ради души, и, наконец, любят они тех, кто поглупее, заботясь только о том, чтобы добиться своего, и не задумываясь, прекрасно ли это. Вот почему они и способны на что угодно — на хорошее и на дурное в одинаковой степени. Ведь идет эта любовь как-никак от богини, которая не только гораздо моложе другой, но и по своему происхождению причастна и к женскому, и к мужскому началу. Эрот же Афродиты небесной восходит к богине, которая, во-первых, причастна только к мужскому началу, но никак не к женскому, — недаром это любовь к юношам, — а во-вторых, старше и чужда преступной дерзости. Потому-то одержимые такой любовью обращаются к мужскому полу, отдавая предпочтение тому, что сильней от природы и наделено большим умом» (пер. С. Жебелева).

[7] *Schultheiss D., Truss M. C., Stief C. G., Jonas U.* Uncircumcision: a historical review of preputial restoration. Plast. Reconstr. Surg. 101(7). 1998, pp. 1990–1998. *Robert Hal.* Epispasm – Circumcision in Reverse. In.: Bible Review, 8 (1992), pp. 52–79.

[8] Авл Корнелий Цельс (*лат.* Aulus Cornelius Celsus, ок. 25 до н. э. — ок. 50 н. э.) — римский философ и врач. Оставил после себя около 20 книг по философии, риторике, праву, сельскому хозяйству, военному делу и медицине. В трудах по медицине собрал самые достоверные (на то время) знания по гигиене, диетике, терапии, хирургии и патологии. Заложил основы медицинской терминологии. Ввел в хирургию лигатуру для перевязки кровеносных сосудов. В психиатрии известен как автор термина «делирий». Обладая обширной эрудицией, приобретенной усердным изучением греческих источников, Цельс составил обширную энциклопедию («Artes», «Искусства»), включавшую

философию, риторику, юриспруденцию, сельское хозяйство, военное искусство и медицину.

[9] Децим Юний Ювенал (*лат.* Decimus Junius Juvenalis, ок. 60 — ок. 127) — римский поэт-сатирик. Известен нападками на евреев и иудаизм.

[10] Имеется в виду Филон Александрийский (ок. 20 до н. э. — ок. 50 н. э.), еврейский мыслитель, глава еврейской общины в Александрии Египетской.

[11] Здесь автор цитирует American Heritage Dictionary. В переводе дано определение из словаря В. Даля.

[12] Перевод И. Анненского.

[13] См., например, «Рождение трагедии» (перевод Г. Рачинского): «Было бы большим выигрышем для эстетической науки, если бы не только путем логического уразумения, но и путем непосредственной интуиции пришли к сознанию, что поступательное движение искусства связано с двойственностью аполлонического и дионисийского начал, подобным же образом, как рождение стоит в зависимости от двойственности полов при непрестанной борьбе и лишь периодически наступающем примирении. Названия эти мы заимствуем у греков, разъясняющих тому, кто в силах уразуметь, глубокомысленные эзотерические учения свои в области воззрений на искусство не с помощью понятий, но в резко отчетливых образах мира богов. С их двумя божествами искусств, Аполлоном и Дионисом, связано наше знание о той огромной противоположности в происхождении и целях, которую мы встречаем в греческом мире между искусством пластических образов — аполлоническим — и непластическим искусством музыки — искусством Диониса; эти два столь различных стремления действуют рядом одно с другим, чаще всего в открытом раздоре между собой и взаимно побуждая друг друга ко все новым и более мощным порождениям, дабы в них увековечить борьбу названных противоположностей, только по-видимому соединенных общим словом "искусство"; пока, наконец, чудодейственным метафизическим актом эллинской "воли" они не явятся связанными в некоторую постоянную двойственность и в этой двойственности не создадут наконец столь же дионисийское, сколь и аполлоническое произведение искусства — аттическую трагедию».

[14] Рут Бенедикт (урожд. Рут Фултон, 1887–1948) — американский антрополог, представитель этнопсихологического направления. В 1932 г. напечатала в «American Anthropologist» теоретическую статью «Конфигурации культуры», где поставила вопрос о качественных различиях между культурами, применив к ним идеи Ницше об аполлоническом и дионисийском типах культуры. В 1934 г. вышла книга Рут Бенедикт «Модели культуры» («Patterns of Culture»), классический труд по антропологии. В основе такого исследования лежит концепция «моделей культуры», направленная на выявление присущей каждой культуре доминанты — центрального стрежня, общей темы культуры, определяющей конфигурацию всех ее элементов. Особенно ярко этот подход проявился в книге Рут Бенедикт «Хризантема и меч» (1946), посвященной японскому народу.

[15] *Camille Paglia.* Sexual Personae. Art and Decadence from Nefertiti to Emily Dickinson. London & New Haven: Yale University Press, 1990, pp. 96–98.

[16] Еврипид (480–406 до н. э.) — древнегреческий драматург, представитель новой аттической трагедии, в которой преобладает психологическое начало над идеей божественного рока. Автор 90 трагедий, из которых до нас дошли 18.

[17] Подробный анализ обычая разбивать бокал во время свадьбы см.: *Harvey E. Goldberg.* Jewish Passages. Cycles of Jewish Life.University of California Press, 2003, pp. 147–160; о простыне со следами крови см.: Ibid. с. 134. Намек на последний обычай есть уже в Торе: «Если кто возьмет жену и войдет к ней, и возненавидит ее, И возведет на нее умышленные нарекания, и пустит о ней худую молву, и скажет: "жену сию взял я и вошел к ней, и не нашел у нее девства", То пусть возьмет отец отроковицы и мать ее и вынесут (признаки) девства отроковицы к старейшинам города, к вратам» (Второзаконие, 22:13–15).

Глава 4
Ребро Адама

[1] На самом деле р. Эльазар.

[2] Вавилонский Талмуд, *Бава мециа*, 84б. На самом деле р. Эльазар.

[3] *Кав* — еврейская мера объема, ок. 2,16 литров.

[4] Шломо бен Йехиэль Лурия (ок. 1510, Познань — 1573, Люблин) — известный законоучитель и комментатор Талмуда. Отличался уникальной для своего времени независимостью в толковании ѓалахических постановлений и своеобразием методов критического сопоставления комментаторского и ѓалахического материала с талмудическими источниками. Наиболее известное сочинение — комментарий к Талмуду *Ям шель Шломо* («Море Шломо»).

[5] Рот Филип Милтон (род. 1933, Ньюарк, штат Нью-Джерси) — американский писатель. Широкую известность принес Роту скандальный роман «Случай Портного» (1969), переведенный впоследствии на ряд иностранных языков (в русском переводе «Синдром Портного», журнал «Сион», 1978, №24–26).

[6] Рамбан (рабби Моше бен Нахман, также Нахманид; 1194, Жерона — 1270, Акко) — один из величайших средневековых раввинов и комментаторов Библии и Талмуда, каббалист, поэт.

[7] *Friedman, Rabbi Avraham Peretz*. Marital Intimacy: A Traditional Jewish Approach. New Jersey: Compass Books, 2005, p. 68.

[8] Рабби Авраам бен Давид (акроним Раавад, 1125?, Нарбонна — 1198, Поскьер) — автор талмудических комментариев, кодификационных сочинений и критических толкований.

[9] *Friedman, Rabbi Avraham Peretz.* Marital Intimacy: A Traditional Jewish Approach. New Jersey: Compass Books, 2005, p.

[10] Раши (акроним словосочетания «рабейну Шломо Ицхаки» — «наш учитель Шломо сын Ицхака»); 1040, Труа, Франция — 1105, там же) — крупнейший средневековый комментатор Библии и Талмуда и один из классических комментаторов *Танаха* (Писания); духовный вождь и общественный деятель еврейства Северной Франции. Раши написал комментарии на все книги Писания, самым значительным из которых является его комментарий к Торе, начиная с XV в. сопровождает библейский текст в большинстве традиционных изданий.

[11] *Friedman, Rabbi Avraham Peretz.* Marital Intimacy: A Traditional Jewish Approach. New Jersey: Compass Books, 2005, p. 66

[12] Эта легенда приводится не в Талмуде, а в средневековом мистическом трактате «Алфавит бен Сиры», датируемом IX–XI вв. Лилит, скорее всего, ведет свое происхождение от одной из добиблейских богинь Месопотамии. Талмуд несколько раз говорит о ней как о суккубе, демонице, посещающей ночью мужчин и вызывающей у них сладострастные сны. Поэтому легенда о нежелании подчиниться власти мужчины — Адама — возникла, скорее всего, задолго до появления этого трактата.

[13] *David Goldstein, Fischel Lachower, Isaiah Tishby.*The Wisdom of the Zohar, vol. II. London: Oxford University Press, 1989, p. 538.

[14] Далила — филистимлянка, обольстившая и предавшая своего возлюбленного, еврейского богатыря Шимшона (Самсона). Ее имя стало синонимом предательства. См: Книга Судей Израилевых, глава 16.

[15] *David Goldstein, Fischel Lachower, Isaiah Tishby.* The Wisdom of the Zohar, vol. II. London: Oxford University Press, 1989, p. 539

[16] *Joshua Trachtenber.* Jewish Magic and Superstition: a Study in a Folk Religion. New York: Atheneum, 1977, p. 29.

[17] Сара Бернар (1844–1923), урожденная Генриетт-Розин Бернар (*фр.* Henriette Rosine Bernard) — легендарная французская актриса еврейского происхождения, которую в начале XX в. называли «самой знаменитой актрисой за всю историю». Успеха она добилась на сценах Европы в 1870-х годах, а затем с триумфом гастролировала и в Америке. В ее амплуа были в основном серьезные драматические роли, благодаря чему актриса получила прозвище «божественная Сара».

[18] Теда Бара (1885–1955), урожденная Теодосия Барр Гудман — американская актриса, звезда немого кино. Лорин Бэколл (также Лорен Бакалл, род. 1924) — американская актриса, признанная Американским институтом кино одной из величайших кинозвезд Голливуда. Обладатель почетного «Оскара» (2009), лауреат двух «Золотых глобусов» и двух премий «Тони». Хэмфри Богарт (1899–1957) — знаменитый американский киноактер, ставший эмблемой жанра «нуар» и служивший образцом для бесчисленных актеров Европы и Америки. Исполнитель главных ролей в

таких фильмах, как «Мальтийский сокол» (1941) и «Касабланка» (1942).

[19] Гвинет Кейт Пэлтроу (род. 1972) — американская актриса и певица, обладательница награды «Оскар» (фильм «Влюбленный Шекспир»); Вайнона Райдер (настоящее имя — Вайнона Лаура Горовиц, род. 1971) — американская киноактриса, дважды номинировавшаяся на кинопремию «Оскар». Лауреат премии «Золотой глобус» за 1993 г., снималась в фильмах «Эпоха невинности», «Чужой IV», «Помутнение». В 1995 г. Райдер озвучивала дневник Анны Франк, получив номинацию на премию «Грэмми»; Рейчел Вайс (род. 1970) — английская актриса, снималась в фильмах «Мумия», «Враг у ворот», «Вкус солнечного света».

[20] Бытие, 41:45.

[21] Благословение сыновей начинается со слов: «Да уподобит тебя Бог Эфраиму и Менаше». Эфраим и Менаше — дети Йосефа от Аснат.

[22] Исход, 2:16–22.

[23] История Рут и Боаза описана в библейской Книге Руфь.

[24] Машиах (букв. «помазанник») — мессия, царь из рода Давида, который приведет в мир Избавление.

Глава 5
Опасные тела

[1] По состоянию на 2008 г. от 100 до 140 млн женщин прошли эту операцию, преимущественно в Африке. В Египте, Судане, Эфиопии, Мали и Сомали более 80% женщин подвергаются этой операции.

[2] *Chava Weissler.* Mizvot Built into the Body: Tkhines for Niddah, Pregnancy, and Childbirth. — In: People of the body: Jews and Judaism from an embodied perspective. / Ed. Howard Eilberg-Schwartz. Albany: state University of New York Press, 1002, pp. 101–115.

[3] *Lis Harris.* Holy Days: The World of Hassidic Family. New York: Summit Books, 1985, pp. 147–148.

[4] Онан — второй сын Йегуды, четвертого сына праотца Яакова. Согласно Торе, поведение Онана было связано с недостойным отношением к своему умершему старшему брату: «И сказал Йегуда Онану: войди к жене брата твоего, и женись на ней как деверь, и восстанови род брата своего. Но знал Онан, что семя

будет не ему; и бывало, когда входил к жене брата своего, ронял на землю, чтобы не дать потомства брату своему» (Бытие, 38:8–9).

[5] Глюкель (Гликл) из Гамельна (1646, Гамбург — 1724, Мец) — жена гамбургского купца-еврея, мать четырнадцати детей. После смерти мужа она взяла его дело в свои руки. Мемуары, написанные ею в конце жизни на идише, первоначально были предназначены только для детей и внуков, однако впоследствии получили широкую известность.

[6] Glückel of Hameln, *The Memoirs of Glückel of Hameln*, trans. Marvin Lowenthal (NY, Schocken Books, 1977), pp. 150–51 (Рус. пер.: Глюкель фон Гамельн. Рассказ от первого лица. М.: Лехаим, 2001. Книга публиковалась также в журнале «Лехаим» с ноября 2000 г. по ноябрь 2001 г. В 1999 г. в России выпущена книга французского историка Натали Земон Дэвис «Дамы на обочине», в которой отдельная глава посвящена Глюкель).

[7] Молодые евреи, включая тех, кто считает себя религиозными, сегодня часто нарушают этот запрет. Что поделать, не следовать моде бывает непросто. Забавно, что некоторые из них предпочитают татуировки с ярко выраженной еврейской символикой — звездой Давида или еврейскими словами *хай* («живой», «жизнь») или *шомер ахи* («сторож брату своему»). Еще забавнее, что Бритни Спирс и некоторые другие знаменитости также сделали себе еврейские татуировки.

[8] *Ко́ген* — священническое звание, переходящее от отца к сыну, начиная от А́гарона, брата Моисея. На *ко́генов* — потомков А́гарона — возложены особые заповеди, у них особые обязанности и права; одна из важнейших обязанностей — благословлять народ Израиля. *Ко́генам* запрещено прикасаться к телу покойника (за исключением ближайших кровных родственников) и совершать обряды траура по ним (Левит, 21:1–5).

Глава 6
Борода Бога

[1] *Naomi Janowitz*. God's Body: Theological and Ritual Roles of Shi'ur Komah. — In.: People of the body: Jews and Judaism from an embodied perspective. / Ed. Howard

Eilberg-Schwartz. Albany: state University of New York Press, 2002, pp. 181–201.

[2] Ibid., с. 190.

[3] *Gershom Scholem*. Kabbalah. New York: Dorset Press, 1974, p. 153.

[4] Йосеф бен Авраѓам Джикатилла (1248 — после 1305) — испанский каббалист, ученик р. Авраѓама Абулафии. Имел репутацию чудотворца. Произведения — *Гинат эгоз* («Ореховый сад»); *Мааян ѓа-хохма* («Источник мудрости»), *Шаарей ора* («Врата света»).

[5] *Rabbi Josepg Gikatilla*. Gates of Light: Sha'are Orah, translated by Avi Weinstein. San Francisco: HarperCollins/ Bronfman Libraty, 1994, p. 7.

[6] *Gershom Scholem*. Kabbalah. New York: Dorset Press, 1974, p. 152.

[7] *Perle Epstein*. Kabbalah: The Way of the Jewish Mystic. New York: Doubleday, 1978, p. 47.

[8] Рабби Ицхак Лурия Ашкенази (1534, Иерусалим — 1572, Цфат) — каббалист, создатель нового направления в еврейской мистике. Об учении Лурии мы узнаем в основном из сочинений его учеников, написанных после его смерти, прежде всего из книги Х. Витала *Эц ѓа-хаим* («Древо жизни»). Могила Лурии в Цфате — место паломничества.

[9] *Lawrence Fine*. Purifing the Body in the Name of the Soul: The problem of the Body in Sixteenth-century Kabbalah. — In: People of the body: Jews and Judaism from an embodied perspective. / Ed. Howard Eilberg-Schwartz. Albany; state University of New York Press, 2002, pp. 117–142.

[10] *Gershom Scholem*. Zohar: The Book of Splendor: Basis Reading from the Kabbalah.New York: Schoken Book, 1949, pp. 63–64.

Глава 7
«Да разве у жида нет глаз?»

[1] *Julian Bene, Still Spitting*. Changing the Way We Deal with the Jewish Image in the Classics, 2008.

[2] Перевод А. В. Кривцовой.

[3] Перевод В. Паперно.

[4] Софроний Евсевий Иероним (*лат.* Sophronius Eusebius Hieronymus; 342, Стридон на границе Далмации и Паннонии — 30 сентября 419 или 420,

Вифлеем) — церковный писатель, аскет, создатель Вульгаты — канонического латинского перевода Библии. Почитается в православной и в католической традиции как один из отцов Церкви.

[5] Перевод Т. Щепкиной-Куперник.

[6] *B. Netanyahu*. The Origins of the Inquisition in Fifteenths-century Spain. 2nd ed. New York: New York Review of Books, 2001.

[7] Автор ошибается: на Украине еврейские погромы не прекращались ни в XVIII, ни в XIX в.

Глава 8
Раса и судьба

[1] Имеется в виду знакомство Моше с его будущей женой и ее сестрами, которых он защитил от пастухов: «И пришли они к Рауэлу (Рагуилу), отцу своему, и он сказал: что вы так скоро пришли сегодня? И они сказали: какой-то египтянин избавил нас от пастухов и даже начерпал нам и напоил овец» (Исход, 2:18–19).

[2] *Robert N. Proctor,* Racial Hygiene: Medicine under the Nazis. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1998.

См. также: *Michael Kater*. Doctors under Hitler. — Chapel Hill: The University of North Caroline Press, 1989.

Robert Jay Lifton. The Nazi Doctors: Medicalized Killing and the Psyhology of Genocide. New York: Basic Books, 2005.

[3] «Хайди: годы странствий и учебы» (*нем.* «Heidis Lehr und Wanderjahre»; впервые опубликовано в 1880) — книга швейцарской писательницы И. Шпири о жизни маленькой девочки-сироты в Швейцарских Альпах.

[4] Речь идет о французских темнокожих солдатах, входивших в оккупационный корпус, который, согласно Версальскому договору, был введен на территорию Рейнской области. Потомков этих солдат и немецких женщин, появившихся в 1920-х гг., называли Рейнскими бастардами. После принятия в 1935 г. Нюрнбергских законов, согласно которым межрасовые браки были запрещены, создали специальную «комиссию номер 3», которая занималась вопросом

рейнских бастардов. Потом эта функция перешла к организованному доктором Евгением Фишером Институту антропологии, человеческой наследственности и евгеники имени Кайзера Вильгельма, где было решено, что дети-мулаты будут стерилизоваться согласно закону 1933 г. о предотвращении наследственных заболеваний. Программа начала выполняться в 1937 г.

[5] *A. Hitler.* Mein Kampf. Munich: Franz Eher Nachfolger, 1930. На русском языке книга «Моя борьба» была издана в переводе с немецкого К. Радека в 1992 г. в издательстве «Т-ОКО».

[6] Чемберлен Хьюстон Стюарт (1855–1927) — английский писатель, философ, теоретик расизма. Основная работа Чемберлена, принесшая ему скандальную известность, — «Основы XIX века» вышла в Мюнхене в 1899 г. В книге две основные темы: арийцы как творцы и носители цивилизации и евреи как негативная расовая сила, фактор вырождения и разрушения. Чемберлен рассматривал арийцев в качестве единственной опоры мирового развития.

[7] См.: *Lusy S. Dawidowicz.* The War against Jews, 1933–1945. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1975.

[8] Розенберг Альфред (1893, Ревель, ныне Таллин — 16 октября 1946, Нюрнберг) — немецкий государственный и политический деятель, один из наиболее влиятельных членов и идеолог национал-социалистической немецкой рабочей партии (НСДАП). Глава внешнеполитического отдела НСДАП (1933–1945), уполномоченный фюрера по контролю за духовным воспитанием и формированием мировоззрения.

[9] *Ernst Hiemer.* Der Giftpiltz. Nürnberg: Sturmerverlag, 1938.

[10] *David Welsh.* Propaganda and the German Cinema, 1933–1945. / Revised edition. London: I. B. Taurus, 2001; *Linda Schulte-Sasse.* The Jew as Other under National Socialism: Veit Harlan Jud Suss. — The German Quarterly, 61:1, 1988, pp. 22–49 (В XX в. роман с тем же названием и, видимо, независимо от Гауфа написал Лион Фейхтвангер. Когда в 1940 г. фильм вышел на экран, Фейхтвангер решил, что нацисты без его разрешения использовали его литературный материал, исказив текст и подведя под него свою идеологию.

Он написал открытое письмо с обвинениями в конформизме талантливым немецким актерам, снявшимся в фильме. Когда ему указали, что за основу был взят текст Гауфа, о котором Фейхтвангер не знал, разгорелась полемика, чего было больше в работе нацистских сценаристов, режиссеров и актеров: Гауфа, Фейхтвангера или собственного творчества.

[11] Кошерный убой животных или птицы для употребления в пищу евреями регламентируется многочисленными правилами и установлениями. В частности, нож, которым осуществляется убой, должен быть прямым, гладким, на лезвии не должно быть заусенцев или щербин, резник должен проверить, не страдала ли зарезанная скотина какими-либо болезнями.

[12] *Raul Hilberg*. The Destructioп of The Europeaп Jews. New York: Franklin Watts, 1973, p. 625.

[13] Ibid.

[14] Ibid., c. 627.

[15] Ibid., c. 614.

[16] Ephraim Oshry. Respoпsa from the Holocaust. / Ed.: B. Goldmaп.Translator Y. Leiman, 1983.

На русском языке: Эфраим Ошри. *Респонсы* Холокоста / Пер. М. Гайнер, Л. Ашкинази. / Нью-Джерси — М., 5764–5766 (2004–2006).

[17] На *коѓена* наложены особые запреты, предписания и ограничения. Ряд перечисленных в Торе телесных пороков лишает *коѓена* права совершать жертвоприношение или отправлять какой-либо культовый обряд (Левит, 21:17–23).

[18] *Debora Lipstadt*. Deпyiпg the Holocaust: The Grouing Assault oп Truth and Memory. New York: The Free press, 1993.

Глава 9
Уцелевшие

[1] Воспоминания Тоси Шехтер-Шнейдер недавно были изданы: *Tosia Szechter-Schneider*. Someoпe Must Survive to Tell the World. Montreal: Polish-Jewish Heritage Foпdation of Canada, 2007.

[2] Ширли Темпл (Shirley Temple, род. 23 апреля 1928) — американская актриса, обладательница молодежного «Оскара» (1934), наиболее известна по своим детским ролям в фильмах 1930-х гг.

[3] После Первой мировой войны в состав Польши вошли территории, бывшие прежде в составе трех империй: Германии, Австро-Венгрии и России.

[4] Скорее всего, речь идет о Первой мировой войне, когда наступление и отступление русской армии в 1914–1915 гг. сопровождалось многочисленными погромами, в которых участвовали и казачьи части.

Глава 10
Тело возвращается

[1] Согласно Библии, Шимшон не приносил обет назорейства — его родители получили повеление воспитать сына назореем: « И был один человек из Цоры, из семейства Данова, по имени Маноах; а жена его была бесплодна и не рожала. И явился ангел Господень жене, и сказал ей: вот, ты бесплодна и не рожаешь, но зачнешь и родишь сына. А теперь берегись: не пей вина и *шехара* и не ешь ничего нечистого. Ибо вот, ты зачнешь и родишь сына, и бритва да не коснется головы его, потому что *назиром* Божьим будет это дитя от самого чрева, и он начнет спасение Исраэля от руки филистимлян» (Книга Судей Израилевых, 13:2–5).

[2] *Мишна* — древнейший (I–III вв. н. э.) свод Устной Торы, лежащий в основе Талмуда. *Мишна* в современном ее виде включает 63 трактата, они разбиты на шесть разделов, посвященных практически всем аспектам религиозной, социальной и экономической жизни евреев поздней Античности. Свод составил и отредактировал р. Йеѓуда ѓа-Наси в начале III в. н. э.

[3] Бар-Кохба — руководитель антиримского восстания в Иудее в 132–135 гг. н. э. После подавления восстания и последовавших массовых казней и убийств Бар-Кохба был обвинен во всех неудачах и получил имя «Бар-Козиба» («Сын лжи»).

[4] *Louis Finkelstein*. Akiba: scholar, Saint and Martyr. Northvale, N. J.: Jason Aronson, 1990, p. 269.

[5] *Йом Кипур* — День искупления, или Судный день. Празднуется осенью, десятого числа месяца *тишрей* (сентябрь–октябрь). Один из важнейших еврейских праздников, день, когда можно изменить приговор, вынесенный в *Рош ѓа-Шана* (Новый год), извиниться

перед людьми и вымолить прощение грехов против Бога.

[6] *Шма* или *Шма Исраэль* («Слушай, Израиль») — «Слушай, Израиль! Господь, Бог наш, Господь один!» (Второзаконие, 6:4), своего рода «символ веры» иудаизма. Слова *Шма Исраэль* произносят после пробуждения, перед отходом ко сну и в смертный час, они являются кульминацией утренней и вечерней молитв.

[7] Шмуэль ѓа-Нагид (Шмуэль ѓа-Леви бен Иосеф Ибн Нагрела; 993, Кордова, — 1055 (или 1056), Гранада) — поэт, государственный деятель, военачальник, лидер испанского еврейства, законоучитель и грамматик.

[8] Йеѓуда-Лива бен Бецалель из Праги (Маѓарал, акроним «учитель и наставник наш рабби Лива»; ок. 1512–1609) — выдающийся мудрец, законодатель и каббалист, автор ряда классических трудов по философии иудаизма. Маѓарал — излюбленный герой народных преданий, которые приписывают ему создание искусственного человека, *голема*.

[9] Лазарус Эмма (1849, Нью-Йорк, — 1887, там же) — американская писательница и поэтесса.

[10] *Emma Lazarus.* An Epistle to the Hebrees, in Four Centuries of Jewish Woman Spirituality: A Sourcebook. / Ed.: E.M. Umansky and D. Ashton. Boston: Beacon Press, 1992, pp. 102–103.

[11] Имеется в виду необычный аукцион, устроенный во время строительства пьедестала статуи Свободы, когда поэты продавали свои ранее не опубликованные стихи. По условиям конкурса текст стихотворения, собравшего наибольшие средства, будет выбит на пьедестале статуи. В аукционе участвовали такие гиганты, как Уолт Уитмен, Генри Лонгфелло, Брет Гарт и Марк Твен. Когда организатор аукциона предложил Эмме Лазарус участвовать в конкурсе, она сначала отказалась, говоря, что не может сочинять стихи по заказу. На это ей возразили: «Вспомните беженцев из России». Этих слов оказалось достаточно. Через два дня стихотворение Эммы Лазарус «The New Colossus» собрало двадцать одну тысячу долларов и получило первый приз.

[12] Ральф Уолдо Эмерсон (1803, Бостон — 1882, Конкорд) — американский эссеист, поэт и философ; один из виднейших мыслителей и писателей США.

[13] Перевод В. Лазариса.

[14] Бен-Цион — первый сын Элиэзера Бен-Йеѓуды, пионера возрождения иврита в качестве разговорного языка.

[15] Стена Плача, Западная стена Храма — стена Иерусалимского храма, построенного царем Иродом. В эпоху изгнания считается главной еврейской святыней.

[16] Йеѓуда, по прозвищу Маккавей (*ивр.* Маккаби) встал во главе восстания против эллинистической династии Селевкидов во II в. до н. э. Согласно преданию, имя «Маккаби» составлено из первых букв слов девиза, написанного на его знамени: «Кто сравнится с Тобой, Господь».

[17] Теодор (Биньямин-Зеэв) Герцль (1860, Будапешт — 1904, Эдлах, Австрия) — еврейский общественный и политический деятель, основатель Всемирной сионистской организации, провозвестник еврейского государства и основоположник идеологии политического сионизма. Журналист, писатель, доктор юриспруденции. Именем Теодора Герцля назван город Герцлия в Израиле, множество улиц и площадей в Израиле, США и других странах.

[18] Нордау Макс (псевдоним; настоящее имя — Симха-Меир (Симон Максимилиан) Зюдфельд, 1849, Будапешт — 1923, Париж) — философ, писатель, публицист и общественный деятель, один из основателей Сионистской организации; врач-психиатр по профессии.

[19] Своим пониманием роли Макса Нордау как критика еврейского тела автор во многом обязан Сандеру Гильману, и в первую очередь его книге *Sander Hilman*. The Jewish Body.New York: Routlege, 1991. Разумеется, он не несет никакой ответственности за ошибки автора в толковании идей Нордау.

[20] *Max Nordau*, Zionistische Schriftеп, 2nd ed. Berlin, 1923, pp. 484–486; цит. по *Schlomo Avneri*. The Making of Modern Zionism. New York: basic Books, 1981, p. 101.

[21] Альфред Дрейфус (1859–1935) — французский офицер, еврей. В 1894 г. в Генштабе обнаружился документ с перечнем секретных бумаг, переданных германскому атташе в Париже. По почерку было установлено, что записку написал Дрейфус, на основании

этого он был обвинен в передаче секрета вероятному противнику; в декабре 1894 г. суд приговорил его к пожизненному заключению, и капитан был публично унизительно разжалован и отправлен в тюрьму во Французскую Гвиану, на Чертов остров. Своей вины он не признал. Вскоре у многих возникли сомнения в основательности улик; были названы другие подозреваемые. В 1906 г. суд полностью оправдал Дрейфуса. Он был восстановлен на службе и повышен в звании до майора, но вскоре, из-за проблем со здоровьем, приобретенных в заключении, вышел в отставку. Будучи офицером запаса, Дрейфус вернулся в армию с началом Первой мировой войны, дослужился до подполковника и в 1918 г. был награжден орденом Почетного легиона.

[22] *The Jews in the Modern World:* A Documentary History. / Ed. Paul R. Mendes-Flohr and Jehuda Reinharz. New York: Oxford University Press, 1980, pp. 434–435.

[23] Макс (Моше-Лейб) Лилиенблюм (1843, Кейданы, ныне Кедайняй, Литва, — 1910, Одесса) — писатель и публицист периода поздней *Ѓаскалы* (Просвещения), один из руководителей движения *Ховевей Цион* (Любящие Сион — палестинофилы). Писал преимущественно на иврите.

[24] М. Нордау воспринимал термин «антропология» в том комплексе значений, который он имеет в современной англо-американской и французской культуре — философская + социальная + культурная + физическая антропология. В германоязычных странах под этим термином в то время понималась преимущественно физическая антропология.

[25] *Theodor Hertzl.* The Diaries of Theodor Hertzl. / Ed. and transl. Marwin Lowenthal. New York: Grosset&Dunlap, 1962, p. 76.

[26] *Гематрия* (*ивр.*) — метод экзегезы, заключающийся в установлении численного значения ивритских слов и поиске дополнительных его смыслов и связей с другими словами или фразами такой же численной величины.

[27] *Геллер Авраам.* Беньямин Зеэв Герцль: Провозвестник государства и создатель сионистской организации. Краткий биографический очерк. Изд. 2-е, перераб. и доп. Тель-Авив, 1974.

[28] Гордон Аѓарон-Давид (1856–1922) — один из основателей, идеолог и духовный руководитель первопроходческого движения (*Ѓе-Халуц*) в сионизме.

[29] *Кибуц* — сельскохозяйственная коммуна, характеризующаяся общностью имущества и равенством в труде и потреблении. Первое основанное на коллективных началах сельскохозяйственное поселение Дгания было создано в 1909 г. К концу Первой мировой войны в стране уже было восемь сельскохозяйственных коммун, в которых состояли в общей сложности 250–300 человек.

[30] Ha-Shomer Ha-Zair, Our World-View. — In: The Jews in the Modern World: A Documentary History. / Ed.: Paul R. Mendes-Flohr and Jehuda Reinharz. New York: Oxford University Press, 1980, pp. 453–455.

[31] *Meldorf E. Spero*. Kibbutz: Venture to Utopia. Cambridge: Harvard University Press, 1956.

[32] *Paula Rayman*. The Kibbutz Community and National Building. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1981, p. 53.

[33] Ibid., c. 55.

[34] Еврейский легион — созданное по инициативе Владимира (Зеэва) Жаботинского добровольное подразделение (пять батальонов) в составе британской армии. В 1918 г. Еврейский легион принял участие в боевых действиях в Палестине и Заиорданье.

[35] Еврейская бригада — единственное еврейское национальное воинское соединение в составе союзных войск (британской армии) в годы Второй мировой войны. Созданная в сентябре 1944 г., она состояла из евреев-добровольцев, имела свои войсковую эмблему и знамя — белое полотнище с двумя голубыми полосами, золотой звездой Давида и надписью «Jewish Brigade». Первый бой бригада приняла в Италии. По окончании войны в июле 1945 г. была переброшена в Бельгию и Нидерланды и год спустя распущена.

[36] *Howard Blum*. The Brigade; an Epic Story of Vengeance, Salvation and World War II. New York: Harper Collins, 2001, p. 162.

[37] *Chuck Olin and Matthew Palm*. "In Our Own Hands": The Hidden Story of the Jewish Brigade in World War II. / Ed.: Chuck Olin. Chicago/San Francisco: Chuck Olin Associates/KQED, 1998.

[38] *Howard Blum*. The Brigade, p. 162.

[39] Изреэльская долина — вторая по размерам (367 кв. км) после Иорданской внутренняя долина Израиля. Вместе с долинами Харод (116 кв. км; обычно рассматривается как часть Изреэльской долины) и Бейт-Шеан (219 кв. км) отделяет горные массивы Галилеи от гор Самарии, образуя сквозной проход от реки Иордан к низменности Хайфского залива (долина Звулун). Названа по городу Изреэль (букв. «посеет Бог»), находившемуся в центре долины.

[40] *Amia Lieblich, Kibbutz Makom*. Report from an Israeli Kibbutz. New York: Pantheon Books, 1981.

[41] Ibid., c. 8–9.

[42] Элиэзер Бен-Йеѓуда (Лейзер-Ицхок Перельман; 1858 Лужки, Литва —1922, Иерусалим) — «отец современного иврита», человек, отдавший всю свою жизнь возрождению иврита в качестве современного разговорного языка, его развитию и обогащению. Создал первый еженедельник на иврите, основал Комитет языка иврит, впоследствии — Академию языка иврит, начал публикацию первого полного словаря иврита.

[43] Хаим-Азриэль Вейцман (1874–1952) — ученый-химик, политик, президент Всемирной сионистской организации (1929–1946), первый президент Государства Израиль (был избран 16 мая 1948 г., президент Израиля с 1949 по 1952 г.). В годы Первой мировой войны Вейцману удалось оказать значительную услугу британским вооруженным силам: в ходе работ над синтетической резиной им был разработан новый способ получения необходимого для изготовления боеприпасов ацетона с помощью бактерии Clostridium acetobutylicum, которую теперь иногда называют «организмом Вейцмана». Благодаря своим связям в правящих кругах Великобритании и одновременно растущему влиянию в сионистском движении он смог добиться роста интереса правительства Великобритании к сионизму, кульминацией которого стала Декларация Бальфура: 2 ноября 1917 г. действующий министр иностранных дел Великобритании написал лорду Лайонелу Уолтеру Ротшильду о благосклонном отношении британского правительства к восстановлению еврейского

национального очага в Палестине и о том, что правительство приложит все усилия для облегчения достижения этой цели.

[44] Артур Джеймс Бальфур, 1-й граф Бальфур (1848–1930) — британский государственный деятель, 50-й премьер-министр Великобритании с 1902 по 1905 гг., депутат палаты общин от консервативной партии. В 1917 г. занимал пост министра иностранных дел в правительстве Ллойд-Джорджа.

[45] Война за независимость — война, которую вели евреи Земли Израиля против армий соседних арабских государств и нерегулярных арабских формирований в 1947–1949 гг. за свою жизнь, свободу и независимость.

[46] Имеется в виду операция ВВС Израиля (кодовые названия — «Опера», «Вавилон») с целью уничтожения ядерного реактора «Осирак» на территории Ирака в июне 1981 г.

Глава 11
Грубые евреи

[1] Подразумевается участие, пропорциональное еврейской доле в населении США.

[2] Информацией по ранней истории еврейского бокса я в значительной степени обязан книге: *Douglas Century.* Barney Ross. New York/Schoken, 2006. См. так же *Ken Blady.* Jewish Boxers Hall of Fame. New York: Specialist Press International, 1988, а так же *Allen Borner.* When Boxing Was a Jewish Sport. Westport/CT: Greenwood/Praeger Trade, 1997.

[3] *Бар мицва* — религиозное совершеннолетие, наступающее у мальчиков в тринадцать лет. Обычно сопровождается особой церемонией: в субботу, следующую за днем тринадцатилетия, мальчика впервые вызывают к чтению недельной главы Торы, и он удостаивается почетного права прочитать либо всю недельную главу, либо ее часть.

[4] Дни трепета — еврейские осенние праздники *Рош ѓа-Шана* (Новый год), *Йом Кипур* и дни между ними (с 3 по 9 число месяца *тишрей*).

[5] Морское сражение за Гуадалканал произошло 12–15 ноября 1942 г. и стало решающей битвой в серии морских сражений между союзниками (преимуще-

ственно ВМФ США) и военными силами Японской империи у Соломоновых островов.

[6] Серебряная Звезда — военная награда США. Была учреждена 16 июля 1932 г. Вручается за исключительную отвагу в бою и является третьей по старшинству наградой за храбрость.

[7] Теракт на Мюнхенской Олимпиаде был совершен во время Олимпийских игр в Мюнхене в 1972 г. членами радикальной палестинской организации «Черный сентябрь». Жертвами теракта стали 11 членов израильской олимпийской сборной (4 тренера, 5 участников соревнований и двое судей), а также 1 немецкий полицейский. Израильская разведка *Мосад*, выполняя специальное задание премьер-министра Израиля, начала поиск организаторов мюнхенского теракта. К июню 1973 г. 13 человек из 17, числившихся в черном списке *Мосада*, были убиты.

[8] Информация о еврейских гангстерах почерпнута преимущественно из: *Albert Fried*. The Rise and Fall of the Jewish Gangster in America. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1980. См. также *Roberto R. Rockaway*. But He was Good to His Mother: The Lives and Crimes of Jewish Gangsters. Jerusalem/New York: Geffen Publisching, 2000. *Rich Cohen*. Tough Jews: Father, Sons, and Gangster Dreams. New York: Vintage Books, 1999. Перу Коэна также принадлежит блестящая книга о еврейском сопротивлении во время Второй мировой войны: *The Avengers*. New York: Vintage Books, 2001.

[9] Нижний Ист-Сайд — бедный иммигрантский район Нью-Йорка, в начале XX в. евреи составляли значительную часть его населения.

[10] *Шива* («семь (дней траура)») — семь дней после похорон, в течение которых близким родственникам покойного запрещено носить кожаную обувь, мыться, стричься, сидеть на высоких сиденьях, изучать Тору. Скорбящие не должны выходить из дома.

[11] Первоначально «черной рукой» называли представителей итальянских преступных группировок (неаполитанской коморры и сицилийской мафии), осевших в США. Их основной «специализацией» был рэкет. На рассылаемых бандитами угрожающих письмах вместо подписи был нарисован значок, изображавший черную руку.

Глава 12
«Мастерок и меч»

[1] *Кипа* — ермолка, маленькая шапочка, которой соблюдающие традицию евреи покрывают голову.

[2] Речь идет об операции «Мир Галилее» — военной операции Израиля на территории Ливана в 1982 г. с целью уничтожения баз Организации освобождения Палестины (ООП). В ходе войны была взята столица Ливана Бейрут, а формирования ООП были вынуждены покинуть страну и перебраться в Тунис. После окончания операции «Мир Галилее» израильские войска создали в Южном Ливане «зону безопасности», которую контролировали совместно с Армией Южного Ливана вплоть до 2000 г.

[3] День памяти павших в войнах Израиля и жертв террора — израильский государственный день траура. День памяти отмечается 4 *ияра* по еврейскому календарю. За ним всегда следует День независимости Израиля, который празднуется 5 *ияра*.

[4] Шестидневная война — война между Государством Израиль и арабскими странами, продолжавшаяся с 5 по 10 июня 1967 г. Израиль одержал в Шестидневной войне одну из величайших побед в своей истории. Были разгромлены армии трех арабских стран, которые потеряли более пятнадцати тысяч убитыми и около шести тысяч пленными. Израиль потерял убитыми 777 человек. В результате Шестидневной войны столицей Израиля стал объединенный Иерусалим. Под его контроль перешли Голанские высоты, Синай и западный берег реки Иордан.

[5] *Charles E. Silberman*. A Certain People: American Jews and Their Lives Today New York: Summit Books, 1985, p. 202.

[6] Джон Уэйн (наст. имя Мэрион Роберт Моррисон; 1907–1979) — американский актер, которого называли королем вестерна. Снимаясь ежегодно примерно в пяти фильмах, он был едва ли не самым востребованным голливудским актером эпохи звукового кино.

[7] См. Пролог.

[8] Герой романа Леона Юриса «Эксодус» («Исход», 1958). Кити Фремон — его подруга-американка. В романе воссоздан исторический период, предшествовавший провозглашению Государства Израиль, и события

Войны за независимость. Книга переведена на многие языки (русский перевод — Иер.: Библиотека–Алия, 1973), ее общий тираж превысил семь миллионов экземпляров, классической стала и экранизация романа. Особую роль сыграл «Эксодус» в пробуждении национального самосознания евреев Советского Союза, книга воспринималась как призыв к *алие*.

[9] Война Судного дня началась 6 октября 1973 г., когда египетские и сирийские войска внезапно атаковали израильские позиции во время еврейского праздника *Йом Кипур*. Арабские армии пересекли линии прекращения огня на Синайском полуострове и Голанских высотах и начали продвижение в глубь Израиля. В первые два дня успех был на стороне египтян и сирийцев, но впоследствии чаша весов начала склоняться в пользу Израиля. На второй неделе войны сирийцы были полностью вытеснены с Голанских высот, на синайском фронте израильтяне ударили по двум египетским армиям, пересекли Суэцкий канал и отрезали 3-ю египетскую армию от баз снабжения. Вскоре последовала резолюция ООН о прекращении огня.

[10] Это преувеличение. После Войны за независимость, когда Старый город был занят иорданцами, евреи лишились доступа к Стене Плача, однако до этого на протяжении многих веков Западная Стена была доступна для евреев, о чем свидетельствуют сотни фотографий, картин и воспоминаний.

[11] «Протоколы сионских мудрецов» — появившийся в начале XX в. сборник текстов, которые публикаторы представляли как документы всемирного еврейского заговора. Один из публикаторов, С. А. Нилус, утверждал, что это протоколы докладов участников Сионистского конгресса, состоявшегося в Базеле в 1897 г. В текстах излагаются планы завоевания евреями мирового господства, взятия неевреев под контроль, искоренения прочих религий и проч. Когда председатель Совета министров П. Столыпин велел провести секретное расследование и доложил императору о результатах, не оставлявших сомнений в подлоге, Николай II наложил резолюцию: «Оставьте “Протоколы”. Нельзя делать чистое дело грязными методами». «Протоколы сионских мудрецов» широко использовались нацистской пропагандой и до сих пор играют важную роль в различных конспирологических теориях.

Глава 13
Взгляд наблюдателя

[1] Приведем лишь несколько имен знаменитых средневековых евреев-врачей: Хасдай Ибн-Шапрут; Йона (Юнис) бен Ицхак Ибн-Биклариш, автор высоко ценившегося в Средние века медицинского руководства на иврите; Йеѓуда ѓа-Леви; Авраѓам Ибн-Эзра; Авраѓам Ибн-Дауд; Шешет бен Ицхак бен Йосеф Бенвенисти; великий Маймонид; Йосеф ѓа-Наси Ибн-Фаруэизль, прозванный *Сиделлус*, придворный врач Альфонсо VI Кастильского (использовал свое влияние для защиты евреев Толедо и Гвадалахары от притеснений); Натан-Йоэль Фалакера, автор нескольких сочинений по медицине на иврите; Яаков ѓа-Катан; Давид Негро бен Гдалия, придворный врач и один из высших придворных сановников в Кастилии; Йосеф бен Давид, близкий советник и врач короля Арагона Альфонса V, и мн. др.

[2] *Sander Hilman*. The Jew's Body. New York: Routeledge, 1991, pp. 38–39.

[3] Теодор Фонтане (1819, Нойруппин–1898, Берлин) — немецкий писатель, представитель поэтического реализма. Перу Фонтане принадлежат многочисленные драмы, стихи, биографии, исторические повествования, критические и публицистические статьи.

[4] Речь идет об Австро-прусской войне 1866 г., окончившейся победой Пруссии.

[5] *Sander Hilman*. The Jew's Body. New York: Routeledge, 1991, pp. 41–42.

[6] *Max Nordau*. Jewry of Muscle. — In.: The Jews in the Modern World: A Documentary History. / Ed. Paul R. Mendes-Flohr and Juhuda Reinhartz. New York: Oxford University Press, 1980, pp. 434–435.

[7] *Sander Hilman*. The Jew's Body. New York: Routeledge, 1991, p. 53.

[8] Научное понятие расы не сложилось до начала XX в. Число и тип рас также варьируются в разных теориях. Список расообразующих признаков, как впоследствии выяснилось, неточный, был четко сформулирован лишь в 20-е гг. XX в.

[9] Роберт Кнокс (1791–1862) — шотландский хирург, анатом и зоолог, читал лекции в Эдинбургском университете. Скандально известен тем, что покупал

трупы для анатомического театра у двух известных убийц, Уилльяма Берке и Уилльяма Хейре.

[10] *Sander Hilman*. The Jew's Body. New York: Routeledge, 1991, p. 174.

[11] Мозес (Моше, Мориц) Гесс (1812–1875) — один из первых немецких социалистов и ранних провозвестников сионизма, в частности социалистического. В 1862 г. Гесс издал в Германии книгу «Рим и Иерусалим», вошедшую в классику сионистской литературы.

[12] Ibid., с. 179.

[13] Ibid., с. 183.

[14] Ibid., с. 184–185.

[15] Ibid., с. 187.

[16] *Sharon Romm*. The Changing Face of Beauty. St. Louis, MO.: Mosby Year book, 1992, p. 174.

[17] *Bet Preminger.* Jewish Nose and plastic Surgery: Origin and Implications. — In.: Journal of American Medical Association, 286 (17), 2001: 2161.

[18] Фанни Брайс (1891–1951) — популярная американская комедийная актриса, певица, конферансье. Она была создательницей и звездой самого успешного радиосериала в США «Шоу малышки Снукс». Спустя 17 лет после ее смерти на Бродвее был поставлен мюзикл о ее жизни под названием «Смешная девчонка», а в одноименном фильме (1968) роль героини исполнила Барбра Стрейзанд.

[19] Дороти Паркер (1893–1967) — американская писательница, поэтесса и сценаристка, известная своим едким юмором и проницательными оценками.

[20] *Keren Engelberg.* Making the Cut.

[21] Ibid..

[22] *Jane Gross*. As Ethnic pride rices, Rhinoplasty Takes a Nose Dive. — In.: The New York Times, 3.01. 1999.

[23] Виктория Дэйви (Тори) Спеллинг (род. 1973) — американская киноактриса («Мыши-байкеры с Марса», «Ктулху»), дочь знаменитого американского телепродюсера и кинорежиссера Аарона Спеллинга. Розанна Барр (род. 1952) — американская комедийная актриса («Не бей копытом», «Дьяволица») и телеведущая. Кейт (Катя) Хадсон — американская киноактриса («Почти знаменит», «Четыре пера»), дочь голливудской звезды Голди Хоун, Натали Портман (род. 1981) — американская кино- и театральная актриса.

[24] *Bet Preminger.* Jewish Nose and plastic Surgery: Origin and Implications. — In.: Journal of American Medical Association 286 (17), 2001.

[25] *Keren Engelberg.* Making the Cut.

[26] Ботокс — нейротоксин группы А, очищенный в лабораторных условиях и активно используемый в современной косметологии и эстетической медицине. Инъекции ботокса — одно из основных направлений омоложения кожи лица и тела.

[27] *I.S. Whitsker, R.O. Karoo, G. Spyrou, and O. M. Fenton.* The Birth of Plastic Surgery: The Story of Nasal Reinstruction from the Edwin Smoth Papyrus to the Twenty-first Century.— In.: Plastic and Reconstructive Surgery 120 (1) (2007): 423–436.

Глава 14
«Телесная» литература

[1] Перевод С. Апта.

[2] «Как можешь Ты со столь ничтожной долей иудаизма упрекать меня за то, что я (пусть из одного пиетета, как Ты выражался) не заставлял себя исполнять такую же малость. Насколько я мог видеть, это, в самом деле, было для тебя нечто ничтожное, развлечение, да и не развлечение даже, Ты посещал храм четыре дня в году, был ближе к безразличным, чем к тем, кто принимал это всерьез, терпеливо разделывался с молитвой как с формальностью, приводил меня часто в изумление, показывая в молитвеннике место, которое как раз читалось, и все остальное время Ты позволял мне, раз уж я в храме (это было главным делом), слоняться где угодно. Итак, я прозевал и продремал там долгие часы (так скучно мне было, я думаю, только на уроке танцев), силился по возможности развлечь себя тем скромным разнообразием, которое там представлялось, например, когда открывали Ковчег, что всегда мне напоминало тир, где тоже, если попасть в черный центр, открывалась дверца шкафа, только там всегда появлялось что-нибудь интересное, а здесь лишь старые куклы без голов. Впрочем, мне там бывало часто страшно, не только, само собой разумеется, из-за множества людей, с которыми приходилось соприкасаться, но и потому, что однажды Ты мимоходом упомянул, что и меня тоже могут вы-

звать к Торе. Годами я дрожал от страха при мысли об этом. В остальном, однако, моей скуке никто существенно не мешал. Самое большое — *бар мицва*, но она предполагала лишь смешное заучивание наизусть, то есть сводилась лишь к нелепому экзамену, и, кроме того, это уже связано с Тобой, маленькие незначительные происшествия, например, когда Ты вызывался к Торе, и Ты хорошо справлялся с этим исключительно общественным, по моему ощущению, событием или когда во время поминовения усопших оставался в храме, и меня выдворяли оттуда, что на протяжении долгих лет вызывало у меня едва осознаваемое чувство, вызванное, очевидно, отсылкой прочь и недостатком сколько-нибудь глубокого интереса, будто там происходит что-то непристойное. Так было в храме, дома это было еще более убого и ограничивалось первым пасхальным вечером, который по мере роста детей все больше становился похожим на комедию с судорожным смехом» («Письмо отцу»; перевод В. Белоножко).

[3] Перевод Е. Кацевой.

[4] Перевод А. Тарасова.

[5] Перевод Л. Черновой.

[6] Philip Roth, The *Breast* (New York: Holt, Rinehart and Winston, 1972), p. 12 (рус. рус. перевод — изд-во «Полина», Вильнюс, 1993))

[7] Целан Пауль (наст. фам. Ангель Поль, 1920–1970) — австрийский поэт. С 1948 г. жил в Париже. В стихотворении «Фуга смерти» (из сборника «Песок из урн», 1948) опыт Катастрофы и чувство вины уцелевшего перед миллионами уничтоженных претворены в восходящий к библейским псалмам реквием.

[8] Леви Примо (1919–1987) — итальянский писатель. В 1943 г. вступил в итальянское партизанское движение. В 1944 г. был заключен в Освенцим, где находился до освобождения Советской армией.

[9] Суцкевер Авраѓам (1913–2010) — еврейский поэт и прозаик.

[10] Озик Синтия (род. 1928) — американская писательница.

[11] Перевод В. Пророковой.

[12] Перевод В. Пророковой.

[13] Башевис-Зингер Исаак (1904–1991) — еврейский писатель, критик и журналист. Искусство Башевиса-

Зингера оригинально сочетает специфически еврейскую самобытность и усвоенные извне формы мировой культуры.

[14] *Дибук* — в еврейском фольклоре злой дух, являющийся душой умершего злого человека.

Душа-*дибук* не может расстаться с земным существованием из-за своих преступлений (например, самоубийства) и ищет живого человека, в которого может вселиться.

[15] Перевод С. Крайтон.

[16] Роман американского писателя Сола Беллоу (1915–2005).

[17] Роман американского писателя Бернарда Маламуда (1914–1986).

[18] Перевод С. Коровина.

[19] В переводе С. Коровина: «...подготовки к конфирмации»

[20] Уингейт Чарльз Орд (1903–1944) — британский офицер, участник Второй мировой войны, генерал-майор. В 1936 г. Уингейт был направлен служить в Палестину, где проникся симпатией к идее еврейского государства. В ходе арабского восстания в Палестине (1936–1939) Уингейт организовал специальные ночные подразделения для отпора погромщикам и бандитам. В Израиле имя Уингейта носит Институт физической культуры.

[21] Имеется в виду Лоуренс Аравийский (Томас Эдвард Лоуренс), британский офицер, поднявший в 1916–1918 гг. арабское восстание в Трансиордании и Палестине против турок.

[22] Мужчина, человек (*идиш*).

[23] Эту фразу произносят во время пасхального *седера*.

Глава 15
Еврейская сила

[1] Недельный раздел Торы — еврейский текст Пятикнижия делится на 54 (по числу недель лунно-солнечного года) раздела, которые названы по первым значимым словам раздела. Разделы эти, поделенные на семь частей, читают по пергаментным свиткам Торы в субботу в ходе утреннего богослужения; первые части разделов грядущей субботы чита-

ют также в утреннем богослужении понедельника и четверга.

[2] «И сказал Господь: вопль сдомский и аморский, велик он, и грех их, тяжел он весьма. Сойду же и посмотрю: если по мере дошедшего ко Мне вопля его поступали они, тогда — конец! а если нет, то буду знать. И обратились оттуда мужи, и пошли в Сдом, а Авраѓам еще стоит пред Господом. И подошел Авраѓам, и сказал: "Неужели Ты погубишь праведного с нечестивым? Может быть, есть пятьдесят праведников в этом городе? Неужели Ты погубишь и не простишь места сего ради пятидесяти праведников в нем? Неблагопристойно Тебе делать подобное, чтобы погубить праведного с нечестивым и чтобы праведный был, как нечестивый; неблагопристойно Тебе это! Неужели Судья всей земли не учинит правосудия?" И сказал Господь: "Если Я найду в Сдоме пятьдесят праведников внутри города, то Я прощу всему месту ради них"...» (Бытие, 18: 20–26).

[3] Этот отрывок из Торы включен не только в субботнюю, но и в ежедневную утреннюю молитву.

[4] Перевод И. Ладыженского.

[5] Автор скорее интуитивно, чем осознанно подходит здесь к идеологии *кнааним*, известных еще и как *ѓа-иврим ѓа-цеирим* (младоевреи). Эта идеология основывалась на отталкивании от еврейской религиозной традиции, отождествлявшейся с психологией *галута*. *Иврим* — новая нация, формирующаяся в Израиле, противопоставлялась евреям *галута* — *йеѓудим*.

[6] Речь идет о теракте 9 августа 2001 г., совершенном террористом-самоубийцей в пиццерии «Сбарро» в центре Иерусалима.

Глава 16
Дочери Дворы

[1] *Ran Aronson*. Through the Eyes of Settlers Wife: Letters from the Moshava. — In: Pioneers and Homemakers. Ed. Debora S. Bernstein. New York: state University of New York Press, 1992, pp. 34–35.

[2] *Shulamit Reinharz*. Manya Wilbuschewitz-Shohat and the Winding Road to Sejera. — In.: Pioneers and Homemakers. Ed.: Debora S. Bernstein. New York: state University of New York Press, 1992, p. 100.

[3] *Deborah S. Bernstein and Musia Lipman*. Fragments of Life: From the Diaries of Two Young Women. — In.: Pioneers and Homemakers. — Ed.: Debora S. Bernstein. New York: State University of New York Press, 1992, p. 149.

[4] Ibid., c. 161–162.

[5] *Hannah Senesh*. Her Life and Diary. / Trans. Marta Cohn. New York: Schochen Books, 1972. или см. также изданный в 1975 г. по-русски в «Библиотеке–Алия» (в переводе А. Белова и И. Лапидота) сборник ее писем, стихов, воспоминаний о ней «Хана Сенеш, ее жизнь, миссия и героическая смерть», см. также: *Peter Hay*. Ordinary Heroes: Chana Szenes and the Dream of Zion. New York: G.P. Putman's Sons, 1986.

[6] *Rich Cohen*. The Avengers: A Jewish War Story. New York: Alfred A. Knopf, 2000, p. 63.

[7] *Nechama Tec*. Defiance: The Bielski Partisans. New York: Oxford University Press, 1993, p. 54.

[8] *Abraham H. Foxman*. The Resistance Movement in the Vilna Ghetto. — In.: They Fought Back. / Ed.: Yuri Suhl. New York: Paperback Library, 1967, p. 175.

[9] *Yuri Suhl*. Little Wanda with the Braids. — In.: They Fought Back. / Ed.: Yuri Suhl. New York: Paperback Library, 1967, p. 110.

[10] *Ze'ev Schiff*. A History of the Israeli Army: 1874 to the Present. New York: Mackmillan, 1985, p. 110.

[11] Тель-Хай — поселок в Верхней Галилее, на севере Израиля, близ границы с Ливаном. После поражения Османской империи в Первой мировой войне земля, на которой располагался Тель-Хай, вместе с Сирией и Ливаном отошла к Франции. В 1920 г. началось вооруженное сопротивление арабов французским властям. Нападению также подвергались еврейские поселения. Население Тель-Хая было малочисленным — всего 20 человек. Вскоре в Тель-Хай прибыло подкрепление, состоявшее из добровольцев, под предводительством Йосефа Трумпельдора. В бою за Тель-Хай погибли восемь поселенцев.

[12] *Ѓагана* (*ивр.* «оборона», «защита») — подпольные вооруженные силы, созданные евреями в подмандатной Палестине в 1920 г., ставшие с образованием еврейского государства основой Армии обороны Израиля.

[13] *Пальмах* (акроним словосочетания *плугот махац* — «ударные роты») — особые отряды *Ѓаганы*, позднее — часть Армии обороны Израиля.

[14] *Dr. Ruth Westheimer*. Talks About Grandparents: Advice For Kids On Making The Most of a Special Relationship with Pierre A. Lehu. Farrar, Strauss & Giroux, 1997, paperback, Madison Books, 2001.

[15] *Louie Williams*. Israel Defense Army: A People's Army. Tel-Aviv: Ministry of Defense Publishing House, 1989, p. 322.

[16] Текст из Книги Иудифи приведен в русском синодальном переводе.

[17] Перевод Ю. Винер.

[18] *Гемара* (*ивр.* «завершение») — основная часть Талмуда, собрание дискуссий и рассуждений законоучителей III–V вв. по поводу более раннего канона талмудических текстов — *Мишны*. Словом *Гемара* нередко называют весь Талмуд и отдельные талмудические трактаты.

Глава 17
Еврейские гены?

[1] К 2010 г. совместными усилиями международной группы ученых еврейский геном был расшифрован. На хромосомном уровне доказано родство разных ветвей еврейства: сефардов, ашкеназов, восточных евреев, — а также их ближневосточное происхождение. Вместе с тем большинство закономерностей по-прежнему носят статистический, а не абсолютный характер.

[2] *Га́лаха* — нормативная часть иудаизма, регламентирующая религиозную, семейную и гражданскую жизнь евреев. Совокупность религиозных правил и предписаний представлена в законодательных разделах Торы, Талмуда и других книгах раввинистической литературы. Термином *Га́лаха* называют также законоведческие тексты Талмуда и всю законоведческую литературу, а также конкретные законы и постановления.

[3] Раввин Адин Штейнзальц предложил ответ на известный вопрос «Кто является евреем?»: «Еврей — это тот, кто у в е р е н в том, что внук его будет евреем».

[4] *Richard M. Goodman*. Genetic Disorders among The Jewish People. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1979.

[5] *H. Oster*. A Genetic Profile of Contemporary Jewish Population. — In.: Nature Reviews of Genetic 2 (11) 2001, pp. 891–898; *I. Kedar-Barnes and P. Rozen*. The Jewish People: The Ethnic History, Genetic Disorders and Specific Cancer Susceptibility, Familial Cancer 3 (34), 2004, pp. 193–199.

[6] Серповидно клеточная анемия — наследственное заболевание крови, при котором происходит поражение красных кровяных клеток, принимающих нехарактерную для них серповидную форму.

[7] Муковисцидоз (кистозный фиброз) — системное наследственное заболевание, обусловленное мутацией и характеризующееся поражением желез внешней секреции, тяжелыми нарушениями функций органов дыхания и желудочно-кишечного тракта.

[8] Лизосома — часть клетки, которая переваривает захваченные клеткой вещества или частицы, а также осуществляет самопереваривание клетки или ее частей. Эти процессы могут быть как нормальными, так и патологическими.

[9] Энзим (или фермент, от *греч*. zymosis, «содержащийся в дрожжах») — белок, который играет роль катализатора в биохимических реакциях.

[10] Рецессивный ген — информационная структура наследственности, которая может подавляться воздействием доминантного гена. Рецессивный ген способен обеспечить проявление определяемого им признака только в том случае, если находится в паре с соответствующим ему другим рецессивным геном. Если же он находится в паре с доминантным геном, то определяемый им признак никак не проявляется.

[11] Аллели — различные формы одного и того же гена, определяющие альтернативные варианты развития одного и того же признака.

[12] Талассемия — группа наследственных форм малокровия, характеризующихся нарушением синтеза белков красных кровяных клеток и разрушением этих клеток. Причиной являются мутации.

[13] Здесь народ интерпретируется как биологическая популяция, что для современных народов, безусловно, неверно. Далее сам автор показывает, почему и каким образом.

[14] *Кашрут* — дозволенность или пригодность с точки зрения *Ѓалахи*. Понятие *кашрут* относится к ши-

рокому кругу юридических и ритуальных проблем: от правомочности свидетелей и права данного лица выполнять определенные обряды или функции до ритуальной пригодности предметов культа, ткани, посуды и т. д.

[15] Митохондрия — часть клетки, в которой происходят химические процессы с выделением энергии, используемой клеткой в процессе жизнедеятельности. Митохондрии — это энергетические станции клетки.

[16] ДНК (дезоксирибонуклеиновая кислота) — один из двух типов нуклеиновых кислот, обеспечивающих хранение, передачу из поколения в поколение и реализацию генетической программы развития и функционирования живых организмов. Основная роль ДНК в клетках — долговременное хранение информации о структуре белков.

[17] *G. Cochran, J. Hardy, and H. Harpenlimg.* Natural History of Ashkenazi Intelligence. — In.: Journal of Biosocial Science 38(5), 2006, pp. 659–693.

[16] Пространственный интеллект — согласно теории множественного интеллекта Гарднера, отвечает за способность воспринимать, трансформировать и модифицировать зрительные образы.

[19] Пролиферация — разрастание ткани животного или растительного организма путем новообразования клеток.

[20] *Bromberg, Kenneth D, Ma'ayan Avi Neves, Susana R. Iyengar, Ravi.* Design Logic of a Cannabinoid Receptor Signaling Network That Triggers Neurite Outgrowth. Science, 320 (2008), pp. 903–909.

[21] *Herzl, Theodor and Lowenthal Marvin tr.* The Diaries of Theodor Herzl. New York: Grosset & Dunlap, 1962, p. 9.

Эпилог

[1] Бат-Шева (Вирсавия) была женой Урии, одного из офицеров Давида. Когда Бат-Шева забеременела, Давид приказал своему военачальнику Йоаву послать Урию на такое боевое задание, с которого он бы не вернулся. После гибели Урии Давид женился на его вдове.

[2] «И кроме дочери фараона любил царь Шломо многих чужестранных женщин: моавитянок, аммони-

тянок, эдомеянок, цедонянок, хетиянок — из тех народов, о которых Господь сказал сынам Израилевым: "Не идите вы в среду их, и они пусть не входят в среду вашу, потому что они неизбежно склонят сердце ваше к своим божествам", — к ним прилепился Шломо любовью.

И было у него семьсот жен-княгинь и триста наложниц; и развратили жены его сердце его» (I-я Царей, 11:1–3).

[3] «И сварил Яаков кушанье; а Эсав пришел с поля усталый. И сказал Эсав Яакову: "Дай мне поесть из красного, красного этого, ибо я устал". Поэтому дано ему прозвание Эдом.

И Яаков сказал: "Продай мне теперь же свое первородство". И Эсав сказал: "Ведь я хожу на смерть, на что же мне первородство?" И Яаков сказал: "Поклянись мне теперь же". И он поклялся ему, и продал первородство свое Яакову...» (Бытие, 25:29–33).

[4] «И было, когда Ицхак состарился, и притупилось зрение глаз его, он призвал Эсава, старшего сына своего, и сказал ему: "Сын мой!" Тот сказал ему: "Вот я". И сказал: "Вот, я состарился уже, не знаю дня смерти моей. Возьми же теперь орудия твои, колчан твой и лук твой, и выйди в ноле, и налови мне дичи. И приготовь мне кушанье, какое я люблю, и принеси мне, и буду есть, чтобы благословила тебя душа моя, прежде чем я умру". Ривка же слышала, когда Ицхак говорил Эсаву, сыну своему. И пошел Эсав в поле ловить дичь, чтобы принести. А Ривка сказала Яакову, сыну своему, так: "Вот, я слышала, как отец твой говорил Эсаву, брату твоему: 'Принеси мне дичи и приготовь мне кушанье; и я поем, и благословлю тебя пред Господом перед смертью моей'.

Теперь же, сын мой, послушайся голоса моего в том, что я прикажу тебе: пойди же в стадо и возьми мне оттуда двух козлят хороших; и я приготовлю из них отцу твоему кушанье, какое он любит; и ты принесешь отцу твоему, и он поест, чтобы он благословил тебя перед смертью своею".

И Яаков сказал Ривке, матери своей: "Ведь Эсав, брат мой, человек волосатый, а я человек гладкий. Может статься, ощупает меня отец мой, и я буду в глазах его обманщиком, и наведу на себя проклятие, а не благословение". И сказала ему мать его: "На меня про-

клятие твое, сын мой; только послушайся голоса моего, и пойди достань мне". И он пошел, и взял, и принес матери своей; и сделала мать его кушанье, какое любил отец его» (Бытие, 27:1–15).

[5] «И сказал Давид Шаулю: раб твой пас овец у отца своего, а когда приходил лев или медведь и уносил овцу из стада, то я уходил за ним и бил его, и вырывал из пасти его; а если он бросался на меня, то я брал его за космы и бил его, и убивал его. И льва и медведя убивал раб твой; и будет с этим необрезанным филистимлянином то же, что с одним из них, за то что он, поносил строй Бога живого. И сказал Давид: Господь, который спасал меня от льва и от медведя, Он спасет меня и от руки этого филистимлянина» (Самуила I, 77:34–37).

[6] В мемуарах Голды Меир, где приводится этот эпизод, о погроме прямо ничего не говорится: «Но больше всего я помню *пинскер блотте*, как мы их называли, — болота, казавшиеся мне тогда океанами грязи, которых нас научили бояться как чумы. Для меня они навеки связаны с моим всегдашним ужасом перед казаками. Как-то зимним вечером я играла с детьми на краю запретного болота, как вдруг, откуда ни возьмись — а может, и прямо из самого болота — выскочили казаки верхом и понеслись дальше, перескакивая через наши скорчившиеся дрожащие тела. "Ну, — сказала мама, которая сама дрожала и плакала, слушая меня, — ну, что я *тебе* говорила?"» Голда Меир. Моя жизнь. / Пер. Р. Зерновой. Иер.: Библиотека-Алия, 1985.

[7] Golda Meir quoted in "Middle East: The War and the Woman," Time, September 19, 1969; http://www.time.com/time/magazine/printout/0,8816,901451,00 html.

Хронология

[1] Список израильских спортсменов, завоевавших высшие награды на международных соревнованиях, можно дополнить: Арик Зеэви (дзюдо) завоевал бронзовую медаль на Олимпиаде в Афинах; Михаил Калганов завоевал бронзовую медаль в гребле на байдарках на 500 метров среди мужчин на Олимпиаде в Сиднее. На Олимпиаде в Пекине Шахар Цубари завоевал бронзовую медаль по виндсерфингу среди муж-

чин. В августе 2010 г. 15 израильских спортсменов завоевали в Сингапуре на международной юношеской Олимпиаде семь наград, четыре из них — золотые медали.

Мужская сборная Израиля по теннису дошла до финальной части кубка Дэвиса, а женская сборная — до финала кубка Федерации. Теннисистка Шахар Пеэр и пара Энди Рам — Йони Эрлих поднялись к вершинам мировых достижений.

Коннер М.
К 64 Еврей телесный / Мелвин Коннер; Пер. с англ. Е. Левина. — М.: Текст, Книжники, 2012. —348[4] с.

ISBN 978-5-7516-1011-1 («Текст»)
ISBN 978-5-9953-0161-5 («Книжники»)

Перед вами книга, которая рассматривает человеческое тело через призму определенной культуры. Автор скрупулезно анализирует самые разные аспекты еврейской телесности, от обрезания до погребения. Коннер рассказывает, как складывалась система взглядов на «еврейское тело» у неевреев, в том числе и антисемитов, и как она, в свою очередь, оказала влияние на еврейскую мысль. Он подробно описывает медицинские и культурные аспекты обрезания, исследования наследственных заболеваний, характерных для евреев, меры нацистов по устранению «угрозы общественному здоровью», которую якобы приносят евреи, и многое другое.

Мелвин Коннер — известный врач и антрополог, профессор университета Эмори в Атланте.

УДК 39(=411.16)+611
ББК 63.3(0=евр)+28.71

Чейсовская коллекция

Мелвин КОННЕР

ЕВРЕЙ ТЕЛЕСНЫЙ

Под общей редакцией М. Яглома
Ответственный редактор М. Гутгарц
Научный редактор Н. Флора-Дараган
Редакторы Н. Гуткина, К. Клюшников
Корректор Н. Пущина
Координатор Р. Школьник

Издательство благодарит Давида Розенсона
за участие в разработке этой серии

Подписано в печать 29.00.11. Формат 84 x 100/32.
Усл. печ. л. 17,16. Уч.-изд. л. 13,9. Тираж 3500 экз. Изд. № 1032
Заказ № 6744.

Издательство «Текст»
127299 Москва, ул. Космонавта Волкова, д. 7
Тел./факс: (499) 150–04–82
E-mail: text@textpubl.ru
http: www.textpubl.ru
Представитель в Санкт-Петербурге: (812) 312–52–63

Издательство «Книжники»
127055, Москва, ул. Образцова, 19, стр. 9
Тел. (495) 663–21–06; 710–88–03
E-mail: info@knizhniki.ru; lechaim@lechaim.ru
Интернет-магазин: www.knizhniki.ru

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200 г. Можайск, ул. Мира, 93
http:// www.oaompk.ru, www.оаомпк.рф
тел.: (495)745-84-28, (49638)20-685

В серии
ЧЕЙСОВСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ
вышли:

Ханна АРЕНДТ. Скрытая традиция
Рут ВАЙС. Евреи и власть
Иегуда ГАЛЕВИ. Книга хазара
Гилель ГАЛКИН. Иегуда Галеви
Питер ДАФФИ. Братья Бельские
Алан ДЕРШОВИЦ. Слово в защиту Израиля
Кэти ДИАМАНТ. Последняя любовь Кафки
ДИСПУТ РАСТЕРЯННЫХ
Фридрих ДЮРЕНМАТТ. Взаимосвязи
Владимир ЖАБОТИНСКИЙ. Слово о полку
Йоэль КАН. Сквозь призму хасидского учения
Йорам КАНЮК. «Эксодус». Одиссея командира
Яаков КАЦ. Традиция и кризис
Аркадий КОВЕЛЬМАН. Талмуд, Платон и Сияние славы
Сима и Михаэль КОРИЦ. Не хлебом единым
Эдвард КРИЦЛЕР. Еврейские пираты Карибского моря
Джеймс КУГЕЛ. В доме Потифара
Джеймс КУГЕЛ. Как быть евреем
Иржи ЛАНГЕР. Девять врат
Александр МЕЛИХОВ. Биробиджан — земля обетованная
Шервин Б. НУЛАНД. Маймонид
ОТ БИБЛИИ ДО ПОСТМОДЕРНА
Роберт ПИНСКИ. Жизнь Давида
Джонатан РОЗЕН. Талмуд и Интернет

Дэвид Г. РОСКИС. Мост желаний

Йозеф РОТ. Дороги еврейских скитаний

Деннис СОБОЛЕВ. Евреи и Европа

Борис ФРЕЗИНСКИЙ. Мозаика еврейских судеб. XX век

Бенджамин ХАРШАВ. Язык в революционное время

Даниил ХВОЛЬСОН. О некоторых средневековых обвинениях против евреев

Марк ШАГАЛ об искусстве и культуре

Меир ШАЛЕВ. Впервые в Библии

В своей новой книге Мелвин Коннер, профессор антропологии в университете Эмори (Атланта, США), автор девяти книг, пишет о самых разных аспектах еврейской телесности: о еврейских генах, обрезании, еврейском отношении к сексу и менструации. О том, как тело воспринимается еврейской культурой на протяжении веков, об изменении отношения к телу в Новое и Новейшее время, о том, кто впервые придумал измерять длину носов, и о том, как соотносятся еврейские концепции материального тела и бестелесного Бога.

THE CHAIS FAMILY LIBRARY
OF JEWISH THOUGHT